

...на *ка́кой* Воля Божья

Рыжий Туман

Кровавые Небеса

Внимание! Действие происходит в альтернативной реальности, все персонажи являются вымышленными, а все совпадения случайными. Данное произведение не ставит своей целью оскорбление церкви и чьих-либо религиозных чувств. Содержит сцены насилия и эротику. Лицам до шестнадцати лет, гомофобам, радикальным пацифистам и особо впечатлительным к прочтению не рекомендуется. Остальным — добро пожаловать!

Ей было четырнадцать, когда привычный мир разлетелся на кровавые ошметки. Адские твари окрасили все вокруг в алое и пурпур - теперь эти цвета часть ее жизни. Пять лет прошло с тех пор. Она верит, что ею движет месть, но... Может быть, кто еще расставляет фигурки по клеткам? «Вступая в Воинство Христово, не оставь себе ничего, кроме слез кровавых и карающего меча»....

Рыжий Туман
Кровавые Небеса

— Остановись, Ника! Сколько ещё нужно смертей для того, чтобы ты успокоилась?

— Я успокоюсь только тогда, когда кто — то окажется быстрее, сильнее, яростнее меня. Только когда моя плоть будет гнить, не способная двигаться. Надеюсь лишь, что к тому времени меня будет кому заменить.

Алая прядь выбилась из косы и упала мне на лицо. Я заправила её за ухо, вытерла тонкие ножи из булатной стали о скатерть и только тогда взглянула на человека, который с самого детства был моим другом. Последний из давних друзей, всё ещё способный дышать, смотрел сейчас на меня расширенными глазами и взгляд этих небесно — голубых глаз являл собой непередаваемую смесь: злость, вызов, мольба, страх и отвращение. Что ж, чего ещё следовало ожидать после того, как он видел меня за работой? Быть может, я надеялась, что он скажет мне спасибо, проигнорирует трупы и поможет перевязать раны? Если да, то значит я чертовски наивна или глупа. Скорее глупа, ибо наивной я перестала быть уже очень — очень давно. Нет, этого я от него не ждала. Отвращение... Пусть так. Главное, что он будет жить, даже если я потеряла ещё одного друга. Отбросив эмоции, я ощутила обычное чувство удовлетворённости, почти покоя — чувство правильности происходящего.

— Прощай, Альберт.

Я развернулась и направилась к выходу из кафе, которое стало местом кровавой битвы. Альберт, наверное, назвал бы это бойней. Ну и чёрт с ним.

— Ты возомнила себя Господом Богом?! — крикнул он мне в спину. В словах его было осуждение, но в голосе слышалась боль. Я сглотнула подступивший к горлу ком и не поворачиваясь к нему, ответила:

— Нет. Но думаю, Богу будет что сказать, когда оборвётся отведённое мне время. И я тоже вряд ли смолчу.

Так и не обернувшись, я вышла через застеклённую дверь и прохладные сумерки скрывали мои слёзы. Перед глазами всё ещё стоял лучший друг, прижимающий к себе сломанную руку и с ужасом взирающий на кровавые брызги и бездушные тела. Бывший лучший друг.

«Вступая в воинство Христово не оставь себе ничего, кроме слёз кровавых и разящего меча.» Эти слова — первое, что я услышала, очнувшись от болевого шока в подобном этому кровавом кошмаре. Вот только я тогда — четырнадцатилетняя девчонка, а останки под ногами — всё, что осталось от моей семьи. Священник, отец Кирилл, сказал их перед тем как начал пришивать мою почти оторванную руку. Там, сидя в крови своих родных, я беззвучно кричала прямо в небеса — они были красными, как и всё вокруг, а из глаз моих лились кровавые слёзы.

*Господен ангел тих и ясен,
На нем горит блаженства луч,
Но гордый демон так прекрасен,
Так лучезарен и могуч!*

Павел Майков

Я отпила из чашки, в которую несколько минут назад плеснула тройную порцию коньяка, обнаруженного в кухонном шкафу. Покатала холодную жидкость во рту, потянула носом резкий запах алкоголя с чем-то, напоминающим аромат смородиновых листьев, проглотила и по горлу разлилась теплота. Теплота... Что можно сказать о своей жизни, если тепло в неё приходит из бутылки? Не стоит об этом, забудь, Ника. Сейчас мне тепло и только это имеет значение; я живу настоящим мигом — следующего может и не быть. Пью в одиночестве... Будто в ответ на мои мысли воздушное пространство напротив старого кресла, в котором я не то чтобы уютно устроилась, подёрнулось рябью; внутри сгустилась тьма и горячий воздух ударил мне в лицо.

«*Ensis sanguine imbutus!*» — Правую руку прошила привычная боль и долю секунды спустя клинок, вышедший из плоти моей и увлажнённый моей кровью уже смотрел в сторону нежданного гостя. Чашку с коньяком я так и не выпустила, перехватив её левой рукой.

Пахнуло полыньёю, перебив аромат алкоголя, и демон окончательно материализовался.

Всё как обычно: чёрные волосы, бледная кожа, синие глаза — дети Дьявола обладали характерными чертами, будто отдельная раса.

— Тот самый случай, когда геноцид не кажется таким уж злом..заметила я, продолжая его разглядывать и тихо удивляясь, отчего демон всё ещё не напал на меня.

— Да ты пьяна, Воин Христа. — едва различимое удивление проскользнуло в бархатном голосе рода искуителя.

— Адский баптист или у меня белая горячка?

Я медленно сделала глоток, осушив чашку и опустила её на пол у кресла. Едва закончив движение, тело с молниеносной скоростью перетекло в нападение.

Демон был готов и отразил мой выпад, пусть и с трудом. Я почувствовала в себе такой ураган чувств... Ярость... Как бесноватая. Вот это ирония, не правда ли? Низкий рёв прорывался сквозь плотно стиснутые зубы, я обрушивала удар за ударом не утруждая себя заботой о дыхании. Светлое сердце? Чистые помыслы? Ага, как же. У меня была только боль. И ярость, способная эту боль заглушить. Битва. Уничтожь. Порази. Истреби. Очисти землю от исчадий ада. Вот моя задача. А о чистоте души пусть заботятся другие: священники, прихожане, мирные жители, невинные дети. Чтобы они могли жить и замаливать грехи я должна грешить и убивать, убивать, убивать...

— УМРИ! — мой меч мелькал подобно кровавой молнии, лезвие гудело от напряжения и владевших мною эмоций. Демон лишь уклонялся, не доставая оружия и не используя своих сил. Почему? Это странно. Может, хочет позабавиться вдоволь? И почему явился сюда в своём истинном облике, почему не овладел чьим — либо телом? Как нашёл меня в этом

заброшенном доме?

Выпад. Удар. Уклон. Нырок. Опять удар. Я не давала ему времени на уловки.

— Леяника Евангелина Абданк, остановись! — прорычал демон моё полное имя, подныривая под рубящий удар клинка.

— С чего бы это, Ублюдочный Адский Мудак? — я резко крутанулась и впечатала свою босую стопу ему прямо в солнечное сплетение. Тут же направила остриё в лицо демона, не давая перехватить мою ногу.

Он задыхался. Нет, скорее хрипел от боли — на месте, куда пришёлся удар, его плоть дымилась и полыхала белым пламенем.

Наконец-то тварь вышла из себя, протянув в мою сторону пылающую тьмой ладонь. Тугой пульсирующий кнут Адской Мглы — демонского оружия — обжог моё плечо. Я вовремя уклонилась, иначе лишилась бы руки. Демон с удивлением взглянул на свою ладонь. Казалось даже, что Адская Мгла для него стала сюрпризом.

— О, да ты не только болтать можешь?

Подпрыгнув, я приземлилась на шаг левее — старые доски пола в том месте, где я только что стояла покрылись чёрным инеем.

— Cruentus subluceo!^[1]

Перехватив клинок зубами, я простерла руки по направлению к демону и с моих раскрытых ладоней сорвались два мощных потока алого пламени. Охватив левую руку твари, пламя побелело и воздух наполнился запахом жжённой полыни. Завладей демон человеческим телом, он не был бы столь уязвим для священного пламени. Людская сущность служила бы ему щитом, пусть и не вечно. Но этот почему — то не использовал ни защиты, ни человеческого, ни в полной мере демонического оружия. Какой — то камикадзе.

— Видимо и в Аду есть неудачники...

Демон лежал на обломках дряхлого комода, поверженный и всё ещё охваченный пламенем. Близился рассвет.

— Постой... - прохрипел он — я не хотел... на тебя... нападать...

Такого мне ещё встречать не приходилось. Злость вновь начала завлакивать мой разум: каждый раз видя перед собой поверженного демона, я напоминала себе, что эти исчадия ада не знают жалости; перед глазами и во сне и на яву мне виделось кровавое месиво, бывшее когда-то моей семьёй. Нет, не нужно об этом думать. Не сейчас..

— Понимаю, ты не хотел. Я хотела.

Уже занеся меч для последнего удара, совершенно не кстати вспомнила глаза Альберта и его слова. Чёрт! Не могу. Сегодня не могу. Рассеяв клинок, я начала давно заученный экзорцизм:

— Gloria Patri^[2]...

— Лучше убей меня, не отправляй обратно! — голос демона обрёл силу.

— ...et Filio, et Spiritui Sancto^[3]..

Воздух задрожал, знаменуя скорое раскрытие воронки.

— Прошу. Убей меня.

В его глазах плескалось неподдельное отчаяние. Это что — то новенькое.

Демон бросился. Он бежал прямо на меня, но не с целью нападения... Иисусе, он рассчитывал на то, что я его рассею! Демон — самоубийца? В иное время я с удовольствием помогла бы ему с этим, но не теперь. С этим демоном что — то не так и необходимо узнать, что именно. В конце-концов, мне скучно и загадка станет глотком свежего воздуха. Ну, или

тухлого — это как посмотреть.

В последнее мгновение мне удалось увернуться. Не замедляя движения, я крутанулась и бросила в него связующей печатью:

— In domine Dei!!! Amen!^[4] — сияющие кресты замкнулись в непроницаемую клетку.

Сквозь рычание демона и моё собственное громкое дыхание, до меня донёслось приглушенное пение телефона. «Аве Мария» раздавалось из — под кучи сваленного в углу барахла — к чему разбирать вещи, если через час меня здесь может и не быть? Вытащив телефон из кармана бурых от засохшей крови брюк, посмотрела на экран: неизвестный номер.

— Да?..

— Сестра Евангелина! Надеюсь, что лишь исполнение нашего священного долга помешало тебе ответить ранее на предыдущие звонки. Ибо очень важно иметь скорую связь со всеми братьями и сестрами..

— Можно и так сказать, брат «Петер». - не осталась я в долгу.

— «Пётр», моё имя Пётр..

— Ага, а меня зовут Ника. Не сестра, не Евангелина, а «НИКА». Запомни это и я, так у и быть, стану называть тебя в честь Апостола, усёк?

— Ч-что за тон, сестра? Прости Господь, ты пьяна?!

Всё, он меня достал.

— Всё, ты достал меня. Зачем звонишь?

Казалось, я слышала как скрежещут его зубы. Может быть, просто казалось? Возможно, Петер читал молитву, прося у Господа терпения для себя и наставления на путь истинный для моей заблудшей души. Ха.

Из дальнего конца комнаты донёсся слабый задушенный стон. Видно было, что демон испытывает страшную боль, но, кроме случайно вырвавшегося звука, он ничем этого не выдавал. Неплохо, для демона.

— Между прочим, — наконец раздался язвительный голос Петра, — сам отец настоятель желал говорить с тобой! Ты заставила его ждать..

«Брат Пётр, не соблаговолишь ли передать мне трубку? — сильный сочный баритон отца настоятеля.

— Конечно, конечно, святой отец. Я наконец — то сумел дозвониться до сестры Евангелины, что было не легко...

— Благодарю тебя за твой труд.»

В трубке пошли помехи, звук удаляющихся шагов и, наконец, голос отца настоятеля:

— Ника. У тебя всё в порядке, дочка?

— Отец Кирилл. Да... Кхм, всё будет нормально.

— Кто? — сразу догадавшись в чём дело, спросил он.

Я проглотила ком, вновь почему — то подступивший к горлу. Со мной всегда так, когда голос отца Кирилла становится таким добрым и понимающим. Этот человек обладает железной волей, он воспитал из меня Воина, научил убивать. И ещё любить. Последнего совсем немного, но достаточно, чтобы во времена жестоких битв сердце оставалось способным испытывать привязанность. Он последнее, что у меня осталось. Ещё братья из аббатства, такие же воины как и я. Горстка людей и месть — вот всё, что держит меня на этой проклятой земле. С каждым днём из этой горстки убывало...

— Альберт.

— Он жив?

— Вроде того. Повреждена только рука. Нашей дружбе пришёл конец. — мой голос звучал хрипловато.

— Он видел. — утвердительно заметил Кирилл.

— Да.

— Ты спасла ему жизнь, Ника. И ещё много других человеческих жизней.

— Но скольких я убила собственными руками?!.. Дети, старики... Не счесть.

— Сколько на этот раз?

— Семеро. В кафе. Опять класс «константа». Почему они всегда попадаются мне? Я пыталась... пыталась сотни, тысячи раз — ни один экзорцизм не изгоняет этих тварей из человека! Всех... Всех пришлось убить.

— Ты же знаешь, что это бесполезно. Мы испробовали всё, что только возможно, но одна лишь смерть физической оболочки способна остановить дьявольские отродья. — голос Кирилла звенел гневом. — Пойми, ты не в силах помочь всем! Что если в следующий раз, когда ты станешь медлить, демон поразит тебя? Не надо, дочка, не сдавайся. Слышишь меня? Кто, если не ты?

— Прости, Кирилл. Я помню. И не сдамся. Спасибо.

— Держись. Алкоголь может облегчить муки душевные, но лишь на время. Ты должна принять их в сердце своём — иначе никак. Твоё бремя самое тяжкое, но оно твоё. Я всегда с тобой, Ника. Все мы.

— Ты всегда знаешь, когда я выпиваю. Откровение?

Низкий, рокочущий смех.

— Нет, Ника. Годы опыта.

Теперь и я улыбалась.

— Пётр сказал, что ты искал меня. Что случилось?

— Да. Наблюдатели засекли волнения среди демонов, увеличилась активность и частота открытия воронок. Твари хлынули в твоём районе и примыкающих к нему. Причём не какая —нибудь мелочь, а серьёзные силы.

— Причина?

— Точно не известна. Мы предполагаем, что демоны отправлены сюда на поиски кого-то. И, судя по их количеству, этот кто — то очень важен.

— Ясно. Вам нужна моя помощь?

— Нет, здесь мы справляемся. Как я уже сказал, большинство сосредоточено в твоей зоне. Будь осторожна и не геройствуй — при необходимости вызывай подкрепление.

— Обязательно.

— Ника.

— Да, я поняла, отец настоятель. Не геройствовать.

— Да пребудет с тобой Бог.

— Да пребудет с вами Бог, отец.

Я нажала отбой. Поисковый отряд демонов, значит. Интересно.

Мой пленник совершенно обессилел — печать забрала остатки энергии. Присев у края клетки, я от нечего делать стала его разглядывать: демон как демон. Разве что теперь, когда его лицо не перекошено от боли, стало ясно, что он красив. Возможно, инкуб — они всегда отличались более привлекательной наружностью, помогающей им в соблазнении падких на красоту людей. Демоны вообще в большинстве своём не уроды, привлекательные черты для

них вроде адского дресс-кода. Но инкубы и демоницы-суккубы были прекрасны (каким бы странным ни было использование этого слова по отношению к адским тварям). К счастью, на меня их силы не действуют. Или действуют в разы слабее, чем на большинство людей. Божья Благодать, низвергшаяся с небес пять лет назад, в придачу к силе Священного Огня и Карающего Меча даровала мне иммунитет от подобных мерзких влияний.

Интересно, не из поискового ли отряда явился ко мне этот экземпляр? В таком случае, почему он не был вооружён? Никогда не поверю, что демон высшего порядка просто сдерживал свою силу, позволяя мне себя убить. Но тогда что? Стоп. А что, если это за ним выдвинулись адские ищейки? Если так, то он либо важная персона, либо что-то натворил. Хм, представляется с трудом, но как вариант... И почему я не сказала о нём Кириллу? Знаю, он бы отчитал меня за излишнее любопытство и велел прикончить демона. И чего я на нём заиклилась? Убить и дело с концом. Вспышка боли и клинок опять возник в руке. По лезвию стекала кровь, будто слёзы. Мило, правда? За каждое убийство я плачу своей кровью.

Не вышло. Только я занесла меч, как веки демона вздрогнули и на меня воззрились два изумрудно — зелёных глаза...Зелёных?! Не выпуская меча, я присела на корточки у самого края клетки из пылающих крестов, пытаюсь рассмотреть получше. Нет сомнений, они были зелёными. Но это невозможно! У всех демонов глаза голубые или синие, но никак не зелёные — это правило. Спустя пару секунд борьбы с болью, демон понял, что я смотрю на него и моргнул, зажмурил глаза. Когда он снова их открыл зелёный цвет исчез, оставив идеальную синеву. Что за чёрт?!

— Что ты за чёрт? Почему у тебя зелёные глаза? Отвечай!

Молчание. Моя рука коснулась одного из крестов и тело демона сотрясла страшная судорога.

— Я. Задала. Вопрос.

Секунд тридцать слышно было только его прерывистое дыхание. И опять ничего.

Очередное замыкание печати принесло лишь конвульсии, но ответа так и не последовало.

С минуту я смотрела на практически безжизненное тело; его била мелкая дрожь, волосы прилипли к мокрому от пота лбу, сквозь чёрные дыры в одежде просвечивала обожжённая плоть. Каждый раз, когда это делаю, чувствую боль. Будто и меня тоже пытаются. Так и не научилась отстраняться. Тем не менее, пытки для меня не в новинку.

Печать полыхнула ослепительно-белым светом и практически смертельный разряд ударил демона. В тесном пространстве печати — примерно метр на два — длинное мужское тело умещалось с трудом. Дергаясь от заряда посылаемого мною в печать, он невольно задевал границы ловушки, тем самым увеличивая собственные мучения. Я сжала кулаки, до крови вонзая ногти в кожу ладоней. Нужно убить его, всё равно ничего не скажет. Мы не демоны, нельзя становиться ими, но...

Следующий заряд заставил тело демона выгнуться дугой; он запрокинул голову в первом и единственном крике боли и в гриве спутанных иссиня чёрных волос появилась светло — золотая прядь, почти белая. Но это...Невозможно, да. Как зелёные глаза и стремление умереть. Что это? Кто он такой? Глаза, волосы, отсутствие сосуда...

Обычно я либо убиваю демонов совместно с человеческой оболочкой, либо изгоняю их, если возможно. Демоны никогда не отказываются от своего существования: они могут отчаянно драться, биться до последнего, а проиграв, грозят вернуться из Ада во что бы то ни стало и вырвать мою жалкую душу. Никогда демон не просил, не вынуждал меня убить

себя... Оказавшись в ловушке печати они лгут, изворачиваются, предлагают сделку — делают всё, чтобы вырваться. Господи, что сегодня за день? Даже напиток не дают спокойно.

* * *

Со времени дружественного визита демона прошёл час. Рассвет окрасил небеса сначала в светло-голубой, затем, лишь на короткий миг, горизонт блеснул оттенками алого. Не люблю это время — навеивает болезненные воспоминания. Я отвернулась. Когда вновь посмотрела в окно, солнце уже показалось, хоть и стояло достаточно низко. Значит, около семи. Верно, часы на мобильном показывают пять минут восьмого. Если снаружи и были ещё демоны без сосудов, то солнце прогнало их обратно в Ад без моей помощи. Разве что демон высшего порядка способен держаться на земле днём, не имея сосуда. Всё зависит от того, кто составляет поисковый отряд. Почему-то слабо верится в то, что вырвавшиеся вчера из Ада твари слабы. Только бы не константы, прошу тебя, Господи! Ты слышишь меня? Почему ты дал мне силы убивать, но не научил спасать людей от адских отродий нового поколения?! Молчишь. Как обычно. Каковы же твои цели, всевышний?

Он никогда мне не отвечает. Отец Кирилл говорит слушать в сердце своём, но там только боль и ярость. Это и есть Бог? Вряд ли. Это я. То, чем я стала. Вернее то, чем меня сделали адские выродки.

Мой демон (ха, смешно, только комнатной зверушки из Ада мне не хватало) всё ещё был здесь. То ли печать не дала ему уйти в Ад, то ли он сильнее, чем кажется. Не знаю, мне ещё не приходилось держать демона в ловушке до рассвета. Если спросить у других, то об этом станет известно Кириллу. Придётся объяснять, почему я умолчала о демоне. Мне бы этого не хотелось. Остаётся одно — устанавливать правду опытно-пыточным путём.

Сейчас он был в отключке; его волосы полностью посветлели: лён и белое золото. Взгляд на это замученное тело заставлял чувствовать себя монстром, но я продолжала смотреть. «Если имеешь смелость прибегнуть к пыткам — имей и смелость созерцать дело рук своих.»- Этому учил меня Кирилл. И я старалась быть смелой. Нужно было решить, что делать дальше. Не могу же я держать его здесь вечно! К тому же, сегодня придётся выйти наружу и отловить прорвавшихся демонов: не важно, вселились ли они в сосуды — моя задача истребить их. Всех. Любой ценой. Алкоголь выветрился и стойкость вернулась ко мне. Кирилл был прав.

Думай, Ника, думай... Что это за загадка, как у демона может быть такая нехарактерная внешность? Объяснение есть, вот только мне оно не известно. Пока что. Инкубы могут обходиться без сосуда — им это и не нужно; инкубы и суккубы действуют по большей части ночью. Они, как и все демонические создания, подразделяются на виды, в зависимости от уровня силы. Самые безвредные из суккубов и инкубов могут доставить лишь незначительные неприятности: супружеские измены, прелюбодеяния, сексуальная озабоченность - всё это гадко, но не смертельно. Их я редко убиваю — чаще просто отсылаю обратно в преисподнюю. Есть ещё соблазнитель высшего уровня, отличающиеся не только сексуальным аппетитом, но также невероятной жестокостью, силой и жаждой крови. Но вряд ли мой пленник инкуб, даже они не способны в действительности менять свой облик. Максимум на что хватает их способностей — это навести иллюзию. Этот вариант отпадает,

так как мой дар разрушает иллюзии... Точно! Стоило раньше догадаться!

Сосредоточившись на бессильно распростёртом теле, я коснулась его своей силой и... Ничего. Обмана нет. Иллюзией был другой его облик — тот, в котором он сюда явился. Возможно ли, что кто — то лишь притворяется демоном? Нет, энергия явно демонического происхождения... От неожиданности меня отбросило назад. Кресты печати раскалились добела. Иисусе! Да в нём чёртова уйма силы!! Один из высших демонов, как минимум. Кого же забросил ко мне злой рок? Выход один — выяснить в чём тут дело и разобраться с проблемами. Решать их по мере поступления, одну за другой.

Поднимаясь с пыльного пола, я наконец вспомнила, что демонский кнут адской мглы опалил моё плечо. И боль тут же дала о себе знать, будто бы отыгрываясь за то, что её проигнорировали. Замечательно. В сомнении понаблюдав за демоном пару минут, я всё же решила оставить его на время без присмотра — нельзя же в таком виде показываться среди людей. Маленькая комнатка, отведённая для ванной, встретила меня тусклым поблёскиванием давно не чищенного голубого кафеля. В центре, у стены, располагалась большая, но древняя чугунная ванна. На штативе, напоминающем держатель для капельницы, одиноко и как-то жалко висел простенький душ. Не так уж и плохо, мне не привыкать. Гель, шампунь и мочалка обнаружились в походном рюкзаке. Холодный душ не занял много времени, а вот с волосами пришлось повозиться — длинные волосы без фена не высушить. Как есть, мокрыми, я заплела их во французскую косу — высохнут на ходу. Закончив с водными процедурами в рекордные восемнадцать минут, вернулась в комнату, некогда бывшую гостиной, а последние три дня служащую мне чем-то средним между спальней, кухней и складом. Единственное окно сейчас было зашторено грязно-белыми жалюзи, сквозь которые всё же просачивался солнечный свет. Слабые лучи да белое сияние печати — вот и всё освещение.

С моим образом жизни довольно часто приходится пополнять запасы одежды: кровь имеет свойство напрочь въедаться в ткань, если только её сразу не отстирать. Последнее мне удаётся крайне редко — когда, наконец, добираешься до воды и удобств, всё уже успевает засохнуть. Ворох испорченных вещей лежал в углу, у входа в квартиру; рядом же обнаружилась сумка со сменой. Её осталось не так уж и много. Проходя к сумке, я почувствовала направленный на меня взгляд. Инстинкты сработали прежде, чем пришла память о сидящем в связующей печати демоне. Хорошо хоть меч не успела выпустить. Странное чувство, когда в комнате есть кто-то, кроме тебя самой. Непривычно. Стесняться демона? Да уж. Проигнорировав его, я раскрыла сумку и достала пару узких джинсов и футболку. На чёрном не так сильно видны признаки того, где ты побывала и что делала. Это предосторожность на случай, чтобы кто-то из законопослушных граждан не сдал меня полиции, заметив пятна крови. К тому же, чёрный мне к лицу. Хотя, это второстепенно.

Одевалась я в ванной. Пусть последние пять лет прошли в битвах да в окружении мужчин, но мои родители много сил вложили в воспитание своей дочери. Пока их не убили... Как бы то ни было, светить голым телом больше необходимого в мои намерения не входило.

Вернувшись в комнату, я застала демона в сидячем положении. Почему-то сразу вспомнилась когда-то любимая мною картина Врубеля — «Демон сидящий». Я была подростком, растущим в среде интеллигенции и творческого бомонда, меня воспитывали на классике. Демон на картине был так прекрасен и печален, погружён в какие-то неведомые раздумья; физическая мощь и демоническая суть соседствовали с трогательной

чувствительностью и незащищённостью. Так мне представлялось. Позднее эти заблуждения развеяли самым действенным образом: тварь, сожравшая мою трёхмесячную сестру, ещё не успела отереть губ, когда следующая повалила меня на землю и стала выворачивать руку, разрывая кожу и связки. Словно сквозь толщу воды до меня доносились крики родителей, окрик брата, умоляющего меня бежать, спастись... Создания, столь же прекрасные, как и демон из моих детских фантазий... Вернуться в настоящее было трудно и тот, кто сказал сакраментальное «время лечит», просто мудака.

Всё это время внимательный взгляд зелёных глаз следовал за мной. В нём не читалось ни страха, ни затаившейся хитрости — только изумрудная зелень и какая-то жадность восприятия. Это пугало. Вновь менять внешность было бесполезной тратой сил и пленник это понял. Сейчас передо мной сидел совершенно другой...хм. ну, человек — иначе и не скажешь. Раны и дрожь, однако, никуда не делись и вид он имел плачевный.

Молчание становилось тяжёлым, нужно продумать с чего начать разговор..

— Просто убей меня.

Я вздрогнула. Возникло ощущение, будто он прочёл мои мысли. Но это невозможно, просто демоны отлично считывают невербальные сигналы, подаваемые нашим телом — как опытные психологи. Голос тоже немного изменился: стал сочнее, сильнее. Хотя нотка хрипоты и говорила о боли.

— Не беспокойся, так я и поступлю. Но лишь после того, как получу необходимую информацию.

Он просто продолжал смотреть на меня своими странными глазами. И молчал. Чёрт!

— Принадлежишь ли ты к поисковому отряду, какова ваша численность и кого вы преследуете — мне нужны ответы на эти вопросы. В первую очередь.

Мой голос звучал спокойно и уверенно, без лишних эмоций. Я ждала, хотя и не особо надеялась на успех. В следующий раз убью демона сразу.

— Это отряд Хакельдамы.

Ответ удивил меня, это уже что-то.

— Хакельдама... Это тот тип с факелом из голов человека, кота и змеи?

— Да. Демоны из рода его занимаются поиском и ловлей.

— Ты из его отряда?

— Нет.

Что-то промелькнуло в глазах демона, при этом он говорил ровно, пусть и с трудом.

— Знаешь сколько их прорвалось через воронки?

— Нет.

Наверное, мои глаза сузились от зарождающейся злости и недоверия, так как он посмотрел на меня внимательно и сказал:

— Я не лгу.

— А я — мать Тереза.

Он опять замолчал. Это меня злило.

— Знаешь, за кем они ринулись?

Молчание.

— Если ты не один из них, значит ты — добыча. Демоны преследуют тебя. Какое забавное совпадение: ты явился ко мне, а следом за тобой в эту зону прорывается толпа адских ищек.

Он просто слушал. Хорошо. Я продолжала.

— С какой целью ты появился в этом месте и откуда узнал моё имя?

В этот раз ответ последовал незамедлительно.

— Ты должна меня убить. Пожалуйста, поспеши.

— Что за игры? Думаешь, я поверю, что злобная тварь, коей ты и являешься, отыскала ночлежку экзорциста, чтобы покончить с собой?! Да скорее брат Пётр забудет помолиться перед сном!

— Тебе известна моя сущность. Почему ты медлишь с исполнением своего долга? — всё тот же тихий и ровный голос. Отчаяние мне только послышалось. Просто послышалось.

Мать Божья, да что за бред, в самом деле! Демон упрашивает меня убить его, сам пришёл в мои руки — так отчего же я медлю? Дело в том, что так не бывает. В этом нет никакого смысла. Вернее, смысл есть, но скрытый. И если я просто убью демона, он так и останется скрытым. И что мне делать?..

Он подобрал ноги, обхватил колени руками и опустил на них голову, снова напомнив мне картину Врубеля. Просит убить, значит... Смерти не боится, пыток тоже. Что ж... Когда я начала обряд изгнания, он сам бросился на меня, собираясь покончить с собой. Выходит, парень до смерти боится возвращения в Ад! Хорошо, сыграем на этом.

Поглядев на светлую макушку, в покорном ожидании склонённую к коленям, я использовала последнее средство.

— *Sicut erat in principio*, — протянула я, — *et nunc, et semper, et in saecula saeculorum*.

Возвращайся в Ад...

Льняные пряди взметнулись вверх и сквозь них полыхнули два изумрудных пламени. Мои действия возымели должный эффект!

— Кассиэль, ты должна убить меня! Прошу, тебе ведь это ничего не стоит. Пронзи меня своим мечом и произнеси: «Я отрекаюсь от отступничества и отрицаю тебя.»- Он говорил с горячностью, которой я за ним не подозревала.

— Это бред какой-то! Ничего не понимаю. Что это за ритуал такой и почему ты назвал меня «Кассиэль»?!

Ответить ему помешала с треском вылетевшая из петель дверь.

Здоровенный демон с затянутыми в пучок чёрными волосами заполнил собой дверной проём.

— Во имя Хакельдамы, женщина, отдай мне его, — прорычал громила, ткнув пальцем по направлению к ловушке с демоном, — и я убью тебя быстро!

Оглянувшись на своего пленника, бросила «Мы ещё поговорим» и одновременно призвала меч.

— Что, Здоровяк, блондинчик тебе отказал и теперь ты хочешь вернуть свою игрушку?

Демон шагнул через порог, наполняя воздух гневом и запахом древесного угля.

— Я вырву твои кишки женщина и, связав его ими, потащу в Ад.

— Ты уже дважды назвал меня «женщиной», мудак..

Остальное сказал мой меч.

Я немного позабавилась с демоном; он использовал своё преимущество в весе и росте, хотел сломить меня силой. В результате его тело (уже второй демон без сосуда — они что, настолько самонадеянны?) украсили пылающие отпечатки моих ладоней. Быстрые удары меча прорывали его оборону и отражали несущиеся в мою сторону потоки адской мглы. Да, силён... Но не сильнее меня.

К левой ладони пристали клочки обугленной демонской плоти — неприятно, но

терпимо.

Пока я вытирала руку о первую схваченную тряпицу (кажется, это была моя блузка), демон бросил в меня связующим заклятием. И... Ничего.

— Обломись, говнюк — на мне благодать Божья!

Следующий удар рассёк ему ухо и левую щёку. Плоть задымилась. Не оставляя громиле времени на нападение, я метнула в него два параллельных потока алого огня, загоняя в ловушку.

Жадное пламя белело, касаясь его тела. Он кричал. Боже, как же он кричал — просто фимиам для моих ушей. Райская музыка.

Я наслаждалась процессом, медленно поджаривая его и не отводя глаз от истлевающей плоти. Демон не переставал изрыгать проклятия на мою голову, весь род и племя человеческое; поносить Бога и Царствие Небесное. Знал бы, как мне начхать... В его лице мне представлялись лица тварей из прошлого и я кормила свою ярость.

— Ты пожалеешь, что явилась... на этот свет... сероглазая сука... Хакельдама и... мой Господин покажут тебе Ад... — прохрипел он, сквозь боль.

— Я уже в Аду. Свои кишки можешь забрать, а блондинчик останется со мной. Amen. — С последним звуком, сорвавшимся с моих уст, тело демона полыхнуло белым факелом и осыпалось пеплом. Спустя мгновение от пепла не осталось и следа.

Прах к праху.

Глава 2. Кровавые слёзы

Сказал Иисус своим ученикам: «больных исцеляйте, прокажённых очищайте, мёртвых воскрешайте, бесов изгоняйте; даром получили, даром давайте».

Евангелие от Матфея 10:8

— Ну, и что мы будем делать? — обратилась я к демону. — Если ты им так нужен, то этот здоровяк не был последним.

Не дождавшись ответа, я обернулась. Вот чёрт: он поднялся на ноги, но судя по тому как его шатало, грозился вот-вот свалиться прямо на границу печати. Блин, если опять отключится — я только потеряю время. А времени нынче в обрез.

— Эй, если ты сейчас не сядешь, то брякнешься прямо на кресты!

Кажется, мне наконец удалось привлечь к себе внимание. Медленно, очень медленно, демон сел, вновь приняв врубелевскую позу. Зелёные глаза буравили меня из-под упавших на лицо прядей. Ну нет, только осуждения демона мне не хватало... Хотя, возможно я ошибаюсь, и это не осуждение. Удивление? Сочувствие? Ещё хуже. Мне-всё-равно. Плевать. Точно.

— Ты не отдала меня.

Звучало как утверждение и вопрос одновременно.

Девять утра. Странный демон явился сюда каких-то четыре часа назад и всё это время, раз за разом, ставит меня в тупик. С языка так и рвались язвительные реплики, но что-то в его тоне заставило ответить искренне.

— Не сдаю демонам никого: ни людей, ни даже других демонов. Если вознамериваюсь кого-то убить, то делаю это сама — так более... честно.

Почувствовав себя неуютно от собственной откровенности перед врагом, я продолжила:

— Не принимай на свой счёт, белобрысый. Как бы не отличались твои мордашка и манеры от других, для меня ты всё равно демон. Демонов нужно изгонять, а лучше убивать — так надёжнее. К тому же, я всё ещё не получила ответов на свои вопросы. «И с демонами не стоит начинать разговаривать, лучше думать о них, как о безличных монстрах.»- добавила я про себя.

Мне показалось, или мимолётная тень улыбки скользнула по его губам? Конечно, показалось. Уверенна в этом.

Подумав немного, села на пол у ловушки, прислонившись спиной к стене. Меч так и остался у меня в руке и, чтобы слегка разогнать скопившийся после схватки адреналин, я принялась чистить лезвие в конец испорченной блузкой. В этом не было необходимости, так как во время рассеивания меч обновляется, но нервам занятие пошло на пользу.

Мы сидели почти что плечо к плечу: ненормальный экзорцист и стремящийся к смерти демон. Похоже на начало плохого анекдота..

— Так что же нужно было натворить, чтобы за тобой послали элитный поисковый отряд? И, кстати, можешь больше не притворяться мелким демонишкой — пока ты был в отключке, я прощупала твои резервы. Тянешь, как минимум, на демона высшего порядка.

— Да. — невесело усмехнулся демон, — Я опасен. И натворил тоже немало, но это

было давно. Слишком давно.

Молчун, блин. А как скажет что-нибудь, то фиг разберёшь.

— Что именно?

— Пошёл против воли создателя.

Это уже интересно..

— Почему ты ощущаешься как демон, но выглядишь иначе?

Постепенно мой меч обретал ровное сияние, а мысли ясность. Стоит продолжить.

— Ад — царство страданий и тьмы. — Начал он, глядя куда-то вдаль, — Тьма там — густая, глубокая и плотная. Адские мучения вечны во времени и не менее настойчивы в пространстве — нет в существе грешника малейшей частицы, которая не испытывала бы невыносимых страданий, неизменно интенсивных. Агония. В аду душа становится абсолютно злой; все ее способности аннулированы — души отравлены и поглощены присутствием Люцифера. У них нет выбора, кроме как пополнить легионы демонов. Так случилось и со мной. Но душа моя, в силу некоторых обстоятельств, не утратила остатков воли: обратившись в демона, я сохранил память и сознание.

Озноб пробежал по телу, добираясь, кажется, до самого мозга. Значит, все демоны когда-то были человеческими душами... Забудь, Ника. Мёртвыми душами, не способными к развитию и изменению в лучшую сторону — вот что важно. Всё было правильно.

— Дай-ка угадаю, — предположила я, заставив бешено скачущий пульс замедлиться, — как только представился удобный момент, ты сбежал?

— Верно.

— Почему ты так важен для преисподней?

— С моей помощью Люцифер увеличил своё могущество; я нужен ему, как необходимый ингредиент для осуществления давних замыслов. Вместе с язычеством умерла его абсолютная власть над землёй, но не сила. Победённый, но не безоружный, Люцифер вновь начал борьбу за человечество, отвоевывая его шаг за шагом, душу за душою..

Я уставилась в эти тускло поблескивающие и усталые глаза.

— Хочешь сказать, что заполучив тебя обратно, Люцифер станет ещё сильнее?!

— Именно. Поэтому, — в меня упёрся его настойчивый взгляд, — ты должна меня убить.

Это начало меня доставать. Что-то назойливо раздражает тебя? Вижу два решения: прибей это или просто игнорируй. Пока что подходит вариант номер два. Закрыв глаза, я устало откинула голову назад; даже через волосы чувствовалась холодящая гладкость стены. Нужно всё обдумать. Ясно одно — нельзя позволить Люциферу прибрать к рукам того, кто увеличит его власть. Если вот прямо сейчас убить его, проблема решится? А разве есть разница, ведь всё равно придётся с ним покончить, не так ли... Да что со мной такое?! Почему какой-то демон так взбаламутил и пошатнул мою уверенность?.. Всё дело в том, что я узнала о действии на души адских мук? Может быть. Но ещё, что-то есть в нём самом — ведь здоровяка я убила без всяких колебаний и сожалений! Даже с удовольствием. О да, с превеликим удовольствием... Наверное, жуткая улыбка, больше напоминающая оскал, сейчас появилась на моём лице — я смаковала свежие воспоминания. Запах палёной плоти и древесного угля всё ещё витал в воздухе, добавляя образам остроты...

— Никак не могу понять, — проговорила я, — почему Бог терпит существование Ада, если души там не способны к изменению в лучшую сторону, не могут исправиться? Почему он не прощает их, обрекая на вечные мучения и, можно сказать, собственными руками

обращая в кровожадных демонов?

— Ответ на твой вопрос либо прозвучит как богохульство, либо разрушит идеальный образ Творца. У того ли ты ищешь ответа? Если бы я знал... — слова его прозвучали глухо, в них была горечь отчаявшегося.

— Понимаю тебя. Но знаешь, что? — я открыла глаза и посмотрела на демона. — Мне плевать. Если бы Бог сейчас явился прямо передо мной, я сказала бы это ему в лицо. Высказала бы все несправедливости и жестокости, которые мне пришлось повидать и сотворить собственными руками. Я потребовала бы у него ответа. Да каждый проклятый день я спрашиваю его об этом, но он молчит.

— Ничуть не изменилась. — Демон глядел на меня с чем-то таким в глазах, чего я никак не могла объяснить.

— Ты о чём? О, ясно, сначала бросаем странные фразы, а потом храним молчание. Сволочь ты. Но я сама всё узнаю — рано или поздно. Можешь не сомневаться.

Около пяти напряжённых минут ушло на размышление. Решайся, Ника, давай! Ты ведь знаешь уже, что ошибка лучше бездействия — так действуй!

— Ну всё, — я нехотя поднялась с пола и рассеяла меч, — харэ трепаться. Сейчас уже четверть десятого и мне пора заступать на службу.

Мрачно поглядев на молчаливого демона и вновь сделав вывод о ненормальности своей идеи, я всё-таки её озвучила:

— Как твоё имя, демон?

— Что?

— У меня что, проблемы с дикцией? Как. Твоё. Имя.

— Зови как тебе угодно. — устало выдохнул он.

Охренеть, а? Ему дают отсрочку, а он ещё и устал! Господи, дай мне терпения.

— Ладно. — Как можно спокойнее ответила я. — Тогда будешь Яном. Больше не обсуждается.

Демон, казалось, заинтересовался.

— Почему «Ян»?

Я просто подошла к печати и в полном молчании дотронулась до крестов, тем самым разрушая ловушку. Он не шевельнулся, внимательно наблюдая за моими действиями.

Спокойный и уверенный вид, который я приняла, совершенно не соответствовал внутренним сомнениям — такого мне ещё никогда не приходилось проделывать. Что ж, всё когда-нибудь бывает впервые.

Улыбнувшись, наверное, не самым приятным образом, я выдала фразу на латыни. Остаётся надеяться, что за давностью лет не перепутаю ничего серьёзного.

— Связываю тебя, в тебе и через тебя.

Всё, поздравляю, Ника — теперь демон будет следовать за тобой повсюду... Ладно, другого выхода всё равно нет.

Этот ритуал встретился мне на страницах дневника одного средневекового экзорциста: в очередной раз изгоняя демона, экзорцист не отправил его прямо в Ад, но связал этими словами с неким предметом своего гардероба. Каким именно - теперь доподлинно не известно, однако в книге указывается, что демонская вещь с тех пор никогда не покидала старика, всюду следуя за ним: даже будучи похищенной, она спустя какое-то время возвращалась. Я не была уверена в результате, но попробовать стоило. И всё же, идиотский план..

— Что ты сделала?

Ага, значит сработало.

— Связала тебя с собой. Так я буду уверена, что поисковые отряды случайно не захапают тебя в Ад и что ты ненароком не навредишь людям. Уж извиняй, но в добрых демонов мне верится даже меньше, чем в пользу колы для желудка. Насколько хорошо ты переносишь дневной свет? Свободно передвигаться сможешь?

— Да.

Хмурый взгляд. Хм, дай-ка подумать...Плевать.

— Отлично. Слушай и запоминай: ты — человек, из которого я изгнала демона. Зовут Ян. При посторонних играй в молчанку, это ты умеешь. При встрече с некоторыми экзорцистами блокируй свой фон, всё ясно?

Демон поднялся на ноги и, наконец, пересёк границы сломанной печати. Я держалась настороже — так, на всякий случай, но он остановился на расстоянии двух метров от меня. Умница.

— Зачем ты всё это делаешь? Бессмысленно. Я же сказал..

— Замолкни! — Рыкнула я. — Достал уже. Ты не понял? Делаем так, как Я говорю. Демократия сдохла.

От этого ровного взгляда стало не по себе.

Здесь больше оставаться нельзя: во-первых, ищейки легко обнаружат это место по остаточному следу поджаренного мною здоровяка; во-вторых, беспорядок и отсутствие удобств уже достали. Быстро окинув взглядом пространство, я не обнаружила никаких важных предметов. Из личных вещей только одежда, которую я быстро запихала в спортивную сумку. Вот и собралась. Оставалось несколько вариантов: отель, обитель или небольшой старый дом, который я приобрела три года назад. В отеле невинные люди подвергнутся опасности, так что этот вариант отпадает сразу. Обитель? Хм. Рискованно — слишком велика возможность того, что нас раскусят, опознают истинную природу демона. Да и странно как-то, привести адскую тварь в обитель воинства экзорцистов. Вот потеха бы вышла, ха! Дьявол, выходит придётся тащить демона в свой, так называемый, дом.

* * *

Интересная выдалась поездка в метро... Я уже привыкла к тому, что парни ведут себя как идиоты лишь только завидят яркую и, как им кажется, доступную девушку. Их заблуждения очень быстро рассеиваются.

Но сегодня половина вагона бесстыдно устремила в нашу сторону любопытные взгляды. Ещё бы: девушка в чёрном с кроваво-алой косой и высокий ослепительный блондин в старом плаще не по размеру. Наверное, это привлекало внимание. А может всё потому, что что парень жадным взглядом осматривал всё и всех вокруг, сохраняя при этом ровное выражение лица и с трудом держась на ногах от слабости. Чихать на их мотивы, но всё это пристальное внимание меня порядком выводило из себя.

Я взглянула на демона. Крепко вцепившись в поручни, он продолжал сканировать вагон.

— Что ты так усердно высматриваешь? — Не выдержала я.

— Давно не видел людей. — Ответил демон, наконец остановив свой взор на одной точке.

Да. Я их тоже вижу не так чтобы часто...

— Не много потерял. — Промолвила я тихо, но он меня услышал. Опять это непонятное выражение у него в глазах.

Я молча уставилась в окно, на мелькающие чередой одинаковых ламп стены тоннеля.

Спустя пятнадцать минут тряски, за стёклами показалась знакомая станция. Схватив демона за рукав плаща, я устремила к выходу из душного вагона. Пришлось пробиваться через толкающуюся и раздражённую людскую массу, но мне не привыкать. На краю зрения что-то мелькнуло. Выход был уже близко... Наконец, пассажиры хлынули на перрон, будто пробка из бутылки шампанского. Стоило ногам обрести под собой устойчивую почву, как в то же самое мгновение рукав плаща вырвался из моей хватки.

— Дем...Ян? — поправила я, оборачиваясь.

Всё произошло с молниеносной скоростью. Мальчик лет двенадцати поднял голову и устремил на меня взгляд небесно-синих глаз. Демонских глаз. Он бросился. Пульсирующий тьмой кинжал направлялся прямо к моему сердцу...и обзор заслонила спина в старом плаще... Плечи блондина дрогнули, он пошатнулся, начав оседать. Я подхватила его, подставив плечо, и быстро огляделась. Люди всё также сновали туда-сюда, практически не обращая на нас внимания — беда больших городов. Одержимый скрылся во тьме тоннеля.

Неподалёку, у входа в тоннель, стояла скамейка. Сейчас она как раз пустовала. С трудом дотащившись до скамьи, я усадила на неё демона. Выглядел он плохо. Распахнувшийся плащ представил моему взгляду страшную рану под сердцем, размером с кулак: края дымились и почернели, из отверстия сочилась ярко-алая кровь. Она пахла полыньёю..

Я замерла, стоя на коленях в ногах демона и сжимая в руках ветхую ткань мокрого от крови плаща. Он спас меня. Закрыв своим телом. Почему?... Хриплый вздох и два пылающих изумруда блеснули на бледном лице. Впервые в жизни я была так растерянна. Демон спас мне жизнь..

— Я. кх...не могу преследовать его. без тебя. — Выговорил демон.

Он имеет ввиду связующий обряд. Неужели и правда собрался в таком состоянии преследовать демона? Глупо.

— Дурак. — буркнула я. — Как ты собираешься двигаться с такой раной? Сиди здесь, а я изгоню демона из мальчика. Попробую его догнать..

— Мне... — он сглотнул, чтобы продолжить, — придётся следовать за тобой.

Чёрт! Я ведь связала его с собой. Теперь, куда бы я ни пошла, он не сможет оставаться на большом расстоянии от меня... Чёрт!!! Нужно спасти ребёнка!

Мои кулаки сжимались и разжимались сами по себе, злость грозила прорваться безжалостным бешенством. Бросить его здесь я не могу — вдруг, это была продуманная акция? Что, если приспешники дьявола захватят его и вернут Люциферу? Но бросить ребёнка я тоже не могу!.. Блондин поднялся. Его лицо перекосила гримаса боли, но он лишь зажал рану рукой и посмотрел на меня своим ровным упрямым взглядом. Отлично, сам напросился.

Я направила в глубину тоннеля, буквально носом ощущая запах древесного угля. Он где-то здесь, даже не думал убегать. Сволочь. Вселился в ребёнка. Ненавижу.

Мои шаги становились быстрее и быстрее. Внутри росла горячая и сокрушительная волна — ярость. Наконец, в свете тусклых ламп показалась низкая фигурка.

— Ника, раба Христа Иисуса, — начала я на ходу, — во имя Господа нашего Иисуса Христа, Отца и Божьего Духа, приказываю тебе дух чревоугодия и гнева и блудодействия, и

лунатик и дианатик и полуденный, и дневной, и ночной, и всякий нечистый дух, выйди из невинного сосуда. Заклинаю тебя истинным Сыном Бога живым: выйди быстро и остерегайся снова в него входить. — Воздух привычно задрожал, — Отправляйся в Ад!

Детское лицо мальчишки расплылось в хищном оскале.

— Воин Христа, ты что-то сказала?

Мерзкий, неестественный смех глухо отражался от стен тоннеля. Внутри у меня всё похолодело. Константа.

Один за другим в меня летели сгустки Адской Мглы. Уворачиваясь на автомате, я снова и снова произносила слова экзоцизма, но тварь никак не реагировала. Моим словам вторил жуткий смех.

— Sancte Michael Archangele^[5], — продолжала я, уворачиваясь от летящих огненных игл, — defende nos in praelio, contra nequitiam et insidias diaboli esto praesidium...^[6]

— Бесполезно, шлюшка христовая, тебе не изгнать меня!

— ...Imperet illi Deus, supplices deprecamur: tuque, Princeps militiae caelestis, Satan aliosque spiritus malignos, qui ad perditionem animarum pervagantur in mundo, divina virtute, in infernum detrude. Amen.^[7]

Ничего.

— Берегись! — крикнул Ян, отставший от меня в самом начале. На нетвёрдых ногах, он направлялся к нам.

Я пригнулась, но не достаточно быстро. Леденящая боль обожгла спину.

— Ты! — прокричал демон искажённым детским голосом — Меня послали за тобой! Наш Господин сдерёт с тебя кожу и заставит съесть её за побег!

Мелькнула шаровая молния и ударила прямо в грудь блондина. Его ноги подкосились и он рухнул на асфальт перрона, весь охваченный искрами. Тело забилося в судорогах, но он всё ещё пытался подняться..

«Вступая в Воинство Христово...»

Что-то оборвалось внутри. Опять.

Детское лицо с пылающим демонским взглядом, хищная гримаса. Всё это не в первый раз.

Это неправда. Только кошмарный сон. Неправда.

Меч блеснул багровым, окропил кровью асфальт. Рука крепко сомкнулась вокруг крестообразной рукояти.

Константа. Их невозможно изгнать. Только смерть...

— Ты убьёшь беззащитного ребёнка? — протянула тварь тоненьким голоском. Поток Адской Мглы обрушился на меня, подобно тарану. Подставив меч, я уклонилась. Левую руку покрыл чёрный иней и пульсация боли слилась с биением сердца.

— Да.

Наступая, обрушивая удары и уклоняясь, я чувствовала как что-то горячее струится по щекам. Золотистые кудри мальчика развевались от жаркого дыхания демонской ауры. Наверное, мама каждое утро расчёсывала ему волосы, пытаясь сладить с непослушной гривой... Наверное, он ещё недавно обдумывал, чем же займётся с друзьями на выходных... Наверное, он любил жизнь..

Обмороженной левой рукой я послала в демона поток священного пламени, а правой вонзила меч ему в сердце. Немного промахнулась. Выдернула лезвие и снова погрузила его в плоть.

Маленькое тельце задрожало и, с разъярённым рыком, демон упал на плиты.

— Tribuo tergum procul heck everto^[8]. - проговорила я, опускаясь на колени вместе с мечом и демоном.

Страшная конвульсия завершила изгнание. На меня смотрели замутнённые болью карие глаза. Лоб покрылся испариной и золотистые пряди прилипли к коже. Мальчик кричал. Истошно. Когда кислорода в лёгких стало нехватать, он мог лишь шептать.

— Больно...больно....больно...мама.....больно....

Я сидела рядом и тихонько укачивала его, поглаживая по волосам.

Последний удар сердца вытолкнул кровь из раны и полный ужаса взгляд погас. Тело обмякло. Ещё миг — и его поглотило плямя, оставив лишь горстку пепла. Маленькую горсточку... У него не было шанса выжить. Не после константы.

Крик раздирал меня изнутри и грозил сумасшествием. Пальцы судорожно сжали тёплый пепел..

— Я НЕНАВИЖУ ТЕБЯ, БОГ!!!! НЕНАВИЖУ!!!

Жуткий крик всё изливался и изливался из меня, будто душа стремилась выйти наружу, сбежать... Кулаки ударялись о бетонные плиты, разбрасывая пепел и оставляя на нём кровавые разводы.

Слёзы струились из под плотно зажмуренных век. Они пахли медью.

Какое-то время спустя за спиной послышались шаги. Вскочив, я набросилась на противника, опрокинула его на землю и уже занесла меч для удара... Это был Ян. Мною владела агония, не знаю, как мне удалось остановиться. Хотелось только убивать. Убить демона. Посмотрев ему в глаза, я заметила в уголках кровь. Медленно подняв дрожащую руку, он дотронулся до моей щеки. На кончиках его пальцев багровела кровь.

— Кровавые слёзы..- прошептал демон. Моя кровь задымилась на его коже.

Я убрала меч и встала. На душе было пусто, чувств просто не осталось. Иначе можно сойти с ума.

— Ты спас мне жизнь...Ян. Дважды. Спасибо. — Голос звучал тихо и хрипло.

Рука всё ещё не слушалась меня, спина посылала волны боли по всему телу. Демону пришлось ещё хуже: пытки, которым я его подвергла в священной печати, рана от кинжала и атака константы практически полностью истощили его; сил едва хватало на то, чтобы держаться на ногах. Он заслонил меня собой и, каковы бы ни были его мотивы, я ему обязана.

— Нужно идти. — Сказала я, отведя взор от пепла. — Давай.

— Куда?

— Домой. — Горькая усмешка вырвалась помимо воли.

«Дом»- это лишь название: только стены, крыша, мебель. Но не настоящий дом. Однако, выбора нет. Больше нет.

Чтобы не вызывать лишних вопросов и подозрений, пришлось изобразить, что обнимаю демона за талию. На самом деле, таким образом я поддерживала его в вертикальном положении. На этот раз он не стал спорить. Верное решение. Мы поднялись на поверхность и взяли такси. Водитель покосился было с подозрением, но решил не связываться. Проблемы никому не нужны.

— Славянская улица, строение номер семь. За хорошую скорость добавлю двадцать процентов.

Таксист что-то согласно буркнул и поддал газу.

Тело демона, привалившееся ко мне, было очень горячим. Реакция на раны? Не знаю. Мы расположились на заднем сидении и всю дорогу молчали. Мне не хотелось не то что говорить, мне дышать не хотелось. Перед глазами стояло детское личико, и переполненный болью голос всё повторял: «...Больно....мама.....больно...». Я зажмурилась и яростно замотала головой, прогоняя воспоминания и боль. Нужно взять себя в руки. Ничего нельзя было сделать. Ничего.

Демон молчал скорее всего потому, что у него на разговор не было сил. И, вообще, он не особо болтлив.

— Ян? Приехали.

Устало открыв глаза, он медленно вышел из машины. Помочь ему на глазах водителя я не могла — ещё как вызовет полицию. Как только мы оказались снаружи, таксист поспешил умчаться подальше. Умный дядя.

Старый двухэтажный дом был одним из немногих жилых зданий, оставшихся в современном промышленном районе. Из соседей — только жители трущоб, расположенных неподалёку, да бродячие животные. Как раз по мне.

Вид он имел едва ли обитаемый: окна первого этажа намертво закрыты ставнями, на остальных — плотно задёрнутые жалюзи плюс двойные стеклопакеты. Столетние кирпичи потемнели от времени, но всё ещё были прочны и надёжны. Гротескных размеров дверь, когда-то бывшая дубовой, а теперь обитая железом, негостеприимно чернела в арочном дверном проёме. Гостей я не люблю. Чаще всего, их приходится убивать.

Демон опёрся о фонарный столб, тяжело дыша.

— Это. твой дом?

— Типа того.

Мне надоело наблюдать за его потугами передвигаться самостоятельно и я просто закинула его руку себе на плечо, перехватила покрепче и взобралась на крыльцо. Бросив сумку на ступени, достала тяжёлый старинный ключ и отперла дверь. Прежде чем переступить порог, предупредила:

— Благословение. Будет больно.

Было больно. Оказавшись внутри, Ян тяжело привалился к стене. Закрыв глаза, отдышался и, справившись с болью, огляделся. Любопытства у него не отнять. Хотя... Нет, это не просто любопытство — живость восприятия. Наверное, побывав в Аду, иначе воспринимаешь обычные вещи.

Здесь особо не на что было смотреть: кофейного цвета обои, дубовые балки, добротная старинная мебель, два заколоченных окна, тяжёлые шторы да ворсистый ковёр на полу. Всё тёмное, немаркое — чтобы вьевшаяся кровь не бросалась в глаза. На уборку у меня тоже времени практически не бывает.

Странно, пусть я и не считала это место своим домом, но здесь меня наполнило чувство защищённости, покоя, что ли... Человек очень странное существо.

Переведя дух, я подошла к демону и посмотрела ему в глаза.

— Я ненавижу демонов. Каждая клетка моего тела, каждое дуновение моей души направлено на одно — уничтожать их. — Мой голос был тих; в глазах демона ничего не отразилось, только блеск их потух при моих словах. — Но я не стану тебя убивать.

После краткой паузы я продолжила.

— Сейчас я помогу тебе снять плащ, потом мы обработаем твои раны и ты можешь занять ванную на первом этаже. План действий понятен?

Оторвавшись от узоров на ковре, я посмотрела на своего гостя: на лице его, большую часть времени бесстрашном, сейчас явственно проглядывало непонимание, неверие.

— Почему? — только и спросил он таким же тихим голосом.

Я не ответила, просто смотрела на него.

— Если не можешь убить принявшего за тебя удар — забудь об этом..

— Нет. — Мотнула головой, вновь отгоняя страшную картину. — Потому, что над прахом ребёнка ты не смог сдержать слёз.

Лицо демона замкнулось. Боль промелькнула в глазах.

— Не знаю, кто ты и как оказался в Аду, но судить тебя мне пока не за что. Если я ошибаюсь, то готова потом принять ответственность и исправить свою ошибку. Всё.

— Спасибо. — Хриплый голос, за которым скрывались годы, а может и века, страданий. Пусть живу я недолго, но отличить истинное страдание от напускного могу. Это было настоящим.

Кивнув, я стащила с него плащ. Представшая картина заставила поморщиться даже меня: ожоги, порезы, глубокая рана под сердцем, из которой всё ещё сочилась кровь. Как только он держится? Сила духа. Та самая, что позволила ему сохранить свою личность в Аду. А я бы смогла? Ох, не знаю.

Доставила его к маленькой ванной комнате и немного замаялась. Раздевать мужчину — пусть и демона — мне ещё не приходилось. Заметив мои колебания, Ян взялся за дверную ручку и, поклонившись, произнёс:

— Благодарю за заботу. Я справлюсь.

— Отлично. — Вдох облегчения едва не сорвался с моих губ. — Скоро вернусь.

Он закрыл дверь, а я поднялась вверх. В гостевой спальне хранилась мужская одежда и она должна подойти. Острая боль, старательно забытая, резанула сердце. Виктор... Человек, которого я потеряла навсегда. Сколько бы демонов не полегло от моей руки, друга не вернуть... Как и семьи... Прочь. Нужно идти дальше. Я должна.

Тёмно-синяя водолазка всё ещё хранила родной запах... Перед глазами мелькнуло улыбающееся веснушчатое лицо...

«- Смотри-ка! Я крутой экзорцист- истребитель нечисти, принёс тебе... Шоколадных кексов! Ну же, хватит хмуриться. — Виктор присел рядом и обнял меня, крепко-крепко. Только он один видел мои слёзы. Только с ним я могла быть собой. — Ты не можешь всю боль оставлять себе — от тебя ничего не останется.

— Знаю, но... Чем я лучше демонов? Такое же чудовище..

— Никогда так не говори! Ты спасаешь людские жизни. Помни об этом, всегда помни.»...

Но его я спасти не смогла. Я убила его. Проклятый демон-константа... Почему?.. Тогда тоже было это мгновение — между уходом демона и смертью. Демоническая синева в глазах моего напарника потухла и тёплые карие глаза смотрели на меня с нежностью. С нежностью! В то время, как мой меч пронзал его тело. «- Всегда...помни..». Горячие слёзы, на этот раз- просто соль и вода, брызнули из глаз.

Тогда никто мне не поверил, что демона нельзя было изгнать иначе. Думали, что я убила его по какой-то другой причине. Я ушла из обители; сорок дней и ночей, как

бесноватая, колесила по городу в охоте за демонами. пытки, которым я их подвергала, сейчас заставляют меня содрогаться. Но не жалеть. Это была моя кровавая панихида. За улыбку человека, который не считал меня монстром, был мне другом и братом; за прерванную жизнь и разрушенные мечты; за клочок света, потухший в моей душе с его смертью — я мстила за всё это. И мне было мало. Когда Кирилл сумел меня отыскать, от прежней Ники мало что оставалось. Зверь, озлобленное и загнанное животное, цель существования которого — месть. Два года прошло... С тех пор я работаю одна.

Проглотив боль, отыскала в шкафу пару чёрных брюк, носки и бельё — все вещи Виктора остались на своих местах. Хочу верить, что его душа попала в рай. Не к безмолвному Богу, не в Адское пекло, но в тихий солнечный городок, полный кондитерских, старинных кинотеатров, резвых детишек и хорошеньких девушек. Рай для Виктора... Вряд ли в нём найдётся место и для меня — убийцам прямая дорога в Ад.

Спустившись вниз, я остановилась у двери в ванную. Прислушалась к звуку бегущей воды, постучала и крикнула, перебивая шум душа:

— Ян! Вещи под дверью!

Теперь можно было заняться собой. Ожоги на спине и руке болели, но со временем привыкаешь к таким травмам. Особенно, если демоны постоянно тебе их наносят. К тому же, совсем скоро от них не останется и следа. Наскоро помывшись под душем и кое-как обработав ожоги, я направилась на кухню. Тут всегда хранится запас «долгоиграющей» еды: консервы, крупы, макароны, соусы, напитки, хлопья, печенье и шоколад. Не здоровая пища, но на ногах держаться позволяет. Открывая коробку шоколадного печенья, я взяла мобильный и позвонила в обитель.

— Обитель святого Петра, добрый день.. — Раздался в трубке голос Катрины, она выполняла функции медсестры, повара и иногда секретаря.

— Добрый день, Катрина. Не могла бы ты передать отцу Кириллу и братьям, что сегодня я не смогу выйти на общее дежурство. Пусть направят отряд в районы локаций ищек. Двоих я уже ликвидировала. — Постаралась, чтобы мой голос звучал обыденно. К счастью, Катрина не обладала проницательностью отца Кирилла. — Передашь?

— Разумеется, Ника. Я передам им. — Она отвечала вежливо, но достаточно холодно. Ко мне мало кто относился с теплом.

— Отлично. Пока.

Нажав отбой, я отправила в рот печенье. Сегодня это было просто едой, необходимостью.

Тихие шаги заставили меня молниеносно развернуться. В дверном проёме мелькнул силуэт Яна, который только вышел из душа и направлялся в гостиную.

Захватив аптечку и коробку с печеньем, я отправилась следом.

С несколько потерянным видом он стоял посреди гостиной. Брюки пришили по размеру, но, прежде чем натянуть водолазку, следовало обработать раны. С кончиков льянных волос на голые плечи стекала вода.

— Как себя чувствуешь?

— Спасибо, теперь лучше.

— Садись на диван, сейчас займёмся твоими ранами.

Он присел.

Принудить демона к пополнению энергии чисто человеческим способом — при помощи еды — не вышло и я взялась за работу. Касаться Яна приходилось очень осторожно,

так как ожоги на его коже имели форму моих ладоней. Тогда у меня было твёрдое намерение «поразить», но рисковать не хотелось. Сначала смазала останавливающим кровотечение и заживляющим средством рану от демонского кинжала, наложила на неё повязку. Затем ожоги и порезы.

Он смотрел на меня с тихой благодарностью и от непривычки я почувствовала себя неуютно. Слишком много эмоций сегодня. Так не долго и сломаться. Мне нельзя ломаться.

Постелив демону в гостевой спальне — не той, что принадлежала Виктору-, я вернулась в гостиную и просидела там остаток вечера, наедине с лучшим другом. С бутылкой коньяка.

*Мы боремся за что-то... Я не знаю..
Наверное, нет жизни без борьбы
Стращают Адом, увлекают Раем,
Но кровь всё также плещет из воды.
Я путаю закат и ночь с рассветом
Со смертью жизнь сплелась в моей судьбе
ЕГО благая песнь давно уж спета
Теперь слагаем ритмы из костей..
Ты по другую сторону багровой
Реки, сбежавшей из открытых ран,
И после смерти не начать по новой.
ОН всё ещё является...
Не нам.*

«Спокойной ночи» сказала она... Во власти лихорадки я лежу в постели и не знаю, что с этим делать... Порой мне кажется, что десятилетия, проведённые в плену у Люцифера, всё-таки свели меня с ума..

Почему я пришёл к ней? Что на самом деле двигало мною: долг или порыв собственной поруганной души?.. Когда я вижу, что ей пришлось пережить, какой её сделала жизнь и насколько непомерное бремя взвалила судьба ей на плечи, меня сотрясает дрожь. Если бы тогда....

Плач.

Вскочив с места, я переместился вниз — туда, откуда доносился звук. Свет в комнате был потушен, но мне он и не требуется. Она лежала, свернувшись калачиком, на диване. Алые пряди высвободились из косы и разметались по чёрной обивке; рядом стояла полупустая бутылка. Прошлую ночь она тоже провела заливая боль спиртным. Самая сильная из нас...и всё же... Осторожно, чтобы не разбудить, я присел рядом. Беззвучные крики, тихий плач вместе со мной были её спутниками в эту ночь..

Когда первый луч рассвета проник сквозь щель в ставнях, она открыла глаза. В то же мгновение я покинул комнату.

* * *

Солнце, проигнорировав ставни, всё же проникло в моё логово. Открыв глаза, я обнаружила, что заснула на диване. Голова раскалывалась так, что больно было даже моргать. Звонок мобильного совершенно меня доконал..

Наполовину свесившись с дивана, пошарила рукой по ковру и, наконец, нащупала мерзко дробящую мой мозг трубку.

— Да! — рыкнула я.

Вышло грубовато, ну и пошли все..

— Сестра Леяника, доброе утро. Мне поручили сообщить вам, что сегодня состоится

всеобщий сбор..

Блин, а... Это что за малолетка мне звонит? Небось, совсем юный служка. К какому дьяволу Кирилл взял его в обитель?!

— Сестра Леяника? Вы меня слышите?..

— Слышу. Ты кто такой будешь?

Малец прокашлялся и звенящим от гордости голосом выпалил:

— Всеслав — экзорцист и истребитель нечисти! Кхм. будущий.

Сердце кольнуло воспоминание... Нет.

— Ясно. — Нам с Кириллом предстоит серьёзный разговор, я полагаю. Очень серьёзный. — Где и когда?

— Сегодня, в девять часов до полудня, обитель святого Петра...

Я не дослушала, так как в этот самый момент в комнату вошёл демон... То есть, Ян. Без рубашки. Кто пустил в мой дом модель из женского журнала?! Охренеть, а я то думала, что давно разучилась пускать слюни... Всему виной коньяк. Точно. Нам с Девой Марией это не интересно.

Блондин остановился у кресла напротив дивана и как-то слишком пристально на меня смотрел..

— ..Евангелина? С вами всё в порядке? Алло?!

Я поморщилась. Вот ведь разорался.

— Не горлань. Здесь я. Обитель святого Петра в девять, верно?

— Д-да. — осёкся паренёк. — Вы будете?

— Обязательно. И, Всеслав?

— Да?..

— Ника. Моё имя Ника. И никак иначе. Запомни.

— Х-хорошо. Да пребудет с вами Бог! — пробубнил парень и повесил трубку, не дождавшись ответа. Правильно, не дождался бы.

До сбора оставалось ещё два часа- в самый раз, чтобы привести себя в порядок и добраться до места.

— Привет. — Кивнула я демону, стараясь смотреть точно в середину лица.

— А мне как тебя называть? — спросил он в ответ.

— Что?

Ооо, моя голова..

— Ты дважды поправляла людей, когда они не так тебя называли. Как мне к тебе обращаться?

Его лицо было абсолютно серьёзно. Хм.

— Ника. Повторяю: меня зовут Ника. Так и называй.

— Хорошо. — Просто кивнул он. — Куда мы сегодня направляемся?

Блин, ну да — неразлучные близнецы..

— В обитель экзорцистов. Как твоя рана? — Спросила я, подбирая себя с дивана и потирая виски. В глазах было мутно.

Он не ответил и я нехотя подняла на него взгляд. Матерь Божья, ничего себе... Демон снял повязку и под ней, на месте огромной дыры, виднелась гладкая розоватая кожа. Вот это регенерация.

Приглядевшись внимательно, я поняла, что остальные травмы тоже исчезли. Ну и ладно. Так только удобнее — не придётся тащить его до места сбора на себе.

— Ок.

Видимо он рассчитывал на несколько иную реакцию, так как зрачки изумрудных глаз слегка расширились.

— Да, я уже поняла, что даже демоны не часто обладают такими способностями к регенерации. — ответила я на невысказанный вопрос.

— И ты не желаешь знать, что это значит? — Его пытливый взгляд таил в себе что-то ещё... Но что?

— А ты желаешь поделиться? Вся во внимании.

— Ты должна знать. Я пришёл именно к тебе не случайно. Дело в том, что только ты можешь меня уничтожить. Даже мне это не удалось. — Судя по упрямо сжатым челюстям, он и вправду пытался. Демон — самоубийца, ха. Психи тянутся к другим психам — усмехнулась я про себя.

— Это как проклятие. Пока я жив, Люцифер может использовать меня в своих целях и помешать ему самостоятельно мне не по силам.

Внезапно он оказался на коленях у моих ног и зелёные глаза с мольбой смотрели сквозь непослушные льняные пряди.

— Что за...

От неожиданности я прижалась к спинке дивана, едва сдержав порыв выпустить меч.

— Я благодарен за то, что ты с милосердием отнеслась к созданию, противному твоей природе. Но, пожалуйста, ты должна помешать Люциферу вернуть меня в Ад. Любой ценой. Когда возникнет такая вероятность — убей меня немедленно. Это должно свершиться при помощи обряда отречения, слова которого я тебе уже говорил. Если дьяволу удастся вернуть меня — погибнут люди. Очень много людей. Умоляю, поклянись мне, что сделаешь это!

Единственное, что я сейчас чувствовала — это усталость. Сила духа с каждым днём покидала меня и всё походило на приближение конца. Может, это признак слабоумия, но слова демона казались мне правдивыми. Искренность столь редкий товар в нашей жизни, что распознать его не составляет особого труда.

Ян склонил голову и покорно ждал. Это бесило меня. Не смотря на то, что я верила его словам, эта безысходность, это отчаяние заставляли мою кровь бурлить от негодования. И почему именно я?!

— Почему я?

— Прости, я не..

— Не можешь сказать, да? — Я не весело усмехнулась. — Ладно. Тогда я даю слово, что Люцифер тебя не получит.

Ян так и остался стоять на коленях, пристально глядя мне в глаза. Казалось, он всё пытается там что-то найти, но у него не выходит..

— Почему ты веришь моим словам? — в красивом, звучном голосе играла нотка удивления и непонимания.

Я почувствовала, как холод и пустота заполняют зеркала моей души — вот оно, всё что осталось. Демон не дрогнул. Он первый.

— Просто нечего терять. Тебе, кажется, тоже. Вот и всё. Смерть меня не страшит, а завладеть моей душой не может ни один демон. К тому же, у меня к Дьяволу тоже есть счёты... Пойдём!

Схватив демона за руку, я рывком подняла его с колен и потянула за собой на второй этаж. Только оказавшись наверху, поняла что творю и уже приготовилась к запаху палёной

плоти... Но ничего не произошло. Судя по всему, Ян подумал о том же.

Я вопросительно посмотрела на демона. Ясно, ещё одна загадка. Пожав плечами, открыла шкаф и пригласила его подойти.

— Здесь полно вещей, как раз твоего размера. Можешь пользоваться. — Думаю, Виктор не стал бы возражать.

— Ника, ты уверена, что память..

— Ерунда. Память хранят не вещи и предметы, а мы сами. Кажется, я только что это поняла.

Спустя час мы были готовы отправиться в путь — к этому времени головная боль стала почти терпимой, а демон получил подробнейшие инструкции.

Обитель святого Петра встретила нас своим мрачным величием и тишиной. Обитал же в ней не святой, а сотня обученных воинов Христа плюс пара десятков новобранцев, прибывающих ежегодно. Кирилл привёл меня сюда в четырнадцать и три года моего существования прошли здесь. Незабываемые, надо сказать, были годы..

У массивных железных ворот — единственной прорехи в высокой каменной стене, окружающей территорию обители, — был закреплён домофон. Церковь экзорцистов шагает в ногу со временем, как же иначе? Назвавшись, я подождала сигнала и мы вошли в открывшийся проход. Дежурный внимательно нас оглядел и нейтрально поприветствовал меня, скосив на Яна подозрительный взгляд.

— Сестра Ева. кх, Ника. Кто твой спутник? — Ага, значит он меня помнит, раз исправился. Не могу сказать о нём того же.

— Демон, — ответила я невозмутимо, — он сбежал из Ада и теперь живёт у меня.

Дежурный заржал так, что временами слышалось похрюкивание. Всем известна моя ненависть по отношению к демонам и образ жизни монашки, давшей обет безбрачия.

— Ой, мать божья... Не могу. Демон! Ха-ха... Проходи, сестра. Отец-настоятель собирает всех в зале церемоний.

— Отлично.

Мы миновали стража и мне большого труда стоило сдержаться, когда за спиной послышался сдавленный смех. Спокойно, всё это не имеет значения. Дальше будет только хуже. Экзорцисты не жаловали меня: многие боялись, другие считали убийцей, монстром, третьи ненавидели. Хотя, были и такие, кто поддерживал меня, относился доброжелательно или, хотя бы, нейтрально. Таких меньшинство.

Ян молча шёл рядом, излучая спокойствие. Сногсшибательный блондин, одетый под стать мне в чёрные майку и брюки, странно органично смотрелся в монастырских стенах.

— Волнуешься?

— Нет. — Ответил он.

Мы вошли в зал церемоний и стоящий там гул на мгновение стих. Взоры экзорцистов обратились на нас. Стоило им заметить Яна как по рядам вновь прошёлся возбуждённый ропот. Да уж, мило. Нацепив каменную морду, я сделала знак демону следовать за мной и направилась прямо к небольшому помосту, где мелькала седая шевелюра отца Кирилла.

И снова это чувство: будто идёшь по позорному пути, а стоящие у обочины люди держат в руках камни, которые не задумываясь бросят тебе в лицо. Привычно. У меня было время научиться скрывать свои эмоции. Сейчас никто не смог бы сказать, что мои чувства задеты, нервы натянуты до предела и хочется лишь одного — поскорее избавиться от пристального внимания сотни пар глаз. Значит, я преуспела в своём намерении.

— Кого это привела с собой сестра Ника?

— Ха, Вачек, наша Алая Вдова никак сняла себе мальчика!..

«Алая вдова»- так называл меня Демьян, командир пятого отряда. Скрипнув зубами и игнорируя порыв обернуться, я шла вперёд. С каждым шагом мужской гогот затихал, оставаясь далеко позади. Чёрт с ними.

Кирилл стоял в окружении командиров. Всего существовало пять отрядов, по двадцать человек в каждом. Также имелся отряд новичков, обучающихся в стенах обители богословию, экзорцизму и боевым искусствам. Женщин в составе не было; в обители проживали только Катрина и несколько монахинь.

Кроме Демьяна, невлюбившего меня с самого начала, здесь присутствовало ещё четверо командиров: Юстас из первого отряда, Кир из второго, Ивар из третьего и Вачек из четвёртого. Скорее всего, сбор был назначен из-за прорыва ищеек. Наверняка этот случай встревожил экзорцистов и они горят желанием разобраться в ситуации.

— Ника! Рад тебя видеть, дочка.. — На лице Кирилла появилась было широкая улыбка, но стоило ему заметить Яна, как она сделалась значительно сдержаннее и в серо-голубых глазах блеснула настороженность.

— Приветствую, отец-настоятель. — В присутствии остальных я предпочитала соблюдать церемонии. — Приветствую вас, командующие.

Иван и Кир ответили мне кивками.

— Здравствуй, Ника! Давно не виделись. — Высокий тридцатилетний мужчина пожал мою руку и тепло улыбнулся. Каштановые волосы слегка серебрились у висков, но карие глаза лучились жизненной энергией, силой и добротой. Юстас. Именно он учил меня обращаться с мечом; и ещё он был одним из тех немногих, кто не отвернулся от меня после гибели Виктора.

— Кто твой спутник, Ника? — Кир не выдержал первым.

Демон, всё это время безмолвно стоявший чуть позади, по правую руку от меня, напрягся.

— Это Ян. Один из прорвавшихся демонов овладел его телом. Я провела экзорцизм и изгнала его, но Ян после этого сохранил память о произошедшем.

Все посмотрели на демона с новым интересом. Дело в том, что одержимые, как правило, ничего не помнят после экзорцизма. Изредка встречаются исключения. Они чаще всего и пополняют ряды воинства. Думаю, что причины их выбора ясны.

— Сочувствую, сын мой. Значит, ты желаешь вступить в наши ряды? Обитель с радостью примет тебя. — сказал Кирилл, неверно меня поняв.

— Благодарю вас, святой отец. Я останусь с Никой. — Звучный бархатный голос раздался совсем близко и от неожиданности я чуть было не вздрогнула.

Непонимающие взгляды переводились с демона на меня.

— Что это значит? — Кирилл смотрел на Яна, но обращался ко мне.

— Ян остаётся со мной. При всём уважении, отец-настоятель, я на этом настаиваю. Он не будет вступать в отряд.

— Тогда на каком основании ты оставляешь этого мужчину при себе, привела сюда? — осведомился Ивар.

Сколько я ни размышляла над этим вопросом, разумного объяснения заготовить так и не удалось. Запихнув свою гордость поглубже, я медленно выдохнула и спокойно глядя на присутствующих ответила:

— На том основании, что он мужчина.

У Юстаса отпала челюсть; командиры второго и третьего отрядов смотрели на меня с возмущением; Кирилл был поражён. На лице Яна трудно было что-либо прочесть.

— Что я слышу! Сестра Евангелина, ты прости меня, я невольно стал свидетелем вашего разговора. — В голосе Демьяна звучали едкость и издёвка. — Искренне рад за тебя.

Остановившись напротив Яна, он нарочито медленно смерил его взглядом с ног до головы и, растянув тонкие губы в не предвещающей ничего хорошего улыбке, произнёс:

— Знаешь парень, ты везунчик! Искренне поздравляю и надеюсь, что удача тебя не оставит. А моему другу Виктору повезло меньше...

— Демьян! — предостерегающе одёрнул его Юстас.

— Так вот, — продолжил он, — когда демон вселился в Виктора, Ника не стала долго раздумывать — просто убила его. Смотрю я на тебя и думаю, что же есть в тебе такого, что она сохранила твою жизнь, а красавчик? Что молчишь, слишком личное?

Слова резали по сердцу, разрывая ещё свежие раны. Когда я только появилась в обители, Демьян и Виктор дружили. Потом меня определили в пятый отряд, командовал которым забавный веснушчатый парень с храбрым сердцем. Виктор стал мне другом — первым и единственным. А потом я убила его. Не важно, что им владел константа. Не имеет значения, что спасти его было невозможно. Ничто не смоет с моей души чувства вины, поедающего меня заживо. Никто не может винить меня больше, чем я сама. Смерть Виктора на моей совести, руки обагрены его кровью... Из всех сил я старалась не заплакать, не дрогнуть и не сломаться. Только не здесь, нет. Я сильная... Сильная.

— Что ты хочешь от меня услышать, Демьян? — спросила я пустым голосом.

— Он и правда так хорош, что..

Лишь свист воздуха, размытое движение и вот — командир пятого отряда ошеломлённо глядит на блондина, лёжа на полу и отирая кровь с подбородка.

— Спасибо, ты меня опередил. — Сказал Юстас Яну и недобро глянул на экзорциста.

— Ты ответишь за... — Демьян практически рычал, вскакивая с пола и устремляясь к демону.

Дорогу ему заступил Кирилл.

— Брат, — пророкотал настоятель, — ты повёл себя недостойно. Бог простит тебе злобу, но ты прекрасно знаешь — Ника не виновна в смерти Виктора. Больше всех его гибель оплакивала она и нет твоего права так с ней говорить. Подумай, простил бы тебя за это Виктор?

— Простите, святой отец.

Демьян развернулся и вышел вон.

— Не стоило. — тихо сказала я демону. — Он прав.

Блондин промолчал, но зелёные глаза, казалось, читали в глубине моей души.

— Дочка... — начал Кирилл.

Совладав с чувствами, я прогнала их следы со своего лица.

— Я считаю, что здесь больше нечего обсуждать. Ян мой напарник и всем придётся с этим смириться. Перейдём к тому вопросу, по которому все мы сегодня собрались.

Никто больше ничего не сказал, только вот все свидетели сцены между нами и командиром пятого отряда искоса бросали в нашу сторону взгляды. Не было в них ничего приятного. Плевать.

Мы с Яном заняли места у помоста; остальные были распределены по секторам — свой

для каждого отряда. Пока настоятель приветствовал собравшихся, а командующие проверяли своих, передо мной возникла тощая долговязая фигура в коричневой рясе. Послушник. Большие карие глаза возбуждённо блестели, а взлохмаченные рыжие волосы и веснушки на носу... Прямо как у Виктора... Да что ж такое сегодня, а?! Проклятье, нужно держать себя в руках.

— Здравствуйте, сестра Ника! — парнишка склонил вихрастую макушку в неуклюжем приветствии.

Не смотря на значительный рост, на вид ему можно было дать лет пятнадцать, не больше.

— Ну здравствуй, Всеслав.

— Вы помните моё имя?! — Я думала, что оживлённее выглядеть уже невозможно. Это было ошибкой.

— Ага, узнала тебя по голосу. Сколько тебе лет?

Паренёк слегка сник, но собрался и сказал правду.

— Пятнадцать, сестра. Очень-очень рад с вами познакомиться. Вы — моя героиня! — Он протянул мне руку и я слегка ошалело её пожала. Героиней меня ещё никто не называл.

— Прости, может ты меня с кем-то путаешь?

— Вы спасли моего старшего брата, я не могу вас ни с кем перепутать. Два года назад в него вселился демон, после этого он ворвался в кинотеатр и покалечил восемнадцать человек. Потом появились вы и изгнали эту тварь из брата. Я был там и всё видел. Помните?

Порывшись в памяти, я вспомнила.

— Твоего брата звали Павлом, не так ли?

— Верно.

Парнишка погрузился и блеск в его глазах потух.

— Всеслав?

Он встрепенулся, будто отстраняясь от воспоминаний.

— Я... Просто хотел сказать вам спасибо. Вы тогда спасли его.

Как-то странно прозвучало это «тогда»..

— Это мой долг. Как ты оказался здесь? Почему?

Всеслав опустил на соседний стул, костлявые плечи ссутулились.

— Два месяца назад, — начал он чуть хрипловато, — на Павла напал тот самый демон. На этот раз он вселился в нашего соседа. Однажды вечером он зашёл к нам в дом и... Когда я вернулся из школы, то застал демона на кухне и там... Все были мертвы. Не знаю как и почему, но в памяти всплыли слова, которые вы говорили тогда, в кинотеатре. Не в силах сдержаться, я прокричал их и... Демон просто исчез. Как оказалось, я изгнал его. Жаль только, что поздно..

Чёрт. Я неловко потрепала его по плечу. Никогда не умела утешать — мне кажется это бесполезным.

Однако, парень поднял поникшую голову и улыбнулся мне.

— Спасибо. Вы спросили, как я здесь оказался. Какое-то время ушло у меня на поиски информации и, наконец, мне удалось выйти на обитель. Отец-настоятель выслушал меня и принял в послушники. Он сказал, что у меня есть задатки. — В последней фразе прозвучала не без доли гордости. Знал бы пацан, насколько паршива жизнь экзорцистов.

— Ты уверен, что это твой путь? Для тебя ещё не всё потерянно — колледж, университет, собственная семья, наконец. Почему именно обитель?

Юношеские глаза смотрели на меня с недетской серьезностью и я поняла. Он просто не мог иначе.

— Ясно. Рада знакомству, Всеслав. — Уже совершенно искренне ответила я.

Он улыбнулся.

Отец Кирилл поднялся на помост и разговоры в зале стихли.

— Братья и сёстры, я собрал вас сегодня здесь по причине, которая наверняка всем известна: вчера, перед самым восходом солнца, через воронки в наш город прорвался поисковый отряд демонов. Мотивы их организованного появления всё ещё точно не ясны. Прошу вас, пусть каждый доложит всё, что ему удалось узнать. Попробуем решить проблему и разгадать загадку общими силами.

Дальнейшие два часа мы заслушивали доклады экзорцистов обо всём, что было (или, чаще всего, не было) связано с ищейками. Всеслав клевал носом, а Ян сидел неподвижно и ловил каждое слово — я даже позавидовала его терпению.

Как оказалось, кроме меня с ищейками столкнулись ещё воины пятого и третьего отрядов. Примечательно, что именно в этих отделениях было больше всего прирождённых экзорцистов — тех, кто рождался со способностью изгонять бесов и обладал сверхъестественными силами, даром. Им повезло. А вот демонам — едва ли. Таким образом, на сегодняшний день было обнаружено и уничтожено семеро демонов — это вместе с моими. Неплохо.

Наконец, очередь дошла до меня. Поднявшись, я начала свой доклад (а точнее, его подкорректированную версию).

— Мною было уничтожено двое демонов из новоприбывших. Один из них, как удалось выяснить, принадлежал к числу демонов Хакельдамы. Он возглавляет поисковиков, а его описание известно вам по некоторым хроникам... - по залу пронёсся удивлённый рокот.

— Весьма полезная информация. Продолжай, Ника. — Проговорил настоятель.

— Второй демон, — все усилия я направила на то, чтобы отогнать болезненные воспоминания и сделать свой голос предельно бесстрастным. Ян настороженно следил за мной взглядом — наверное, боялся, что я сорвусь. Он плохо меня знает. — был обнаружен в подzemке. Завладев сосудом — мальчиком двенадцати лет, — он напал на человека. Пятикратное повторение известных ритуалов изгнания не дало результатов. Это был класс константа. Демон уничтожен.

Теперь уже возгласы набирали силу и становились громче. Конечно, чего ещё можно ожидать от убийцы — такой ничего не стоит прикончить ребёнка. Мне всё равно — они не были там, никто из них не знает, что значит убивать... По-настоящему убивать невинных людей, не имея возможности их спасти. Возможно, это моё проклятье — притягивать констант. Больше ни один экзорцист не сталкивался с ними, не будучи в паре со мной. Прошу прощения — ни один из присутствующих здесь. Те экзорцисты, которые встречали констант, погибали: они медлили, не могли поверить в бесполезность экзорцизмов и пали жертвами одержимых. В конце-концов, я стала работать в одиночестве. Убивать в одиночестве.

— Это всё, дочь моя? — осторожно осведомился Кирилл, пытаясь поймать мой взгляд.

— Да. — ответила я, прямо глядя ему в глаза.

— Хорошо, присаживайся. Ты сообщила нам полезную информацию.

Я села, действительно не ощущая ничего, никаких посторонних эмоций. Временами, чувства пробуждаются во мне и тогда их напор становится почти невыносимым. Но чаще

всего, они крепко спят и в такие моменты я становлюсь идеальной машиной убийства — как, например, в случае со Здравяком.

— Таким образом, — подвёл итог отец-настоятель, — нашими силами уничтожено семеро адских созданий из десяти. Нам известно, что акция осуществляется под началом Хакельдамы и, соответственно, мы знаем какие специфические способы и средства борьбы следует задействовать. Кроме того, мы пришли к выводу, что отряд был призван найти и доставить кого-то в Ад. Скорее всего, они охотятся за беглецом. Теперь инструкции. Наша задача: выследить и уничтожить двоих оставшихся демонов, а третьего — доставить в обитель для получения информации. Будьте осторожны, не идите на поиски в одиночку. Предлагаю разбиться на четвёрки — один прирождённый на троих обученных. Пусть выдвинутся пять таких команд, остальные же должны продолжать нести дежурства. Все поняли свою задачу? — По залу пронёсся утвердительный гул. — Хорошо. Сестра Катрина, пожалуйста, возьмите в помощь отряд новобранцев и снабдите дежурные отряды средствами борьбы с приспешниками Хакельдамы, а также стандартными наборами.

Катрина — низенькая сухопарая дама среднего возраста — поправила очки в тонкой золотистой оправе и элегантно кивнула. Она не была монахиней, но приходилась кузиной отцу Кириллу и выполняла множество различных организаторских обязанностей. Поманив за собой Всеслава и ещё нескольких юнцов в коричневых рясах, она направилась в сторону хозяйственных складов, расположенных в западном крыле. Там хранились запасы земли со всех уголков мира, кресты, образа, специальные курения, оружие, а также (в отдельном закрытом помещении) пыточные орудия старушки-инквизиции. В часовне воины получали святую воду, вино и облатки.

Их экипировка несколько отличалась от моей: если я использовала только дарованные мне силы и тексты экзорцизмов, то они задействовали все известные церкви экзорцистов средства, носили освящённое оружие и массу различных вещей. Если мой меч легко появлялся и также легко исчезал, то остальным воинам приходилось проявлять чудеса смекалки, ловкости и маскировки, чтобы не быть арестованными за ношение холодного оружия. Такова наша реальность — ни общество, ни власти не признавали существование «сверхъестественной чепухи». За редким несчастливым исключением.

Официально мы подчинялись требованиям законодательства, на деле же превратились в элитное секретное подразделение с весьма сомнительной степенью соответствия нормам закона и морали. С момента своего возникновения, организация экзорцистов являлась структурным подразделением католической церкви, практически подчинялась ей. Сотрудничество с православной церковью также было довольно тесным. Что касается нашей обители и множества примыкающих к ней, то вот уже пять лет как они существуют автономно от Ватикана и самостоятельно руководят своей деятельностью. Мы приобрели статус организации, не попадающей под юрисдикцию местного епископа, вместе со своей территорией и духовенством — *abbas nullius*, или удельного аббатства. Пять лет... С тех самых пор, как демоны напали на мою семью в поместье дяди Анастаса и уничтожили её. В последствии, Кирилл рассказал мне о том, что Анастас был одним из воинов Христа и наместником от Ватикана в нашей стране. Он был прирождённым экзорцистом и обладал большой силой. Видимо поэтому демоны, прорвавшиеся сквозь воронку, первым делом отыскиали его. Их привело в поместье чувство мести. Они удовлетворили его сполна, уничтожив не только дядю, но и всех его близких... Всех, кроме меня. В ту роковую ночь на небе появилась алая луна и небеса стали багровыми. В ту ночь я стала тем, кем являюсь

сейчас — самым сильным экзорцистом за всю историю церкви. Кирилл говорит, что это Благодать Божья. Иные считают мой дар полезной, но опасной мощью. Для меня это проклятие и оружие мщения.

Я не святая. Не мученица. Не монахиня. Я убийца. Оружие. Месть. Вот кто я.

Тогда Ватикан не пришёл на помощь. Святая церковь отреклась от своих воинов, бросив их на произвол судьбы. Те, кому удалось выжить после нападения демонов, собрались в обители под руководством отца Кирилла. Похоронив своих товарищей, родных и близких, экзорцисты приняли решения порвать все связи с Ватиканом и создать собственную церковь. Церковь, чья паства идёт путём меча и крови; берёт на себя тяжесть греха, дабы иные могли жить. Экзорцисты не являются ни священниками, ни монахами — они воины, пусть и на службе у небес.

— Ника?

Голос Кирилла оторвал меня от воспоминаний.

— Святой отец. В какой отряд вы меня определили?

— Для тебя есть иное поручение. Ты не будешь участвовать в охоте за оставшимися демонами.

Он произнёс это спокойным, но не терпящим возражений голосом.

— Что?! Это ещё почему?

Мои руки непроизвольно сжались в кулаки, когда я поймала торжествующий взгляд Демьяна.

— Не кипятись. Он тут ни при чём. — Поспешил заверить меня настоятель, заметив куда я смотрю. — Это моя личная просьба.

Медленно выдохнув, я постаралась расслабиться. Видимо, нервы сдают. Чёртов Демьян.

— Что за поручение?

В глазах отца-настоятеля мелькнула быстрая улыбка, которую тут же сменило серьёзное выражение.

— Наши соглядатаи в северном районе сообщили мне о случае одержимости. Дело серьёзное и я не могу доверить его никому, кроме тебя. Жертва — юная девушка, твоя ровесница. Её имя Элис.

— И что же здесь особенного? Обычная одержимость..

— Дослушай, а потом уже делай выводы. — Прервал меня Кирилл.

Я покорно кивнула.

— Случай необычен тем, что эта девушка обладает даром пророчества. Он выражен весьма слабо, но всё же присутствует. С двенадцати лет Элис делится с нами информацией о грядущих атаках демонов. Не то чтобы сведения были регулярными и подробными, но иногда приходятся очень кстати. Её тётушка обеспокоилась изменениями поведения и новыми странностями, которых ранее за Элис не замечалось. Вчера вечером она связалась со мной и по сказанному ею я диагностировал одержимость. Все стандартные признаки налицо: чертовские терзания, obsessions, синдром Туретта. Девушку нужно срочно спасать, судя по всему демон довольно силен и её надолго не хватит. Вот адрес, — он протянул мне листок с парой строчек, написанных красивым размашистым почерком, — поспеши. Они живут вдвоём, так что посторонних свидетелей не будет.

— Ладно. — Кивнула я и уже собралась уходить, когда настоятель поймал мою руку.

— Постой, Ника. Думаю, будет лучше, если твой спутник останется здесь.

Вот блин.

— Нет, он должен идти со мной.

— Почему? — В его глазах мелькнуло подозрение. Нехорошо.

Краем глаза я заметила как Ян отвернулся, делая вид, что не его сейчас обсуждают. Поза демона выдавала напряжение.

Я вздохнула.

— Возможно, что моё поведение кажется тебе странным и всё это неожиданно, но мне уже девятнадцать и руки мои по локоть в крови. Я сражаюсь с демонами, убиваю и вижу каждый день такое, что мало кто из моих ровесников увидит за всю свою жизнь. Неужели я не заслужила доверия и свободы в принятии решений? К чему подобная подозрительность? Не смотря на всё, что мне пришлось пережить, я всё ещё молодая девушка и ничто человеческое мне не чуждо. — Я лгала, но другого выхода не было. — Ян мой парень. Так как в монахини меня не посвящали, то не вижу в этом ничего предосудительного. К тому же, он неплохо сражается, знает о демонах и не станет обузой в битве. Поэтому, мы идём вместе.

Закончив свою тираду, я внутренне сжалась, ожидая увидеть незаслуженное разочарование на лице наставника. Но там всё ещё было подозрение. Он мне не поверил.

— Хорошо. Ступай, дочь моя. — Сказал он вопреки моим ожиданиям. Это было странно.

Кивнув, я схватила Яна за руку и поспешила к выходу, мне совсем не хотелось здесь задерживаться. Вдруг Кирилл что-то заподозрил?

Оглянувшись в последний раз, я поймала тяжёлый взгляд настоятеля, направленный на демона. Чёрт! Он точно что-то подозревает. Лгунья из меня вышла никудышная. Вот только чем это для нас обернётся..

Глава 4. Суккубы тоже плачут

*«Хочу я быть свободною волчицей,
Дышать прохладным воздухом полей,
Визжать и выть, и рыскать в темной чаще,
Пугать мужчин, и женщин, и детей,
Вонзать клыки в трепещущее тело
И забавляться ужасом людей,
Хочу я воли, бешенства, простора,
В крови я жажду скуку утопить!
.....
Пусть жгут меня, а душу примет дьявол!
Свободы мне!»*

Лохвицкая, «Бессмертная любовь».

Мы шли быстрым шагом, оставляя за спиной мрачные стены обители. Прохожие изредка провожали нас взглядами, но гораздо реже, чем вчера. Некоторое время мы молчали. Город кишел спешащими людьми и машинами; солнце нежно пригревало всё вокруг, разливая по воздуху негу, которую мало кто хотел замечать. Ажурные скамейки у журчащих фонтанов призывно пустовали, но у меня тоже не было времени нежиться на солнышке. А жаль..

— Прости. Я не сдержался.

Да уж. Просто взял и врезал капитану отряда экзорцистов — подумаешь, ерунда какая.

— Забей. Но больше так не делай.

— Его слова причинили тебе боль.

Обогнув с двух сторон прижавшуюся друг к другу парочку, занявшую половину тротуара, мы вновь пошли рядом. Хотелось сделать вид, что я ничего не слышала, но. Это было бы слабостью.

— Да. Но он сказал правду. И, предвосхищая твои дальнейшие вопросы, отвечу: два года назад в моего напарника вселился демон класса константа и я его убила. Тема закрыта.

Внезапно горячая рука мягко обвилась вокруг моего запястья. От неожиданности я чуть было не отправила его на асфальт прямо посреди толпы, но вовремя спохватилась.

— Что? — Проговорила я сквозь зубы, выразительно взглянув на свою руку. Демон проигнорировал это и, придвинувшись ближе, заглянул мне в глаза.

— Ты винишь себя напрасно. Чувство вины съедает тебя изнутри — вряд ли твой друг желал тебе подобной участи.

Меня злило, что он вот так запросто говорил о Викторе. Меня бесило, что он разглядел мою слабость.

— Это моё дело. — Прошипела я, высвобождая запястье. — Не лезь ко мне в душу.

Ян кивнул, скрыв глаза за льняной завесой. Невидимая заслонка между нами опустилась с почти слышимым щелчком. Отлично.

Я шла рядом с безмолвным демоном, кипятилась и отчего-то чувствовала себя виноватой. Ничто из этого не входило в мои привычки. Блин, кажется я настолько одичала,

что своим обществом способна угнетать даже демона. Хмыкнув себе под нос, я пересилила упрямство и заговорила первой.

— В квартале отсюда расположен подземный гараж. Одержимая живёт на другом конце города, поэтому мы возьмём мою машину.

Как выяснилось, метро не самый удачный вид транспорта для демонов и экзорцистов. Интересно, я смогу когда-нибудь войти в подземку, чтобы перед глазами не появлялся кареглазый курчавенький мальчишка, пронзённый моим мечом? Вряд ли. Теперь и он станет постоянным гостем в моих кошмарах. Сколько ещё нужно таких кошмаров, чтобы окончательно свести меня с ума? Не известно. Нужно ли мне это знать? Не думаю.

Подземный паркинг встретил нас полумраком и прохладой: ни тебе демонов, ни бандитов, ни попрошайек. Тихо. Даже непривычно. Вечно я недовольна.

В череду одинаковых отсеков вносили разнообразие одни лишь таблички с номерами. За номером «23» прятался мой четырёхколёсный товарищ. Чёрный фольксваген — один из пяти автомобилей, принадлежавших моей семье — нетерпеливо заурчал, стоило лишь завести мотор. Ян устроился на переднем пассажирском сидении и, выехав из паркинга, мы плавно влились в автомобильный поток. Пробки — ещё один бич больших городов. Поэтому я не особо люблю передвигаться по городу на машине — это испытание для моих нервов и трата драгоценного времени. Но сейчас... уж лучше пробки, чем поездка в метро.

Демон какое-то время неотрывно смотрел в окно. По мне там не было ничего интересного: хмурые лица водителей соседних авто, мелькание яркой формы регулировщиков движения и толпы застывших в нетерпеливом ожидании пешеходов.

— Ты ведь не собираешься вечно и всюду брать меня с собой. Мы оба понимаем, что это не выход. Рано или поздно придётся принять какое-то решение.

— Пока что я не вижу другого выхода. Если тебя так угнетает моё общество, то прости — перетерпишь.

— Я не... - начал демон, наконец, повернувшись ко мне.

— Я в курсе. Мне нужно время, чтобы всё обдумать и составить план действий. Или, может быть, у тебя есть предложения? — послав демону вопросительный взгляд, я перестроилась во второй ряд.

— Только одно. Моя смерть всё разрешит.

— Ладно, сделаем вид, что я этого не слышала. Не оригинально. Ты мне лучше расскажи о себе поподробнее. Например, как именно Люцифер собирается тебя использовать. Или опять «сие есть тайна великая»?

— Ты не отступишься?

— Не-а.

Демон тихо вздохнул.

— Тебе знаком текст откровения Иоана Богослова?

Я кивнула, не отрываясь от дороги. Последняя глава Нового Завета — Апокалипсис. Что-то мне уже не нравится ход его мыслей. Но я сама ведь хотела знать.

— Продолжай.

— Двадцать один год назад Господь изгнал меня из Царствия Небесного, ибо был я непослушен и взбунтовался против воли Его..

Резко повернувшись к блондину, я потеряла управление и чуть было не врезалась в ехавшую впереди «тойоту». Пронзительные сигналы клаксонов раздались со всех возможных сторон и я поспешно ретировалась с дороги, припарковавшись у обочины.

— Это такая шутка, да? Ты только что сказал, что ты ангел? — я произносила слова медленно, стараясь не сорваться на крик.

— Да. — спокойно ответил он, глядя на меня в упор.

Мысленно выругавшись совсем не по-христиански, я вцепилась пальцами в рулевое колесо, чтобы мои руки не проделали этого с шеей блондина. Спокойно.

— Ты — ангел.

— Имя мне Абаддон — Ангел Бездны. Так было до тех пор, пока Господь не отрёкся от меня и Дьявол не поработил мой дух. — Голос его звучал пусто, отстраненно.

Абаддон — ангел разрушения, несущий гибель всему живому в последний день Апокалипсиса. Так описывает его Иоан Богослов. Кажется, там ещё упоминались полчища саранчи. И сейчас он сидит в моей машине. Без паники.

— За что Бог изгнал тебя? — спросила я, как только снова почувствовала себя в силах разговаривать.

— Я воспротивился его главному замыслу — Судному Дню, Апокалипсису. Побывав среди смертных, я... не смог исполнить свою роль, не смог уничтожить треть человечества. В наказание Господь сослал меня на землю, дабы показать всю порочность и негодность этого мира. Тогда меня и пленил Люцифер. Двадцать лет я провёл в плену у дьявола. В Аду же мне стал известен его замысел — свершить свой собственный, Тёмный Апокалипсис, и обрушить Ад на землю. Я стал наполовину демоном, но всё ещё являюсь ключом к легионам «адской саранчи, несущей гибель всему живому». С моей помощью, Люцифер сможет явить людям Преисподнюю. Наступит конец света.

Я ничего не могла с собой поделать — нервный, истерический смех рвался наружу и ничто не в силах было его сдержать. Это слишком, даже для меня. Мой бедный мозг не в состоянии всё это усвоить. Кажется, я схожу с ума. Что делать, когда на тебя обрушивается что-то немыслимое, невообразимое? Быть сумасшедшей.

— Значит, Бог взял и бросил тебя в Аду? Вот так просто?

— Да. Вот так просто. — Горько усмехнулся Ян... То есть, Абаддон. Тьфу, к чёрту! Ян.

Оцепенение всё не проходило. Надо что-то решать, думать, действовать... Легко сказать.

— Ты в порядке? — Ян глядел на меня обеспокоенно, с некоторой долей страха. Боится, что я сошла с ума? Не безосновательно, надо сказать.

— Ангел, значит. — Внимательно оглядев его, будто видела в первый раз, я потрянула головой. Мысли от этого не упорядочились. Кто бы сомневался. — Знаешь, когда-то я верила, что Господь — это тот, кто всё прощает, тот, кто хранит в своём сердце безусловную любовь для каждого человека. Когда-то, вера в Бога была самой незыблемой вещью в моей жизни. Но с каждым годом она пошатывалась, смерти моих близких и друзей разрушили её по основание, а убийства, что мне приходится совершать собственными руками, рассыпали в прах фундамент. Сейчас я окончательно поняла, что Богу на нас плевать. И мне стало легче. Спасибо.

Я улыбнулась. Лицо Яна приобрело ещё более тревожное выражение.

— За что ты благодаришь меня?

— За свободу. Свободу от лживых надежд на безразличного бога. Теперь я знаю, что мы будем делать дальше. — Сказала я, заводя мотор.

— Что же?

— Обломаем и Бога и Дьявола!

— Ты необычная, знаешь это? — какое-то время спустя промолвил демон-тире-ангел, грустно улыбаясь.

— О, ты не первый, кто мне об этом говорит. Правда обычно люди выбирают более прямые эпитеты. Например, «чокнутая», «сумасшедшая», «маньячка» или «бешеная сука».

Лететь, высекая искры из асфальта — вот что мне нужно сейчас. И ещё хорошая музыка. Оставив позади вяло плетущуюся в пробке череду автомобилей и бибикающих мудил, я выехала на окружную трассу — дорога выйдет длиннее, но отнюдь не медленнее — и поставила любимый диск. Рок — это наше всё.

Первая композиция называлась «Небеса». Весьма символично.

«...Мы верили пустым словам,
Нам обещали чудеса.
И ливнями нас моют и смеются
Такие добрые, святые небеса...»

— Полился из динамиков искренний и печальный мужской голос. Как раз в тему. Люблю я эту группу..

Яну, кажется, тоже понравилось — он слушал очень внимательно и в глазах его читалось понимание.

Отлично. Если бы ему нравилась «попса», я отправила бы его в Ад. Ха-ха. Шутка.

* * *

Нужный нам дом находился в уютном респектабельном квартале, обильно озеленённом и ухоженном. Строения были в основном двухэтажными, примерно одинаковой планировки. Я припарковалась у двадцать седьмого дома, — этот номер был указан на листке, который вручил мне Кирилл — но пока что оставалась в машине. Мне хотелось дослушать песню и немного обдумать свои дальнейшие действия.

..«Мы за церковную свечку щемимся в рай
И плачем: «За что нас швыряет на край?»
В ночной тишине услышь голоса —
Над нами смеются навзрыд..
Небеса-а..»

Выключив плеер, я взглянула на блондина. То, что я увидела, вселило в меня растерянность и смятение. Он плакал. Тихо, не издавая ни единого звука — просто отвернулся к боковому окну, а из глаз стекали одинокие слезинки. Если б не солнце, осветившее его под нужным углом, это трудно было бы заметить.

— Ян? — Осторожно позвала я.

Вопреки ожиданиям, он сразу же повернулся ко мне, не скрывая своего лица.

— Что случилось?

— Эта песня. Наверное, небеса и правда сейчас надо мной смеются. Да и Ад тоже Извини.

— Забей. Сегодня смеются они, а завтра будет наш черёд. Не унывай. — Я неуверенно потрепала его по руке — не умею утешать, не привыкла. Но он благодарно сжал мою руку в ответ и мягко улыбнулся. Кажется, это первый раз, когда на лице его я вижу настоящую улыбку. Надо признаться, это ему шло. Он и так был ослепительно красив, но улыбка делала его похожим на ангела. Я уже хотела сказать ему об этом, когда поняла всю абсурдность подобного сравнения и закрыла рот. Иногда полезнее промолчать — это я хорошо усвоила.

— Готов?

— Да.

— Тогда пошли.

Мы вышли из машины и я открыла багажник. Там у меня хранился полный боевой запас необходимых экзорцисту вещей: соль, святая земля, розовое масло, облатки, освящённый кинжал из булатной стали с наручными ножнами, моток крепкой верёвки и наручники. Обычно я справляюсь одним своим даром да боевыми приёмами, но для традиционного изгнания бесов необходимо соблюдение особого ритуала. Тут уж ничего не попишешь: убить демона или отправить его в Ад — это я запросто, но борьба с одержимостью иными видами нечисти имеет свои нюансы. Я прикрепила ножны с кинжалом к левой руке, вытащила из бокового отсека наплечную сумку. Уложив в неё склянку с освящённой землёй, бутылочку розового масла, пакетик с облатками и верёвку, перекинула через плечо и закрыла багажник. Ян с интересом наблюдал за этими моими приготовлениями. Я не против, пускай себе смотрит.

— Всё, можно идти.

Он кивнул и мы направились к залитому солнечным светом крыльцу. Лужайку перед домом украшали клумбы с ирисами. Миленько. Ага, а внутри нас ожидает миленькая одержимость.

Заиграла переливчатая мелодия звонка и несколькими мгновениями позже дверь перед нами распахнулась. В дверном проёме стояла женщина; судя по всему, это была «тётушка» одержимой. Родители девушки погибли десять лет назад и с тех пор она жила с сестрой отца. Кирилл сказал, что кроме них в доме никого не будет. Однако, совсем не так я её себе представляла. Этой даме на вид можно было дать не больше тридцати: стройная фигура, ухоженные тёмные волосы, аккуратный, со вкусом наложенный, макияж. А ещё холодные серые глаза. Едва она успела оценить ситуацию и определить кто мы такие, как холод будто водой смыло и на место его пришло выражение боли и отчаяния. Вот только мне это показалось не особо убедительным. Как говорится, плохая игра при хорошей мине. Или хорошая мина при плохой игре? Один чёрт.

— Вы, наверное, из церкви экзорцистов? — У нее был красивый голос, низкое контрольто.

Обращалась она к нам обоим, но цепкий взгляд направлен на блондина. Хм, интересная тётушка.

— Да. Нас прислал отец Кирилл. Я Ника, а это Ян — он мой напарник.

— Очень рада вас видеть. Меня зовут Анна. Я тётя..- тут её голос очень натурально надломился — .. Элис. Проходите, пожалуйста.

Мы вошли и оказались в светлой гостиной. «Светлая»- это слово отлично характеризовало данную комнату: всё, начиная от стен и заканчивая предметами интерьера,

было выдержанно в белом, кремовом и бежевом тонах. Не очень уютно, но зато стильно. Хотя, не мне судить об уюте.

— Опишите, пожалуйста, все странные особенности поведения вашей племянницы. Мне нужны подробности. — Я решила сразу перейти к делу.

— О, это просто ужасно.. — Начала Анна, усаживаясь в кресло и закидывая ногу на ногу. Хорошие у неё были ноги, стройные и загорелые. Судя по всему, это зрелище предназначалось сидящему напротив Яну. Мне же досталось полное горя и скорби выражение лица. Ну-ну. — Всё началось с того, что Элис стала плохо есть и страдать бессонницей. Она и раньше была странной — ну, знаете, эти её видения и всё такое, — но это другое. Потом стало хуже: она выбросила свой крестик, с которым никогда не расставалась, стала пытаться навредить себе и... Не знаю, как сказать... О, Господи, я должна это сказать. Она начала вести себя крайне развязно, буквально кидалась на всех представителей противоположного пола, что было для неё нехарактерно. А однажды она едва не соблазнила моего..- стрелънув глазками в сторону Яна, она продолжила, -.. знакомого.

— И как, успешно? — не сдержалась я. К счастью, она не заметила издёвки в моём голосе.

— Нет, конечно же. Я остановила её, но с большим трудом. За это она ударила меня! Кошмар. В последние дни стало совсем плохо. Элис говорила не своим голосом, рвалась из дома, особенно по ночам; что-то неладное стало происходить с техникой, предметы перемещались сами собой. Я очень испугалась и позвонила представителю вашей церкви. — Закончила она свой рассказ.

— Всё понятно. — Кивнула я. У меня не оставалось сомнений — в девушку вселился суккуб. Отсюда озабоченность на сексе и другие признаки. — Где сейчас Элис?

— Я закрыла её в спальне. Это далось мне с трудом — она стала невероятно сильной.

— Отлично. Проводите меня к ней.

Мы поднялись и я взглянула на Яна. Он понял меня без слов и кивнул.

— Я останусь здесь. — Сказал он.

Анна посмотрела на нас слегка удивлённо, но промолчала. Кажется, она была только рада остаться с красавчиком наедине. Ну, может быть, мне это только кажется.

Мы поднялись по широкой лестнице на второй этаж и возле добротной двери, подпёртой комодом, я остановилась. Видимо, это здесь.

— Это её комната. — Подтвердила тётушка мою догадку. — Дверь сотрясалась от ударов и я подперла её комодом.

С помощью Анны я отодвинула комод и устоялась на дверь: деревянную поверхность украшала сетка трещин. Да, не слабо.

— Вот, это ключ. Я, пожалуй, спущусь вниз... Если вам не требуется моя помощь, конечно? — Судя по дрожащему голосу, она страстно желала оказаться отсюда подальше. Не знаю как насчёт любви и заботы, но страх перед племянницей у этой женщины был вполне натуральным.

— Спасибо, я справлюсь.

Облегчённо кивнув, она поспешно покинула второй этаж. Я уже говорила, что это странно?

Повертев в руках прохладный ключ, я вставила его в скважину замка и трижды провернула. Раздался глухой щелчок, я открыла дверь и быстро зашла, захлопнув её за собой.

Ещё не хватало, чтобы одержимая вырвалась и отправилась бродить по городу, утоляя бесконечную плотскую жажду. Брр..

В комнате царил полумрак, окно было зарешёченно и стало понятно, почему Анна заперла племянницу именно здесь. Под окном скрючившись и мерно покачиваясь из стороны в сторону сидела моя «пациентка». Стоило мне сделать шаг, как она молниеносно вскочила. Юбка колыхнулась, оседая подобно облаку; белые одежды делали её похожей на привидение.

— Здравствуй, Воин Христа! Развлечёмся?

Сплошь бледное лицо с горящими синим пламенем дырами-глазами. Чёрт. Это последняя стадия. Если сейчас не изгнать беса, то дальше будет лишь один выход — смерть. Подумать только, промедли сердобольная тётушка ещё хотя бы один день и было бы поздно. Я собралась и быстро просканировала помещение на предмет необходимых мне вещей. Их требовалось немного: стул да открытое пространство около полутора метров в диаметре. Всё это здесь имелось — остаётся только усадить демона на стульчик и вежливо попросить не двигаться. Только и всего.

Без лишних экивоков, я бросилась на демона, сшибая с ног. Видимо, это застало его врасплох, потому что мне удалось. Заломив руки за спину под рискованным углом, я волоком потащила её к стулу. Демон отчаянно трепыхался и вырывался из моего захвата, загребая ногами и собирая ковёр в гармошку. Я не отпускала. Хорошенько двинув её по носу, я одной рукой достала верёвку и примотала тело к спинке стула. Надеюсь, он сделан из хорошего дерева.

Ещё не был завязан последний узел, когда сломанный нос на глазах встал на место, а наливавшийся синяк рассосался. Теперь разницы не было — главное, что я получила необходимое время и успела связать суккуба.

— Я вырву матку из твоей утробы и натяну её на руку, как перчатку. — Прорычал суккуб. Ярость в девичьем голосе можно было на хлеб намазывать — если, конечно, вы хотите приготовить отравленный бутерброд.

— У, какая извращённая у нас фантазия. Кажется, кто-то хотел развлечься? — На моём лице расплылась улыбка, наверное, способная посоперничать с демонским оскалом. Милая такая беседа демона и экзорциста, между нами-девочками.

Открыв баночку с розовым маслом, я прочертила на лбу одержимой крестное знамение. Демон в меня плюнул — издержка профессии, привыкла. Спокойно утеревшись, достала облатку и приложила её к липкой от масла коже. Тело одержимой забилося в судорогах. Из распахнутого в крике рта повалил пар. Ничего милого в экзорцизме нет — разве что для любителей декаданса и готов, но они не в счёт.

Откупорив склянку со святой землёй, я обошла вокруг стула и насыпала ею круг. Это должно было задержать демона, если верёвки не выдержат натиска. Но не надолго. Опустившись перед кругом на колени, лицом к лицу с одержимой, я начала ритуал изгнания. Текст Литании Драгоценнейшей Крови Христовой легко всплывал в памяти:

— Отче небесный, Боже, помилуй нас.

Сын, Искупитель мира, Боже, помилуй нас.

Дух Святой, Боже, помилуй нас.

Единый Боже, помилуй нас.

Кровь Христа, Единородного Сына,

Предвечного Отца, спаси нас.

Кровь Христа, воплощённого Сына Божия, спаси нас.

Кровь Христа, Нового и Вечного Завета, спаси нас.

Голова девушки обернулась вокруг своей оси, пуская струи дыма, как в сцене из плохого фильма. Брань последнего пошиба лилась из брызжущего слюной рта. Я продолжала.

— Кровь Христа, при гефсиманском борении капающая на землю, спаси нас.

Кровь Христа, при бичевании проступающая, спаси нас.

Кровь Христа, из-под тернового венца сочащаяся, спаси нас.

Кровь Христа, на кресте пролившаяся, спаси нас.

Кровь Христа, цена нашего Спасения, спаси нас.

Кровь Христа, злых духов победительница, спаси нас.

Кровь Христа, сила мучеников, спаси нас.

Переходя к заключительной части, я заметила как от бешеных движений демона лопнули верёвки. Нужно заканчивать.

— Агнец Божий, берущий на Себя грехи мира, услышь нас, Господи...

На какой-то миг мне показалось, будто тень демона расстаяла и на лице одержимой проступило человеческое выражение. Но демон вновь взял верх. Миг — и святая земля полыхнула белым пламенем. Ещё один — и от круга осталась горстка пыли. Демон согнулся пополам в приступе аллотриофагии — изрыгание чужеродных предметов широко распространённое явление, сопровождающее экзорцизм. Я не стала смотреть, что же там излилось из демонского нутра — мне сегодня ещё обедать предстоит.

Девичья фигура взмыла вверх по спирали, зависнув на высоте полутора метров над полом. Облатка на лбу вспыхнула и осыпалась пеплом, не причинив её коже ни малейшего вреда.

В больших синих глазах плескалось безумие. Слезы градом стекали по нежному изгибу бледных щёк, тяжёлые капли прозрачными бусинами скапливались на кончиках пушистых ресниц. Прямые чёрные волосы развевались, потрескивая как от электрических разрядов. Тонкое стройное тело двигалось с хищной гибкостью и полы длинной льняной юбки легонько покачивались при каждом её «шаге». Бледно-розовые губы искривляла дьявольская усмешка.

Я могла бы просто убить её. Но, в конце-концов, это ведь не константа. Суккубы в человеческом теле не представляют опасности для гетеросексуальных женщин. Разве что для замужних. К тому же, чары на меня не действуют. Успокаивая себя подобным образом, я всё отступала назад, пока не прижалась спиной к деревянной двери. Из-за неё доносились истерические причитания и всхлипы тётушки одержимой. И ещё голос Яна, пытающегося удержать и успокоить эту даму.

Тем временем, суккуб приближался ко мне, покачивая бёдрами и хищно скалясь. Чёрт. Что за чертовщина?! Напади она обычным способом, я знала бы как себя вести, но это... Надо обездвигить её. Я вытянула вперёд руку, намереваясь заключить её в печать. Для этого нужна была моя кровь. В миг, когда я потянулась за кинжалом, взвизгнул ветер и предметы

заметались по комнатеву власти сверхъестественного смерча. Тяжёлая керамическая ваза врезалась мне в руку с такой силой, что она тут же онемела, а сосуд треснул, разбиваясь на части. С трудом увернувшись от летящего в грудь карниза, я запуталась в тяжёлой шторе и рухнула на ковёр, больно ушибив колено. Комната погрузилась в хаос, в сердце которого левитировал торжествующе хохочущий суккуб.

— Кончай ржать, сука! — Выкрикнула я, выпутываясь из складок тяжёлой ткани и поднимаясь.

Дьявол, только предельно ясные требования Кирилла не позволяли мне хорошенько поджарить эту тварь.

— Ммм, ссука... Как точно..- томно протянул демон, недвусмысленно обводя себя руками. Красивый голос портил развратный тон, вряд ли характерный для хозяйки этого тела.

— *Adjure te, spiritus!*^[9] Назови своё имя и цель, с которой ты вторгся в тело этой девушки! — Редкий демон способен противиться присяге экзорциста. К счастью, этот не был исключением.

— Зепар моё имя. Тело и дух Кассандры нужны моему Господинууу..- против воли провыла тварь.

Зепар. Мне знакомо это имя — так называют себя демоны, сводящие женщин с ума. А Кассандра? Судя по всему, речь идёт об Элис. Демон назвал её так по аналогии с древней пророчицей. Миленький такой, пафос из Ада.

С нечеловеческой скоростью суккуб спикировал вниз, прямо на меня — как коршун на цыпленка. Я не успела ничего сделать, только выставила перед собой руки. Когда она рухнула на меня сверху, от боли в глазах потемнело и воздух вышибло из груди. Мои ладони прижались к её распалённой коже, чуть ниже ключиц. Будь демон в своём истинном облике, от прикосновения ко мне его плоть покрылась бы страшными ожогами. Но тело Элис служило отличной защитой... Ну конечно, Возложение рук! Стоит попробовать. Удерживая демона, с сокрушительной силой пытающегося прижаться ко мне ещё теснее, я начала произносить сопровождающие Возложение слова:

— *Adjure te, spiritus neguissime...*

— Эта душа принадлежит мне по ПРАВУ!!! — истошно завизжал суккуб.

— .. *per Deum omnipotentem...*^[10]

Я не успела договорить — демон впился в мои губы, заглушая слова. Тонкие пальцы с неестественной силой прижимали мои руки к полу; там, где наши тела соприкасались, кожа горела огнём. Во рту пересохло; пульс бешенно бился в горле. Длинные ноги обвилились вокруг меня. Сковывая. Не давая вырваться.

Каждый вид демонов имел свой собственный аромат и сейчас нос забивал приторно-сладкий цветочный запах, а на языке ощущался солёный привкус. Это слёзы Элис или демонские? Нет, адские твари не плачут. Мягкие губы терзали с ненасытной жадностью, аромат кружил голову, мутил сознание. Когда упругие груди буквально вжались в меня, я с мучительной ясностью осознала, что ко мне прижимается девушка. Попытки вырваться не дали ни малейшего результата. Жаркий поцелуй стал ещё глубже, требовательнее, неистовее... Я ответила. Моё тело больше мне не подчинялось. Раскрыв губы под натиском поцелуя и с силой вдавив ладони в обнажённую кожу, я прокричала прямо в демонские уста:

— *Tribuo tergum procul heck everto!*^[11]

Тело девушки конвульсивно задёргалось и с пронзительным визгом суккуб покинул

свой сосуд. Воздух очистился; левитирующие предметы с жуткой скоростью полетели вниз. Заметив прикроватную тумбу, несущуюся прямо на нас, я покрепче вцепилась в Элис и перекатилась подальше. Тумба с грохотом рухнула и раскололась надвое в том месте, где только что находились мы.

Выдохнув, я, наконец, посмотрела на девушку, оказавшуюся подо мной. Всё ещё прижимая её к полу, внимательно оглядела, удостовериваясь в том, что демон больше ею не владеет. Широко распахнутые глаза смотрели на меня в шоке, на заплаканном лице проступил румянец, тело била сильная дрожь.

— Элис? — настороженно спросила я.

— Д-да... Это был демон? — прошептал она испуганным голосом.

Вот чёрт! Она всё помнила. Один случай на миллион и это именно он. Мне везёт, ничего не скажешь.

— Ты что, всё помнишь? — уточнила я, чтобы быть уверенной.

Прикрыв глаза, Элис кивнула. Лицо её сделалось пунцовым. Честно говоря, меня всё это тоже здорово выбило из колеи. Целоваться с девушкой! Не буду об этом думать. Проехали.

Отпустив её, я поднялась на ноги и протянула ей руку.

— Вставай.

Она приняла мою помощь и встала. Но тут же пошатнулась и чуть не упала обратно. Я едва успела её поймать.

— Эй, осторожно. После одержимости тело ослабленно, так что не геройствуй.

— Извини. — промолвила она, стараясь не виснуть на мне и удержаться на дрожащих ногах одновременно. Отчего-то она выглядела смущенной. Всё ещё переживает из-за недавней сцены?

— Послушай, ты тут ни при чём. Это всё суккуб — они всегда так действуют на людей. Не стоит смущаться.

Подняв глаза, она как-то странно на меня посмотрела. Что это было за выражение на её лице? А чёрт его знает.

— Спасибо. — тихо сказала она.

Теперь, когда демон был изгнан, её лицо разгладилось и передо мной стояла милая девушка с серьезным взглядом пронизательных тёмно-синих глаз. Значит, они синие от природы, а не из-за демонского вторжения.

— Не за что. Это моя работа. — ответила я.

Что-то мелькнуло в её взгляде. Обида? Нет, показалось.

— Скажи хотя бы, как твоё имя? — вопрос прозвучал робко. Может быть, она всегда такая стеснительная с незнакомцами?

— Конечно, — кивнула я и протянула ей руку, — меня зовут Ника.

— Очень приятно познакомиться, Ника. — На лице Элис появилась искренняя улыбка и она крепко пожала протянутую мною руку. Её ладонь была горячей.

В наступившей тишине пронзительно зазвучал высокий надрывный голос:

— ..О, моя девочка! Что она делает с моей бедной девочкой? Она убьёт её?!..

Да, тётушка не щадила своих связок. Вот только звучало это отчего-то фальшиво..

Взглянув на Элис, я заметила как брови её хмуро скривились, а на лице появилась гримаса раздражения. Интересно. Что же всё-таки происходит с этими двумя? Не похоже, что у них тёплые родственные отношения. Но это меня не касается.

Я уже было взялась за дверную ручку, намереваясь обрадовать «несчастную тётушку» и

сообщить, что «бедную девочку» никто не убивает, когда последняя схватила меня за руку. Что-то часто меня в последнее время хватают за руки. Или нет?

— Пожалуйста... - казалось, она не знает как выразить свою мысль. — Я не могу... Не выдержу, если это создание опять завладеет моим телом. Они хотят использовать мой дар во зло.

— Ты говоришь, что демоны охотятся за тобой из-за способности к предвидению? — уточнила я.

— Да! — Она кивнула так энергично, что волосы взметнулись шёлковыми брызгами, рассыпавшись по плечам. — Их нужно остановить... Есть ли способ? Если я должна умереть, то..

— Прекрати. Ещё убиваться из-за демонских планов не хватало. Дай-ка подумать.

Абстрагировавшись от шумихи за дверью, я думала. Всё сходится. Зепар ведь тоже говорил о том, что «Кассандра нужна Господину». Хм... Вообще-то, экзорцисты не владели ничем, что могло бы предотвратить повторное вселение демона в сосуд, но... Была у меня одна мысль..

Я вытащила кинжал из наручных ножен и полоснула по мякоти у основания большого пальца. Выступила кровь. Алые капельки на бледной плоти.

Элис испуганно ахнула.

— Что ты делаешь? — прошептала она, не отрывая взгляда от окровавленного лезвия.

— Хочу попробовать кое-что. Если это сработает, то ни один демон не сможет больше вселиться в тебя. Но гарантий нет.

— Я готова. Что нужно делать? — Весь страх как ветром сдуло.

— Расслабиться. — Ответила я и ободряюще улыбнулась. Ну, по крайней мере, постаралась сделать это ободряюще.

Проведя пальцами по ране, я начертала на лбу Элис крестное знамение. Затем сделала тоже самое у левой груди, над сердцем, и, наконец, на тыльной стороне кистей рук. Спустя пару мгновений, кровь начала исчезать — просто впитывалась в кожу. Что-то есть в моей крови, что не позволяет демонам овладеть этим телом. Надеюсь, что Элис она тоже поможет.

— Вот и всё. — Сказала я, когда знаки окончательно исчезли.

— Спасибо. Спасибо тебе огромное! Я..

— Да ладно, ерунда. А теперь, не хочешь ли ты показаться на глаза любимой тёте?

Как я и думала, когда племянница предстала перед Анной в целости и невредимости, та не бросилась её обнимать, а поспешила эффектно потерять сознание. Грохнулась прямо в объятия растерянного Яна. Меткая штучка. И вкус у неё отличный. Вот только племянницу свою она не любит, теперь я была в этом уверена. Ян донёс Анну до дивана, а я помогла Элис добраться до кресла. Если первая играла на публику, то вторая храбрилась из последних сил, стараясь не отключиться в изнеможении. Угадайте с трёх раз, кто из них заслужил моё уважение.

Бедный блондин стоял возле «бездыханного тела» и в отчаянии призывал меня взглядом на помощь. А что я? Я ж всегда!

Уже представляя насколько «дружелюбное» выражение появилось на моём лице, я подошла к Анне и от души вlepила её затрепину. Потом ещё одну. Честно говоря, во второй не было необходимости, но я вошла во вкус. Что? Кто безгрешен, киньте в меня камень.

Серые глаза распахнулись в тот же миг и полыхнули в меня таким леденящим холодом,

что почти заставили поёжиться. Почти.

— Анна, вы в порядке, милая? — Проворковала я, заботливо улыбаясь. — Нельзя же так себя губить! Поберегите свои нервы, дорогая.

Фу, я щас сблую от собственной слащавости. Наградив меня взглядом голодного бульдога, «милая» и «дорогая» оскалилась в ответной улыбке.

— О, благодарю вас, милочка. — «Милочка» у неё прозвучало как «сучка». — Я по гроб жизни вам обязана. Мы, — поправились она, бросив быстрый взгляд на Элис, — вам обязаны.

— Что вы, благодарите Господа и отца Кирилла. Ну, мы, пожалуй, пойдём. Больше вам ничто не угрожает.

— Вы уверены? — Слегка пискляво осведомилась Анна, с испугом косясь на девушку. Семейная идиллия — ща расплачусь.

— Абсолютно. — Отрезала я и отвернулась, показывая, что разговор окончен.

Ну не нравится мне эта дамочка — ничего не могу здесь поделать.

Поймав отчаянный взгляд Элис, я дрогнула и подошла к ней. Да, видимо даже чёрствый хлеб мякнет от слёз.

— Что? — спросила я тихо.

— Спасибо. За всё.

— Пожалуйста. — А, чёрт возьми. Не могу я вот так её бросить с этой коброй в платье от Шанель. — Вот, — я протянула ей белую визитку с эскизом обителю, — это номер моего мобильного. Если вдруг понадобится помощь или ещё что — звони, не стесняйся.

В синих глазах замерцали слёзы — одно движение ресниц и они прольются. Нижняя губа предательски задрожала и она прикусила её. Бьюсь об заклад, что прорицательница держалась, чтобы не расплакаться перед Анной. Я её понимала.

— С-спасибо. Вы очень добры.

Да, как же не свезло человеку в этой жизни, если меня она считает доброй? Можно только посочувствовать.

К нам подошёл Ян, сумевший наконец выбраться из цепких ручонок старшей леди.

— Со счастливым избавлением тебя, провидица. Утри слёзы и гони прочь печаль. Путь пророчеств тяжёл, но твой дух силён. Помни об этом. — Странная речь, но искреннее участие блондина было мне понятно. Судя по тёплой благодарной улыбке, появившейся на лице Элис, ей тоже.

— Благодарю тебя, Ангел. — Ответила Элис и рухнула на пол.

Глаза её закатились и зрачки побелели.

Здравствуй, дорогой дневник. Сегодня у меня был тихий, обычный день. Ничего экстраординарного: ехала в машине с бывшим ангелом, слушала музыку, изгоняла суккуба, обжималась с девушкой и наблюдала за пророчицей во время видения.

P.S. Ах да, ещё нужно купить коньяка.

Глава 5. Карпаччо из инкуба

*Я кричу..
Я беззвучно кричу в тишине,
Как тряпье
Разрывая бордовые гланды.
Так смешно -
Отказаться от глупых затей
И уйти
С поля боя бомжом, но богатым.
Видит бог..
Только видит совсем не меня.
Мне самой
Это издавна не удаётся
Жизнь идёт..
Чья-то, но убегает моя.
Солнце светит..
Кому — то.
Надо мной оно только смеётся.*

Р. Т.

— Что ты видела?

— Как ты себя чувствуешь?

— О, Господи, какой ужас!

Первый вопрос задал Ян, второй я. Ну, а кому принадлежал последний возглас, вы догадались сами. Н-да.

У только начавшей приходить в себя пророчицы от нашего гомона залегла морщинка боли меж бровей. На её лице бисеринками выступил пот; она была страшно бледна, казалось ещё миг — и девушка растает в воздухе. Никогда не думала, что процесс предвидения выглядит так. хм-м... так жутко. Что-то среднее между одержимостью, эпилептическим припадком и оргазмом. И так двадцать четыре минуты. Я серьёзно. И это Кирилл назвал «даром пророчества, выраженным весьма слабо»? Возможно, он никогда не видел провидицу в деле. Возможно, ему многое не известно.

Веки медленно разомкнулись и полные отчаяния глаза уставились прямо на меня. Не слишком ли долго я играю роль матери Терезы, а? Лихорадочно поблёскивающий взгляд перенаправился к блондину. Что-то странное промелькнуло в выражении её лица. Прочесть мысли Яна было невозможно — непроницаемая пустая маска. Синие глаза вновь обратились ко мне. Честно говоря, этот молчаливый обмен взглядами не слабо капал мне на нервы. Но не могу же я наорать на человека, который итак еле держится в положении сидя. Или могу? Не-е. Значит кипятиться нельзя. Угу.

— Элис, ты в состоянии говорить? — Спокойный рассудительный тон, какая хорошая девочка Ника.

Я сидела в ногах её кресла и ждала. Вместо ответа она порывисто вскочила, рухнула на

пол и вцепилась в меня мёртвой хваткой. Дрожащие пальцы крепко сжимали ткань моей чёрной майки, голова уткнулась мне в плечо и секунду спустя стало ясно, что она плачет. Твою мать! Где-то с полминуты я медлила, не понимая что делать и куда себя девать. Твою ж мать..

Словами тут не помочь — только бесполезные сотрясения воздуха. Тихо выругавшись, я обняла её, обхватив руками и мерно покачиваясь в такт беззвучных рыданий. Комната, Анна, Ян — всё ушло на задний план, стало фоном; было только прижимающееся ко мне в безотчётном порыве тело. Горячая влага на моём плече. Запах карамели. Страх и отчаяние этой девушки — такие сильные, что их отголоски лизали кожу, щекотали нервы..

И тут это случилось. В груди нарастало жжение, в глазах помутнело и сознание, словно терпящий крушение корабль, засосало в тёмную бездну...

Бездна кишела кошмарами. Нет, одним бесконечным кошмаром.

Мои запястья и лодыжки закованы в кандалы, шею стягивает раскалённый железный ошейник. Я как будто распята... Распят. В тридцати сантиметрах надо мной на стойках закреплён пресс. Дальше я ничего не вижу — пульсирующая, будто живая, и невыносимо жаркая тьма заполнила собой всё пространство. В ней слышится душераздирающий вой, крики, которые просто не могли принадлежать человеческому существу. Не могли, но принадлежали. Горячая струйка стекла по лбу, попала в глаз. Но я не моргнул. Среди извечного гула и мученических хрипов отчётливо прозвучал тихий скрежет — винт пресса начал своё неумолимое вращение. И вот уже острые четырёхсантиметровые шипы пронзают моё тело, перемешивают плоть подобно мясорубке, разрывают внутренние органы и увлажняют их соком растерзанные ткани. Зловоние собственных вспоротых кишок забивает ноздри. Всё это время я кричу так, что крик должен был бы ободрать моё горло до крови. Но из этого тела не доносится ни звука. Ничего. Давление опускаемой планки возрастает и погружённое в моё тело железо упирается в кости. Звуки ломающихся костей слились с режущим слух смехом и сладострастными стонами. Когда живот превратился в мессиво, стойки пресса передвинулись на уровень груди. Красивой и совершенной мужской груди. Моей. И всё началось снова. Сквозь собственный задушенный крик, разрывавший барабанные перепонки изнутри, до меня доносились стоны сумасшедшей оргии. Сотни конечностей копошились в моём разверстом нутре, сжимали куски плоти, полоскались в горячей крови. Пальцы, лапы, зубы, языки, когти и кости тянулись ко мне со всех сторон, раздирая на ошмётки. Но я всё ещё был жив. Почему я не умираю? Потому что в Аду нет смерти. Есть только боль и страдания, муки, агония. Я была заперта в этом теле и не понимала как здесь оказалась. Сознание, проясняющееся между вспышками такой боли, что и представить невозможно, ловило картины, которых не могло существовать. Они существовали. От меня остался скелет с налипшими к нему клочками мягких тканей, когда во тьме проступило... НЕЧТО: огромные глаза с выпуклыми кровеносными сосудами вокруг горящих зрачков; безостановочно трепещущие ноздри, впитывающие миазмы терзания и боли; огромный осклизлый провал рта с беспорядочно блуждающим языком, на котором извивались тысячи чувствительных сосочков — и всё это на вытянутом, невероятно тонком теле, покрытом мертвенно бледной кожей с зеленоватым отливом. Господи Иисусе, это был УРОБАХ. Заведующий адскими пытками. «Он весь уши, нос, глаза и рот, что указывает на остроту чувств, чтобы смаковать мучения своих жертв.»- значит, описания в старинных манускриптах были правдивы... Провал.

Придя в сознание я обнаруживаю своё тело целым. Я всё ещё прикован. Но уже в иной

позе. Чёрные волосы инкубуса развеваются от жаркого ветра преисподней, огненные всполохи отражаются в невозможно голубых глазах — насмешка небесам. Впервые внутри этого тела я ощутила эмоции его хозяина — он терпел страшные муки безропотно, с нечеловеческими выдержкой и спокойствием, но то, что должно произойти сейчас... Я не хотела на это смотреть — мною владело детское желание зажмуриться, но глаза пленника оставались открытыми. Я не хотела этого чувствовать — но как этот мужчина был пленником в Аду, так и я была пленницей в его теле. Нашу плоть раздирали. Её имели. Жестоко и омерзительно. Очень-очень долго. Бесконечно. Наше тело было полностью во власти инкубуса, мы сотрясались в такт его движениям. Наш дух крошился с каждым мгновением унижительной беспомощности. Он умирал. Мы умирали. Я умирала.

Пленник призывал смерть, но она не приходила. Его тело было бессмертно — проклятие от самого Господа. Бог бросил его терпеть адские муки и он терпел. Инкубус заработал кистями, на которых вместо пальцев поблёскивали стальные когти. Вонзая свою плоть в мужчину, он полосовал его спину и руки. Полосы кожи и мяса отделялись от костей и с мокрым шлепком падали на выжженную землю. Я почувствовала, как сознание пленника уходит от кошмара, отдаляется от хриплых стонов инкубуса, терзающего его тело, от запаха гари и собственных внутренностей размазывающихся по углям с тихим шипением. На краю действительности оставались лишь очень длинные и блестящие льняные пряди, застилающие лицо. С каждым толчком инкубуса волосы покачивались, словно шелковая завеса. От страшной догадки моё собственное измученное сознание охватил ужас...

«Ну что, Абаддон — ангел Господень, нравится когда тебя имеют?»

Холодный голос оставил шрамы в моём мозгу. Я истошно закричала.

И вернулась в своё тело.

* * *

Мои глаза были открыты и сухи. Внутри klokотал страшный крик, но с губ не сорвалось ни звука. Разум, вопреки всему, работал отлично: холодно и без эмоций. Защитная реакция или шок? Один чёрт. Первое — я лежала на полу, голова покоилась на чьи-то коленях. Элис. Второе — амулет с родовым гербом Абданк нагрелся и жжёт кожу. Именно к нему я привязала демона. Третье — мне ужасно не хотелось сейчас встречаться взглядом с Яном, но... Проявишь слабость — сломаешься, а если сломаешься — проиграешь. Умрёшь. Станешь никем. Ни за что. Сглотнув, я подняла глаза на склонившегося надо мной блондина. Один только его вид причинял мне боль, напоминал все пережитые им ужасы. Я только что тоже пережила какую-то их часть. Но... Если он мог с этим жить, то и я смогу. Смогу, чёрт возьми! Должна суметь. Внимание навязчиво обращалось к его волосам: теперь я поняла почему они были так неровно обрезаны — это не новомодный небрежный шарм. Он беспощадно обрезал их, потому что они напоминали о том... Я зажмурилась, прогоняя живые воспоминания.

— Ника, скажи что-нибудь, пожалуйста. — Дрожащий от волнения и. слёз?.. голос принадлежал Элис.

Он молчал, только два изумруда — два средоточия невыразимой боли — глядели на меня в тревожном ожидании.

Что я могла сказать? Ничего. Мне хотелось напиться и впасть в забытие. Мне хотелось

никогда не являться на этот свет... И что же в этом нового? Я живу в дерьме и с дерьмом в душе пять лет — мне ли привыкать? Не-а.

— Г. кх. говорю что-нибудь. — Вышло хрипло и фраза была глупая, но ничего лучшего от меня они не получают.

Элис поглаживала меня по волосам. Не скажу, что это было неприятно — просто непривычное и забытое чувство. Давно забытое.

— Слава Богу..- выдохнула девушка.

— Не сказала бы. — Резко оборвала я её фразу, с усилием поднимаясь в сидячее положение. Элис как-то неуверенно сникла и посмотрела на демона. Что-то было в этом их взгляде... А чёрт!

— Вы оба знаете, да?! Знаете, что это было? — Я практически срывалась на крик. Ой-ё плохо.

— Это было моё видение. — Тихо проговорила провидица. Смелая девочка, прямо смотрела в глаза разъярённой фурии имени меня. — Когда ты и твой медальон коснулись меня, оно каким-то образом передалось и тебе. Я не знала, что так случится. Честное сло..

— Верю, проехали. — Уж слишком жалостливо звучал её голос и слишком многое ей пришлось сегодня пережить, чтобы ещё терпеть мои нападки. Какнибудь перебыюсь — нечего катить бочку на девушку. Ага, звучит разумно. Но чем обернётся мне теперешняя разумная сдержанность чуть погодя? Не буду сейчас об этом думать. — Значит, ты тоже... это видела?

Элис просто кивнула. Теперь ясно, почему она в отчаянии бросилась в мои объятия — после такого мне тоже хотелось, чтобы меня обнимали, чтобы утешали. Хотелось, но я научилась с этим жить. Надеюсь, что и она тоже научится. Или найдёт себе человека, который не будет шарахаться от её сверхъестественного дара, как от чумы. Ага.

Но сильнее всего во мне сейчас было желание убивать. Уничтожить, растоптать тех тварей, что растоптали и сломили моего ангела. Ангела Абаддона, а вместе с ним и меня. И клянусь своей честью — это желание я исполню.

Снова взглянула на блондина: замершая ледяная статуя. Выходит, Ян знает, что мы видели его... Это. Этот кошмар. Не потому ли его поза так скованна и на лице вновь появилась пустая маска? Меня волновал ещё один вопрос: как он до сих пор не сошёл с ума? Но вряд ли я наберусь смелости его задать. Ой, вряд ли.

Сейчас я не стала ничего говорить. Не время. Рука полудемона дёрнулась в моём направлении, но неуверенно замерла и вернулась назад. Что это? Он думает, что я отвергну его помощь? Стыдится меня? Ненавидит? Плевать.

Я молча протянула ему руку и он так же молча помог мне подняться. В зелёных глазах была благодарность. А ещё боль, отчаяние и неуверенность. Сломленность. Но с этим мы разберёмся потом. Чуть позже. Когда я смогу, наконец, прекратить беззвучно орать от ужаса. Я смогу. Скоро.

В кармане джинсов завибрировал мобильник; «Аве Мария» в тишине большой комнаты звучало оглушительно. Может, пора сменить мелодию сигнала? Достав трубку, я посмотрела на дисплей. «Юстас» говорила надпись. Блин, со всей этой чертовщиной (ха, хорошее словечко) я совсем забыла об охоте на демонов! Я отошла на пару шагов от Элис и Яна, повернулась к ним спиной и прижала телефон к уху.

— Ника? Ты меня слышишь? — Из-за помех на линии голос Юстаса звучал странно.

— Да, я слушаю. В чём дело?

— Отряды расправились с двумя демонами, а третьего мы с ребятами сейчас везём в аббатство. Если хочешь успеть, тебе стоит поторопиться.

— Спасибо, Юстас. — Искренне поблагодарила я.

— Нет проблем. Поспеши. — Он прервал связь.

Кирилл ясно дал мне понять, что не хочет, чтобы я участвовала в охоте. Но... Про допрос ведь он ничего не говорил, верно? И, без сомнения, на допросе не обойдётся без пыток... Я почувствовала, как мои губы скривились в кровожадном оскале. Вот и представился шанс поквитаться с демонскими отродьями. Заодно попытаюсь вытянуть какую-нибудь информацию.

— Так, Ян, нам пора! — прозвучало это слегка более оживлённо, чем следовало. — А где Анна?

— Она... Почувствовала себя нехорошо и поднялась в свою комнату. — С заминкой ответил Ян.

Я приподняла бровь и вопросительно уставилась на Элис. Она не подкачала, состроила презрительную мордашку и сказала:

— Ты слишком вежлив. Она просто испугалась твоего припадка, Ника, и того, что наше «безумие» может перекинуться на неё. Бьюсь об заклад: сейчас тётя стоит у забаррикадированной двери и вслушивается в шорохи. — горько закончила девушка.

— Хм... - только и заметила я. А что ещё тут скажешь? — Ну, тогда, если тебе сегодня не требуется наша помощь, мы поедем?

Казалось, она хотела что-то сказать, но в последнюю секунду передумала и только кивнула.

— Я справлюсь. Ещё раз спасибо. Вам обоим.

— Береги себя, провидица. — Сказал Ян на прощание, я подобрала наполовину опустевшую сумку и мы покинули гостеприимный дом под номером двадцать семь.

Как-то странно было вот так расставаться с Элис. Меня не покидало ощущение, будто мы теперь связаны. Ладно, не буду пока об этом думать.

Забравшись в машину, я подождала пока полудемон закроет дверцу со своей стороны и ударила по газам. Скорость — прекрасная штука. Правда, смертельно опасная... Но, может быть, в этом и есть её прелесть?

Всю дорогу до аббатства я смотрела куда угодно, только не на сидящего рядом мужчину. У меня было отличное оправдание — нужно следить за дорогой. Угу. А ещё я никак не могла забыть ощущения себя в его теле и всего этого непереносимого кошмара. Наверное, никогда и не забуду. Моя шкатулка с кошмарами ломится и нутром чую, что скоро выбор встанет жёстко: либо сделать себе харакири собственным мечом, либо раздобыть сундук попросторнее. Только и всего.

Когда мы подъезжали к обители, Ян нарушил повисшее молчание.

— Насколько я понимаю, ищейки ликвидированы воинами?

— Почти.

— Почти?

— Да. Одного мы захватили в плен. Юстас сообщил мне об этом по телефону и сейчас я рассчитываю присоединиться к допросу.

Он помолчал, а потом спросил:

— Ты будешь участвовать в пытке, верно?

— Да. — Я сама почувствовала, как мои челюсти упрямо сжались. С чего бы это?

— Почему ты хочешь это сделать? — спросил он, внимательно наблюдая за выражением моего лица.

Он спросил почему я «хочу», не почему «собираюсь» или «намерена». Проницателен, ничего не скажешь. И что же я отвечу?

— Это мой долг.

— Долг. — повторил он, будто пробуя это слово на вкус. — Долг перед кем?

— Перед собой. Я дала себе слово, что уничтожу их — столько, на скольких хватит моих сил. И намереваюсь сдержать его. Эти твари ломают всё, к чему прикасаются. Я ненавижу их за это. Мне лучше вырвать себе глаза, прижечь уши и умереть в одиночестве, как собаке, чем просто сидеть в коконе мнимого благополучия и держаться в стороне от чужих страданий.

Он внимательно посмотрел на меня; так пристально, будто хотел нарисовать по памяти. Кивнул сам себе, горько усмехнулся и больше ничего не сказал. Ровно в четырнадцать-сорок пять мы остановились перед высокими стенами обители. Отчего-то под лопаткой кольнуло неприятное предчувствие. Нет, дело было не только в том, что через каких-нибудь десять минут мне предстоит пытать демона. И не в том, что перед этим придётся хорошенько поспорить с отцом-настоятелем. Меня тревожила возможность того, что Кирилл что-то заподозрил, а я второй раз за сегодня привела демона в стены аббатства. Рискованно. Но выхода не было. Выдохнув, я заглушила мотор и глянула на Яна.

— Может, тебе лучше остаться в машине? — предложила я.

— Ты думаешь, что это что-то изменит? — спросил он в ответ.

Нет, я так не думала. Что ж, ныряем в бассейн с акулами, имея при себе кровоточащий кусок сырого мяса. И с каких пор братья экзорцисты стали для меня «акулами»? С тех пор, как ты связала себя с демоном. Ну да, конечно.

В молчании мы прошли через сторожку, мимо странно неразговорчивого стража, пересекли лужайку и оказались у каменных ступеней парадного входа. Солнце отразилось от блестящего алюминиевого водостока и луч ударил мне в глаза. На мгновение всё вокруг потемнело, почву будто выбило из под ног. Сильные горячие пальцы охватили моё предплечье, не давая встретиться лицом с бетонной поверхностью. На какую-то секунду, перед глазами встала картина: эти же пальцы, раздавленные тяжёлым молотом; мерзкая оскаленная пасть наклоняется к месиву, чтобы слизнуть кровь, неровные белые осколки костей, торчащие из. С трудом подавив желание вырвать руку, я вдохнула свежего, пахнущего жасмином воздуха и сказала «спасибо».

— И тебе. — отозвался падший ангел. На это я не знала что ответить, поэтому промолчала и шагнула в прохладный полумрак фойе. Дверь за нами захлопнулась со зловещим грохотом. Это у меня тут нервы сдают? Да не в жизнь.

По сложившейся традиции, оказавшись в коридоре, ведущем в камеры для допросов (да, в аббатстве и такие имеются), я увидела совсем не то, что ожидала увидеть. Вокруг царила если не паника, то что-то весьма к ней близкое. На отделанной серой штукатуркой стене коридора влажно поблёскивал бурый след. Кровь была свежей. Внутренности сжал холодок страха. Демон вырвался из-под контроля — иных вариантов не было. Вопрос был только в том, скольких из наших он сумел ранить, скольких убить и как далеко успел уйти. Нужно это выяснить. Я посмотрела на стоящего по левое плечо от меня блондина; судя по выражению лица, он тоже понял расклад.

— Это инкубус. — Как-то сдавленно прозвучал его голос.

Одно это слово всколыхнуло память: чёрные развевающиеся волосы, голубые глаза, бесконечные толчки, сотрясающие нутро, разрывающие... И ещё приторный запах — цветы и мускус — забивающий нос и горло. Запах, который сейчас витал в воздухе. Ох***но, блядь! Наш общий кошмар на яву. Но это не может быть тот демон. Не может. Просто ещё один инкубус. Мы его сделаем.

— Ты..-начала я.

— А ты? — мягко прервал меня он. — У меня было много времени, чтобы привыкнуть к своим кошмарам.

— Значит, будешь участвовать?

— Я с тобой, Ника. Всегда и во всём.

Что-то странное было в этих «всегда и во всём»- будто мы знакомы дольше, чем есть на самом деле. Но смутные чувства не помогут мне в охоте и я отложила их на потом.

— Сестра Ника! Слава Богу, вы здесь! — с бледного веснушчатого лица на меня смотрели расширенные в ужасе карие глаза Всеслава.

— Твою мать, Всеслав! Что ты здесь делаешь?

— Я-я. п-по-помогаю..

— Да, блин, здорово ты поможешь.. — Меня аж перекосило от злости — хоть бы кто-нибудь подумал о мальчиках-послушниках! — Собирай всех новобранцев и вали с ними в западное крыло. Там есть благословлённая комната, обитая серебрянными крестами — в ней и запритесь.

— Н-но..

— ЖИВО. Чтобы духу вашего здесь не было! Мне повторить?

— Понял.

— Двигай.

И он двинул. Со всех ног, по дороге собирая в кучку ребят в коричневых рясах. Умный парень, команды выполнять умеет — из него может выйти толк. Если жив останется.

Мы с Яном продвигались вверх по коридору, пока не наткнулись на привалившегося к стене Юстаса. Мать Божья, если он... Но он был жив. Грудь пересекали четыре глубокие борозды. Они обильно кровоточили, а в нижней прорези белела кость... Так твою разэтак!

— Юстас? Юстас, ответь мне!! — прорычала я, чувствуя смесь страха и злости.

— Отвечаю.. — Хрипло выговорил он. — Я в норме. Демон...вырвался из...нашей печати. Многие ранены..

— Где?

— В восточном крыле..- он сглотнул и тут же задохнулся от приступа боли. Чёрт.

— Ян. — позвала я демона. — Можешь отнести его в западное крыло? Там есть врачи, они смогут залатать его раны. Пожалуйста?

— Тогда ты останешься одна.

— Я справлюсь. Прошу тебя.

— Не надо меня. ох. — от боли у командира первого отряда перехватило дыхание — ..никуда нести.

Ян просто взял его на руки — легко, как ребёнка, — и быстрым шагом пошёл прочь, к лазарету. Проводив их взглядом, я развернулась в сторону восточного крыла и побежала. Медлить было нельзя; сейчас здесь не так уж много прирождённых экзорцистов — большинство из них на дежурствах. И, в любом случае, как бы это ни звучало — никто из них не может сравниться по силе со мной. Значит, я должна остановить демона. Что ж,

адская вонючка, я иду.

Подобно смерчу я ворвалась в зал собраний. Там находилось с десятков воинов, часть которых успела получить ранения различной степени тяжести. Только двое из них были прирождёнными экзорцистами. Отец-настоятель тоже был здесь. В руках у экзорцистов было оружие, в основном мечи, святая вода; кто-то рассыпал по кругу освящённую землю и облатки; кресты на серебрянных цепочках мерцали сильнее обычного — всё из-за близости адского отродья. Ребята оцепили зал по периметру, а в самом центре возвышался демон... И его пленник. Демьян, капитан пятого отряда.

Кошмар ожил. Передо мной стоял, испуская волны тёмной энергии, инкубус со стальными когтями на руках. Тот самый. В долю секунды во мне разыгралась бешеная ярость — мой личный монстр требовал отмщения. Нужно срочно его накормить, иначе просто взорвусь. Я ещё успела тихо порадоваться, что отправила Яна в другое крыло, когда ноги сами собой устремились вперёд, к врагу. Протиснувшись мимо нескольких экзорцистов, бесполезно зачитывающих литанию, я встретила преграду в лице отца-настоятеля.

— Ты куда собралась? Совсем с ума сошла?! — не своим голосом прошипел Кирилл.

— С дороги. — Голос звучал как чужой и, не будь я его источником, сама могла бы испугаться таящейся в нём угрозы. — Этот демон мой.

Пару секунд Кирилл искал в моих глазах признаки чего-то человеческого и разумного. Не нашёл. Подозреваю, что в данный момент они полыхали багровым. Отец-настоятель сделал шаг вправо, освобождая проход. Остальные последовали его примеру.

— Эй, мудака! У тебя только на мужиков встаёт, извращенец хренов? Или я тоже сойду?

Демон расхохотался: от звука этого смеха, от бархатного голоса у меня скрутило внизу живота и грудь затвердела. И это при иммунитете от демонического воздействия.

— Ты предлагаешь обмен, маленькая человеческая сучка? — вкрадчиво-издевательски спросил ублюдок. Он нарочито медленно и чувственно провёл когтистой рукой по лицу Демьяна, оставляя тончайшие кровавые полосы. Капитан второго отряда держался молодцом. Даже не дрогнул. Как бы мы друг к другу не относились, этот парень не был трусом и за это я его уважала. За это я постараюсь его спасти.

— Ты понял меня, адский выблядок. Только я и ты. Одни в этом зале. Рискнёшь? — продолжила я, не обращая внимания на царящие в рядах экзорцистов волнение и шок. Пошли они, со своей моралью. Демон заржал пуще прежнего, но я держала себя в руках. Я знала, что не долго ему осталось смеяться.

— Я затрахую тебя до смерти и, когда ты будешь корчиться подо мной, моля о пощаде, разорву твоё сердце зубами..- прохрипел инкубус и сделал... Что-то. Потоки адского пламени ударили во все стороны, едва не поджаривая экзорцистов. Их спас только заранее очерченный круг.

— Кирилл! — крикнула я, что есть мочи. — Выводи всех отсюда!

Он так и сделал. Конечно, потом мне достанется, но... Это будет потом. А сейчас время веселья. Осталось только заставить эту тварь освободить пленника.

— Я тебе нравлюсь, говнюк? Так иди и возьми меня! — выкрикнула я.

Предметы с сумасшедшей скоростью заметались по воздуху; свет померк и ноздри наполнил тошнотворно-сладкий запах инкуба. Он чиркнул по спине Демьяна своей когтистой лапой, наверняка вспоров мышцы, и швырнул его на отступающих экзорцистов. Ладно, теперь он в безопасности, если и не в целости. Можно сосредоточиться на разделывании этого гада.

— Иди ко мне, детка, я нутром чую твою невинность. — Осклабился демон, стоило лишь тяжёлым двойным дверям захлопнуться, оградив нас от внешнего мира.

— А я чую твой смрад, мразь. — Улыбнулась я, призывая свой меч. Вспышка боли, как обычно, не заставила себя ждать и в ту же секунду пол украсили алые капельки крови, стекающей с лезвия разящего клинка. Холодная ярость росла во мне с каждым вдохом; с каждым выдохом мои движения становились точнее, смертоноснее. Тварь парировала удары меча своими стальными лезвиями. Священный огонь отбивался адской мглой, так и не достигая его тела. Сила его была невероятна. Это не простой инкубус, зуб даю. По сравнению с ним, Зепар — твякающий щенок. Моя кожа синела и холодела там, где её касались языки адского пламени; в тех местах, до которых дотрагивался инкуб, она горела и покрывалась испариной. Я не обращала на это внимания. У меня была цель.

На какой-то миг демон раскрылся и я незамедлительно этим воспользовалась: сделав ложный выпад мечом, поднырнула под направленные мне в лицо стальные когти и коснулась ладонью смуглой обнажённой груди. Ладонь тут же запылала, а демонская плоть занялась огнём. Чего нельзя было ожидать, так это того, что демон не отстранится, спасаясь от святого огня, но использует момент, чтобы обрушить на меня свою силу. Это был первый оргазм в моей жизни. За это я его убью.

Кажется, тяжёлые двери подались под чьим-то чудовищным натиском... Не важно — нас окружает круг, который никто не сможет пересечь. Прижавшись к демону всем телом, будто во власти вожделения, я подставила губы под пожирающий поцелуй. Во рту появился привкус крови. Послышался чей-то яростный рык. Ян? Не знаю... Пока ублюдок торжествуя полосовал мою спину, а кровь стекала вниз, густыми каплями шлёпаясь на мозаичную плитку, я готовила печать. Натекла уже небольшая лужица, боль была адской. Это странно: чувствовать, как с каждой каплей жизнь покидает твоё тело... Не давая твари добратся своими когтями до костей, я резко отпрянула и замкнула ловушку.

— Кровью своей и кровью Иисуса Христа..- от боли в разорванной спине слёзы выступили на глазах, с губ срывался хриплый шопот. — ..сковываю тебя крестовой печатью, сын Сатаны!

Я рухнула на колени. Демон ужасающе взвыл, полосуюя когтями невидимый барьер. Круг экзорцистов полыхнул в последний раз и рассыпался пеплом под напором блондина. Как он это сделал? Вопрос в моём мозгу прозвучал как-то слишком вяло. Возможно, у меня болевой шок. И ещё сильная кровопотеря. Это тоже отложилось где-то на задворках мутного сознания... Что меня действительно испугало — это прекрасное разъярённое лицо Яна. Нет. Абаддона. Ангела Бездны. Он выглядел пугающе, мощно. И опустился рядом на обагрённые плиты, удерживая моё пошатывающееся, истекающее кровью тело.

— Ника..- в голосе его звучало рыдание. Из-за меня, что ли? Да не-е. Я ещё повоюю. Мне ещё надо демона упокоить.

Моё тело опасно накренилось и я точно упала бы, но сильные руки нежно остановили падение. Пылающий лоб уткнулся в грудь блондина; там бешено стучало сердце. Этот стук завораживал, уносил в багровую тьму...Кровавые воды были тёплыми и обещали покой. Но...

«Я имел твоё тело и гнул твою душу так, как мне хотелось. Я рвал тебя на куски и сшивал заново, снова и снова, снова и снова. Ты ничто. Ты никто теперь, ангел Абаддон! И с маленькой экзорцисткой я сделаю то же самое. Хахаха...»

В кровавой пучине блеснул холодный металл. Это оружие моей ярости. Разящий меч. Я

убью эту тварь.

Я открыла глаза. Отодвинулась от сильной груди. Оперлась ладонями об пол, проигнорировала взорвавшуюся адской болью спину и поднялась одним мучительно быстрым движением.

— Ника! Не двигайся! — Ян попытался поймать меня, остановить. В изумрудных глазах было такое...

Я выпрямилась. Призвала меч.

— Я убью тебя, тварь.

Молниеносный рывок. Багровое пламя. Гудящее лезвие. Свист воздуха. Удар. Отрубленные кисти с железными когтями с лязгом падают на пол, охваченные белым пламенем. Нос и горло тут же забивает тошнотворный запах горячей демонической плоти. Дикий рёв ублюдка. Ещё удар. Туловище инкуба перерублено надвое. Останки полыхают. От приторной вони трудно дышать. Спина онемела. Последнее усилие, последний удар. Чернявая голова падает с плеч, синие глаза гаснут. Навеки. Ноги подкашиваются. Мир меркнет в оттенках алого.

* * *

Я пришла в себя и у меня ничего не болело. Ну да, мой супер фокус регенерации. Благодать божья, чёрт бы её побрал... Несколько своеобразным было моё расположение. Как бы сказать... Меня уложили на алтаре. Ага, прямо под статуей Иисуса. Обведя часовню быстрым взглядом, я никого не обнаружила... Почти. У подножия алтаря находился коленопреклонённый ангел. Вместе с памятью ко мне вернулась торжествующая кровожадная улыбка — я убила ублюдка!

— Я убила ублюдка. — прошептала я тихо, чтобы только Ян мог меня слышать.

— Да. Убила. — так же тихо ответил он. Его руки дрожали.

— Ян? — Я села, свесив ноги вниз. Тело болезненно ныло, будто по нему проехал трамвай. Но это лучше, чем разодранная до костей спина. Намного лучше.

Я вздрогнула. Ян обнял мои ноги, льняная макушка уткнулась в обтянутые чёрной джинсой колени. Это было неожиданно, странно и отчего-то вызвало желание разрыдаться. Медальон на моей груди вновь нагрелся.

Не знаю, как долго мы вот так просидели: блондин обнимал меня, а я тихо плакала без слёз, зарывшись лицом в шёлковые пряди, пахнущие полыньёю. Наверное, после сегодняшнего общего кошмара, это нужно было нам обоим. Наверное...

Стук в дверь нарушил странную надрывную тишину, повисшую в часовне. Мы поднялись и в дверь вошёл Кирилл.

— Леяника. — О, значит он очень на меня зол. Просто в бешенстве, если назвал полным именем. — Нам нужно поговорить, но не сейчас. Отдохни, наберись сил. Вскоре нам с тобой предстоит серьёзный разговор.

Настоятель недобро сощурил серо-голубые глаза, глядя на Яна. Хм. Плохо.

— Ага. — только и сказала я.

Демон предложил мне руку для опоры и я её приняла. Когда мы уже выходили из часовни, настоятель окликнул меня.

— Ника?

— Да. — я обернулась, в ожидании посмотрев на Кирилла.

— Ты сегодня спасла многих. Хорошая работа. Не смотря ни на что.

— Ага.

И мы покинули аббатство. На выходе нам встретился Всеслав, который сообщил, что все раненные находятся в стабильном состоянии и их жизни ничего не угрожает. А ещё он сказал: «Вы самая крутая тётка, какую я когда-либо видел!». «Тётка»- именно так он и выразился. Проклятье, я ведь всего на четыре года старше него. Мне как, гордиться или оскорбиться?

Город зажётся тысячами огней: фонари, фары встречных автомобилей, неоновые вывески, кислотные наряды проституток... Всё как обычно. Наверное, мне это дорого. Всё это. Наверное, ради этого я готова умереть..

Я была в Аду. В мужском теле. Меня рвали на куски и жёстко имели. Я девственница. Это можно назвать сексуальным опытом?(нет, правда??!) Потом эта же тварь вспорола мне спину и я разрубила ублюдка на куски. Моя майка превратилась в пропитанные кровью лоскутки, так что теперь на мне надета рубашка Юстаса, щедро предложенная капитаном. Естественно, она была на несколько размеров больше и рукава пришлось закатать..

Случайно брошенный вниз взгляд поймал налипший на ботинок кусок демонской плоти. Твою мать!.. Резко крутанув руль и не обращая внимание на ругань и сигналы соседних авто, я развернула машину и уже пять минут спустя парковалась у маленькой, стилизованной под погреб, винной лавки. Ян молча на меня посмотрел. Ух.

— Мне нужно кое-что купить. Ты идёшь со мной или останешься в машине?

— Я последую за тобой. — сказал он ровным тоном.

— Ок, тогда идём.

Хозяин лавки — улыбчивый француз с блестящими чёрными усами и такой же блестящей лысиной — встретил меня радушно, как родную. Ещё бы, я отовариваюсь здесь вот уже два года. В последнее время мои визиты стали чаще. Это печальный признак, да?

— Добрый вечер, юная мадемуазель! Мсье. — Кивнул он Яну. — Рад видеть вас в своей лавке.

— Вечер добрый, Алан. Мне как обычно, пожалуйста.

Карие глаза понимающе блеснули и хозяин со словами «Один момент, силь ву пле!» исчез в проходе за прилавком.

Моё единственное лекарство — коньяк. И как грипп не терпит палёных левых таблеток, так и душевные раны не терпят плохого пойла. Перепробовав массу вариаций сего напитка и побеседовав с ценителями, я твёрдо убедилась в том, что не каждый «коньяк» действительно является коньяком. Своё название эта жидкость получила по имени региона Коньяк, департамента Шаранта, Франция. Только там по особой технологии из отдельных сортов винограда производится настоящий коньяк, который выдерживается в обожжённых дубовых бочках не менее двух лет. Крепкие напитки других стран, изготовленные из полученного путём дистилляции виноградных вин — это всего лишь бренди, прикрывающийся известным названием.

Торговец вернулся минуту спустя, неся в руках красивую дубовую коробку.

— Вот, прошу вас, — с придыханием произнёс француз, торжественно водружая короб на стойку, — коньяк Леопольд Гурмель, «Аж дю фрут» десятилетней выдержки. Крепость — сорок один процент!

— То, что надо.

Я достала кошелек и отсчитала продавцу внушительную сумму. Семья из трёх человек

могла бы прожить на эти средства неделю, но... У меня не было семьи. Зато были деньги и тягучая пустота внутри, которую нужно было чем-то заполнить. Согревающая ароматная жидкость прекрасно справлялась с этой задачей.

— На следующей неделе завезут молодой коньяк из Пти Шампань — это просто требьен: золотистый окрас и нежный древесно-ванильный аромат. Вы должны оценить! — сообщил мне хозяин лавки на прощание.

— Непременно. — Ответила я с улыбкой и мы вышли из лавки в прохладные сумерки.

Всё-таки приятно, когда тебя рады видеть и ждут с нетерпением... Пусть даже хорошее отношение и обусловленно твоим алкоголизмом. Ха.

Мы с Яном сидели на крыльце и говорили. Сначала я прохлаждалась здесь одна, распивая новую бутылку и переваривая все гадости сегодняшнего дня. Благо улица была пустынна и моё аморальное занятие не могло дурно повлиять ни на какого проходящего мимо подростка. Потом вышел падший ангел и сел рядом.

— Знаешь, я как-то читала, что в процессе выдержки значительная часть коньяка испаряется через поры дерева. Французы называют это «part des anges»- доля ангелов. Выпей со мной, ангел? — я протянула ему стакан с искристой жидкостью. Он его принял.

— А когда коньяк созревает, — продолжила я, — его разливают по бутылкам, закупоривают и отправляют на хранение в самое отдалённое и тёмное место погреба — «Paradis», райское место. Выходит, коньяк — это плоточек Рая на земле. Символично, а? — Пьяно хохотнув, я глянула было наверх: тёмное небо украшала россыпь мерцающих звёзд. Звёзды — они как бриллианты: блестят, но не согревают. Тьфу, к чёрту! Лучше уж смотреть на землю. Да, эти пыльные разводы куда как милее...

Кто сказал, что понедельник — день тяжёлый? Тому придурку, наверное, просто не удалось дожить до вторника..

*Конвульсия.
Конвульсия нервов и скрежет стремлений -
Натянуты
Ровно и туго, дрожат лишь едва на ветру.
Когда-нибудь...
Знаю: я рухну, сорвавшись с креплений,
Всё скомкаю, вырежу гланды..
И душу взорву.*

Р.Т.

Она уснула, прислонившись к моему плечу. Что-то, давно забытое и кровоточащее, щемяще ныло в груди. Сердце? Достоин ли я этого дара? Быть рядом с ней, смотреть на неё, вдыхать пряный запах этих волос цвета бургундского вина, цвета крови... Она убила того, кто как ей кажется причинил мне боль. Осторожно, едва касаясь, я провёл пальцами по её волосам — по алому шёлку... Знала бы ты, насколько ничтожна эта боль по сравнению с той мукой, что причиняют мне твои страдания. Я не достоин твоей жертвы, Кассиэль. Не достоин..

Ночь обдала нас прохладным ветром. Холодные звёзды на небе..

Боясь разбудить, я взял её на руки — лёгкую, будто пёрышко, — и внёс в дом. Когда я закрывал двери, её тело прижалось к моей груди и мне впервые за несколько десятилетий стало тепло. Наверное, впервые за всё моё существование..

Поднявшись по лестнице, я вошёл в её комнату и как можно бережнее опустил спящего ангела на постель. Как же она прекрасна. Алые пряди на белом шёлке — кровавые реки у заснеженных берегов; длинные ресницы — тёмное кружево на бледной коже. Такая хрупкая и тонкая. Такая сильная и несокрушимая.

Я слаб. Сломлен. Только тень себя прежнего. Она страдает из-за моей слабости. Я не могу позволить себе быть слабым. Я буду сильным. Ради неё.

Бледные веки дрожали, тихий встревоженный шёпот — не громче дыхания срывался с приоткрытых губ. Наклонившись, я прислушался и...будто тысячи копей вонзились в сердце.

— Абаддон...

* * *

Мне снилось что-то странное. К счастью или нет, но ничего из этого в памяти не запечатлелось. Сейчас я кипела от злости и нетерпения, лавируя между спешащими на работу/в школу/ в детский сад/по магазинам гражданами на разношёрстных авто, и одновременно переваривала своеобразный завтрак «на скорую руку»: сосиска в сладкой булочке (потому что в доме не обнаружилось нормального хлеба), кофе, больше напоминающий по вкусу. хм. непонятно что. Пришлось его вылить и запить всё это дело шоколадным молоком из пакетика. Ян, сейчас невозмутимо сидящий рядом с разъярённой

мною, от завтрака отказался, сославшись на отсутствие необходимости в приёме пищи. Хотя, я подозреваю, что существенное влияние на него оказал страх получить подобный моему «паёк». Как ни странно, меня даже не мутило — вот что значит закалённый в походных условиях желудок..

Блондин потянулся вперёд и вставил диск в дисковод, при этом чёрный шёлк его рубашки извлёк из кожаной обивки сидения тихий скрип. Вообще, я заметила, что он невероятно быстро осваивает технологии, ориентируется в новых для себя условиях и ситуациях. Нет, ничего. Просто подметила.

Из колонок ударили мощные басы. Кажется, парень стал фанатом рока. Класс.

«Я в состоянии войны со всем миром,
Который пытается затащить меня во тьму.
Я борюсь, чтобы найти свою веру,
И постепенно выскальзываю из твоих объятий....»

Христианский рок. Как символично. Криво улыбнувшись, я глянула на сидящего рядом со мной мужчину... ангела, демона и ещё неизвестно кого. Не знаю, что случилось сегодня утром или вчерашней ночью, но перемена в нём наблюдалась разительная. Даже жутко немного — совсем другой человек. Вот перед тобой сломленный, безжизненный парень, вырвавшийся из многолетнего плена, из самого Ада; испытывавший ужасающие вещи, воочию наблюдавший сводящие с ума картины; истерзанная душа в прекрасной оболочке. Казалось, что в этой оболочке заключена только тень его прежнего. А вот — ХЛОП! — и перемена. Когда он утром спустился вниз, я даже глаза протерла от удивления: прямая осанка, блеск жизни в изумрудных глазах, плавные и быстрые движения. Он распрямился во весь свой немалый рост (выше ста восьмидесяти пяти, уж точно), из плеч ушла скованность, походка стала лёгкой и уверенной. Я искала причины этих метаморфоз и не находила. Была идиотская мысль о влиянии употреблённого вчера коньяка, но она тут же полетела прочь: блондин выпил совсем немного. В отличие от меня..

Больше книг на сайте - Knigoed.net

— Я ничего вчера случаем не пропустила? — любопытство победило. А может, это была паранойя..

— Пропустила? Нет, ничего. А почему ты спрашиваешь? — светлая бровь вопросительно изогнулась.

И что на это ответить? Единственное, что приходит на ум: «Ты выглядишь так, словно тебя залили супер-клеем и собрали воедино. Не подскажешь мне, что послужило тому причиной?» Ага, идиотизм.

«Всё труднее сохранять бдительность,
Мои силы быстро убывают...
Наконец, ты вдыхаешь в меня жизнь.....»

Мне на выручку пришла песня.

— Просто ты выглядишь так, словно в тебя заново вдохнули жизнь.

— Вдохнули жизнь... - протянул он задумчиво, — Что ж, можно и так сказать.

От пристального взгляда, говорящего больше, чем я готова услышать, зудело в затылке и плечи свело в напряжении. Следи за дорогой, просто следи за дорогой.

«Я очнулся, я жив,

Теперь я знаю, во что верю в глубине души.

Настал мой час..»

Минут на пять движение застопорилось, настроение стремительно подползало к отметке среднегодовой арктической температуры, а мелодия к финальным аккордам. Рядом тихо журчала мотором маленькая красная машинка — мечта гламурных барышень. Гламурная барышня не заставила себя долго ждать: искусственно осветлённые и завитые локоны, голубые глазки, которые у меня прочно ассоциируются с демонами — издержка «профессии», розовый блеск на губах. Не девушка, а сборник стереотипов. И этот самый «сборник» очень усердно зарабатывал себе косоглазие, сверля кокетливым взглядом демонический профиль. Что ж, её можно понять — не каждый же день встретишь в пробке нечеловечески соблазнительного мужчину. В данном случае, акцент на слове «нечеловечески». Но стоило леди заметить меня, она досадливо поморщилась и дёрнула плечиком, вперив взгляд в выстроившуюся впереди череду автомобилей. Хм... Интересно, что же такое выразилось на моём лице? Без понятия. Сам блондин, кажется, даже не заметил этой маленькой сценки. Наконец-то, шеренга ожила и мы стали потихоньку продвигаться вперёд.

После утреннего «душевного разговора» с наставником меня всё ещё штормило. На Яна он смотрел искоса, но всё же приветливо улыбнулся. А потом, с таким же приветливым выражением на лице, захлопнул дверь кабинета у него перед носом, буркнув: «Нам с дочкой надо поговорить». Поговорили. Будь у меня характер помягче, а яйц... кхм, уши не такими железными — точно разревелась бы или дала ему в морду. Но, к счастью для нас обоих, ничего подобного не случилось. Не могу я на него злиться — он слепил из меня воина. Конечно, наша дрянная жизнь и проклятые демонские отродья тоже приложили мерзкие лапы к лепке маниакально-депрессивного охотника, но суть от этого не меняется. Если бы в ту кровавую ночь Кирилл не подоспел вовремя, я, к счастью или к несчастью, уже давно гнила бы в могиле. Скорее всего, по частям. И, как бы я себя ни вела, какие финты ни выкидывала, есть один железный факт: если возникнет такая необходимость, я умру за него. Про то, чтобы убить даже упоминать не стану — убийства стали частью каждого моего дня, как завтрак или чистка зубов. С той лишь разницей, что приём пищи и гигиеническая процедура не выдирают куски из твоей души, заливая открытые раны расплавленным железом.

— Ты думаешь, что этот человек знает нужный обряд?

— Если не он, то никто. — Ответила я, возвращаясь в настоящее. — Пять лет назад, Кристоф был известным обрядником — экзорцистом, специализирующимся на редких ритуалах, связанных с демонами. Они работали вместе с братом моего отца. Дядя Анастас был наместником Римской католической церкви в нашей стране, главнокомандующим корпуса изгоняющих дьявола и сильнейшим экзорцистом. После масштабного нападения демонов и смерти моей семьи, Кристоф ушёл из структуры и стал отшельником. Но

обширная библиотека с древними источниками и столь же обширные знания у него сохранились.

— Значит, это он рассказал тебе о связующем ритуале? — предположил Ян, когда мы преодолели крутой поворот.

— Фактически, нет. Я нашла описание ритуала в старинном дневнике какого-то экзорциста. Хитрый был тип, надо сказать: изгнал демона из одержимой и связал его, по слухам, с завязкой своего плаща. После этого он нещадно эксплуатировал демона на протяжении нескольких десятилетий. Правда, когда в моей памяти всплыл нужный текст, не было уверенности в том, сработает ли это с тобой. — Я пожала плечами. — Сработало.

— Этот поисковый отряд не был последним. Будучи связанной со мной, ты подвергаешь себя опасности.

— Я в курсе. И плевать на это хотела. — Мотор радостно заурчал, когда я прибавила газу и механическое порывивание отдалось вибрацией в ногах.

— Ты подставляешься под жестокие атаки. Они не успокоятся, пока не выполнят поручение своего Хозяина. Если этот экзорцист знает нужный ритуал, нам следует разорвать связь. Я буду бороться с ними самостоятельно. — Неколебимым тоном произнёс он.

— У меня другое мнение. Моя задача — не дать планам дьявола осуществиться. Ты — то, что ему нужно. Я — та, кто ему мешает. Логическая цепь спаянна и переплавке не подлежит. — Вот это я называю неколебимым тоном. — Сейчас мы попробуем просто внести некоторые коррективы, чтобы связь по-прежнему позволяла ощущать друг друга, но предоставила большую свободу передвижений не в тандеме. Это облегчит нам жизнь.

— Ты невероятно упряма.

— Ага, я такая.

Отчего-то я улыбнулась. По-настоящему. Ответная улыбка на лице демона заставила меня осознать, как же давно я не разговаривала с кем-то вот так просто, как давно не улыбалась. Фактически, мы с блондином теперь живём вместе: я просыпаюсь и меня встречают не тишина и пустой дом, а тихие шаги, лёгкий аромат полыни в воздухе, ощущение присутствия другого человека (ну ладно, человека с допущением). Ещё недавно, единственным моим спутником в салоне машины был звук, льющийся из колонок. Ещё недавно, я была единственным своим собеседником, не считая разговоров с отцом-настоятелем и «добрых» бесед с одержимыми. Всё это было странно, иначе и пугающе. Да, пугающе... Я вспомнила смеющиеся глаза Виктора, его мягкий голос, крепкие руки, вспомнила любящие лица родителей, сильные и пахнущие ладаном объятия дяди, сощуренные глазки и невинную улыбку новорожденной сестрёнки Марии, пятнадцатилетнего Вальдемара — Вальди, с которым мы вместе часами бродили по округе, разговаривали обо всём на свете и в четыре руки наигрывали на антикварном рояле Адажио Вивальди.

Улыбка исчезла. Её будто содрали с моего лица. С мясом.

— Ника? Что случилось? — беспокойство в зелёных глазах бросило венок на могилу моей прославленной выдержки. Хватит, надо заткнуть воспоминания куда подальше. Слишком много эмоций. Слишком.

— Ничего. Так, задумалась. — Мысленно вздрогнув всем телом, я прогнала ненужные воспоминания прочь. — Кстати, теперь, когда ты вырвался из преисподней, каковы твои планы?

— Планы?

— Да, планы на будущее. Что ты собираешься делать, есть ли у тебя цели?

Ян очень сосредоточенно обдумывал мой вопрос где-то с минуту. Наконец, когда я уже отчаялась услышать ответ, он сказал:

— Я буду охотиться. Моя цель — остановить Апокалипсис, не дать демонам уничтожить человечество и сохранить твою жизнь. — Слишком серьёзно всё это звучало, чтобы у меня могли возникнуть сомнения в его правдивости. Вот чёрт.

— Хм, — я заставила себя криво улыбнуться, — кроме последнего пункта, наши цели совпадают. Так что, блондинчик, нам с тобой по пути.

Вот только конец этого пути, как ни крути, упирается в землю. Этого я не стала произносить вслух. Зачем? Каждый из нас и так прекрасно всё понимал.

— Почту за честь охотиться рядом с тобой. — Понятия не имею, откуда демону были известны эти ритуальные слова. Их произносили экзорцисты, объединяясь с напарником. Когда-то, мы с Виктором тоже говорили это друг другу..

Это было предложение. Поколебавшись, я протянула одну руку для пожатия, продолжая второй удерживать руль в нужном положении.

— Честь для меня проливать свою кровь и умереть в сражении рядом с тобой. — Проговорила я вторую часть клятвы. Интересный вышел дуэт, ничего не скажешь: экзорцистка и падший ангел.

Теперь от него веяло силой, мощью. Его огромный внутренний резерв перестал прятаться, сжавшись в комочек — воздух вокруг буквально потрескивал от силы. Я содрогнулась от мысли, что было бы со всей этой мощью, если бы Ян полностью превратился в демона. Эта мысль пугала. «Я буду охотиться вместе с тобой»- сказал он и загнанность в его глазах наконец-то померкла. Что ж, я добила то, чего хотела. Смогу ли теперь с этим справиться?

Кто, я? Да стопудово.

Десять минут спустя, мы остановились возле небольшого аккуратного кондоминиума, выделяющегося белым пятном на фоне окружающих его серо-коричневых строений. Кристоф стал отшельником, но это не значит, что он ушёл в лес и поселился в разваливающейся избушке. Это лишь означает, что он порвал все связи с представителями церкви и экзорцистами, прекратив контакты со старыми знакомыми. Единственным человеком из прошлого, с которым старик продолжал общаться, была я. Он знал меня ещё наивным подростком, с болтающимися по спине золотистыми косичками. Он принял меня настоящую — умытую кровью и с мечом в руке.

Массивная железная дверь отворилась после трёх нажатий звонка и дверной проём почти целиком заполнила собой высокая фигура обрядника. На самом деле ему было под семьдесят, но тренированное тело, живой огонь в чёрных глазах и аура силы не позволяли назвать его стариком. Вслух.

— Ника. — Кивнул экзорцист, внимательно осматривая блондина. Закончив с этим, он протянул мне в знак приветствия свою единственную руку — левую — и спросил ровным тоном:

— Какого нахрен епископа, ты притащила с собой демона?

— Долгая история. Ты позволишь нам войти? — ответила я так же невозмутимо. Старый экзорцист, как и я, обладал отличным чутьём на демонов.

— Заваливайтесь. — просто сказал он, посторонившись.

Мы «завалились» и он запер за нами дверь. Не ожидая дальнейших указаний, я взяла

демона за руку и направилась прямо в гостиную. Благодатная прохлада и мягкий диван несколько улучшили моё настроение. Кристоф сел в кресло напротив и выжидательно на меня посмотрел.

— Начнём понемногу? Это Ян. Он со мной.

— Я нутром чую, что это демон, спасибо. Хочу напомнить тебе, если ты вдруг запамтовала, что эти твари порвали всю твою семью, половину корпуса экзорцистов и поубавили кое-кому частей тела. — Он взглядом указал на свою культю — от правой руки остался лишь десятисантиметровый обрубок.

От его слов левое плечо начало зудеть. Мою руку тоже пытался оторвать демон и ему это почти удалось: когда отец Кирилл нашёл меня, она держалась только на розовой ткани потрёпанных мышц. В том месте, где рука прикрепляется к туловищу суставом, её опоясывала цепочка белых стежков — памятный оверлок. Мне повезло больше, чем старику. А вот тому гаду, любящему полакомиться человеческими конечностями, при встрече со мной ой как не повезёт. Смертельно.

— Я помню. — Тихо сказала я. — Отлично помню.

— Тогда какого хрена я вижу?! — Рывкнул Кристоф. — Объяснись.

Что я и сделала: с самого начала, от момента появления демона в моей ночлежке и до настоящего времени. Пару раз обрядник прерывал меня, задавая блондину вопросы. Ян отвечал и мы шли дальше. За вычетом необязательных подробностей, всё дело заняло пятнадцать минут.

— Ватиканское дерьмо! — Сказал, как сплюнул. Но это единственное, чем старый экзорцист выдал свои впечатления от рассказа.

— Ага. И теперь мне нужна твоя помощь.

— Говори.

— Нужно внести поправку в механизм нашей связи, так, чтобы мы могли в случае необходимости разделить, при этом продолжая чувствовать друг друга. Это возможно?

— Хм.. — Кристоф задумчиво потёр обросший серебристой щетиной подбородок. — Кажется, я кое-что подобное видел... Ждите здесь, сейчас приду.

— Хорошо. — Кивнула я и он вышел. Скорее всего, направился в свою библиотеку. Оставалось только ждать и надеяться на лучшее. Откинувшись на мягкую спинку дивана, я вытянула ноги и позволила своему телу блаженно расслабиться.

Ворсистая обивка, пропитанная ароматами ладана и табака, приятно щекотала; мерное тиканье часов погружало в вязкую полудрему, прикосновения пальцев к коже... Что?! Вяло приоткрыв глаза я уставилась сначала на своё плечо, не скрываемое простой чёрной майкой, а потом на блондина: он осторожно обвёл пальцами цепочку шрамов, оставленных швами пять лет назад. Всё никак не пойму, почему прикосновение ко мне больше не обжигает этого демона. У меня было две догадки на этот счёт: либо дело в связующем ритуале, либо в сущности павшего ангела. Поймав мой взгляд, Ян убрал руку.

— Прости.

— Ничего. — Я усмехнулась сама себе. — Это единственный шрам, который не проходит — остальные раны затягиваются на мне как на собаке, не оставляя следов. Ты ведь сам видел.

— И единственный твой шрам, заметный окружающим. — промолвил он.

— Да, — хмыкнула я, — догадистый ты парень.

— Аллилуйя, мать вашу! Нашёл! — донёсся из коридора сочный кристофский бас.

Вслед за голосом в комнату вошёл и его хозяин, несущий в руках какую-то потрёпанную тетрадку. Да, не особо солидный манускрипт.

— Чё кривишься, малявка? Ты не гляди, что книженция простенькая — главное ведь содержание. — При последних словах он назидательно задрал вверх указательный палец и я не сдержалась. Когда мы закончили ржать в два голоса, обрядник спросил:

— К чему ты удосужилась привязать красавчика? — На морщинистом загорелом лице расплылась кривая ухмылка. Ян слегка поморщился при его словах, но промолчал.

— Не дождёшься, старик. Вот. — Я вытянула из-под майки висевший на прочной серебряной цепочке родовой медальон.

— Ого ж ты, печать... — только и прошептал экзорцист, уставившись на кулон.

Это была прямоугольная пластина из серебра, отделанная старинной эмалью. В центре красного поля щита расположились два серебряных стропила со срезанными донцами, обращённые вершинами вниз и образующие своим соединением подобие буквы «W»; чуть выше щита — корона, в нашлемнике над которой повторяется та же эмблема. В совокупности эти две «W» являются сокращением от «Veritas, Victoria, Virtus et Vita», что означает «Истина, Победа, Добродетель и Жизнь»- лозунг моего рода. Теперь, вымершего. Посередине герб пересекала продольная трещина, появившаяся в тот памятный день — двадцать второго июня — когда я подняла его с кровавых останков дяди Анастаса.

— Ну, ты так и будешь пялиться на мой кулон или перейдём к делу? — нетерпеливо окликнула я Кристофа.

— Да. — Как-то рассеянно отозвался старик. — Как ведёт себя твой кулон, когда вы отдаляетесь друг от друга?

— Честно говоря, мы не проверяли — просто всё это время держались рядом. Это нужно для обряда?

— Да, — кивнул экзорцист, — ступай-ка ты, Ника, в машину и отъезжай дальше до тех пор, пока я не зафиксирую какую-либо реакцию.

— Ладно. Ты готов? — спросила я блондина.

— Всё будет нормально. Иди. — заверил он меня.

Вообще-то, на этот счёт у меня были сомнения, но иного выхода не было. Только опытно-пыточный путь.

— Включи мобильник и держись со мной на связи! — крикнул мне вслед Кристоф.

Не отвечая, я взяла трубку и подтвердила соединение. Температура в салоне успела подняться из-за пребывания на палящем летнем солнцепёке и я включила кондиционер. Дышать сразу стало легче, и когда из окна на втором этаже раздалось зычное «Давай!», я завела мотор и покатила по длинной и широкой жилой улице. Потом стала сбавлять до тех пор, пока отметка не показала двадцать километров в час — почти что скорость черепахи. Контуженной. На расстоянии примерно в триста метров всё было просто шоколадно; пятьсот — терпимо, только зуд по коже и желудок, стремящийся сделать кульбит. Вот на отметке в шестистах метрах от белого кондоминиума началось дерьмо. Кристоф в трубке заорал, командуя остановиться. Стремясь к тому же, я чуть не пробила лицом лобовое стекло. Из носа закапало что-то горячее. При судорожном вздохе, наконец-то удавшемся мне спятой попытки, я облизнула верхнюю губу и поняла, что это кровь. Но это ещё не всё. Сердце бешено заколотилось, едва не подпрыгивая до глотки и мои дрожащие пальцы с трудом сумели перевести машину на задний ход. Вдарив по газам, я почти впечаталась багажником в аккуратный свежеекрашенный синий почтовый ящик. Твою ж мать..

— Как там Ян? — выдохнула я в трубку и ворчливый бас донёлся будто издалека.

— Как, как... Херово. Скрутило также, как и тебя — судя по звукам из твоего телефона. Давай, поднимайся.

— Угу.

Я выползла из машины, заперла дверь и поднялась в квартиру обрядника. Последний стоял у окна, уткнувшись в тетрадку и что-то шебурша себе под нос. На диване в каменной позе, правда, слегка привалившись к спинке, сидел Ян. Закрытые веки едва заметно подрагивали и это всё, что выдавало пережитый только что нутродробительный приступ.

— Эй, ты как? — спросила я, плюхаясь рядом на диван.

— Нормально. Всё в порядке. — Ответил открывший глаза блондин и даже ухитрился ободрительно мне улыбнуться. — Ты сама не пострадала?

— Не больше обычного. — отмахнулась я, утирая остатки крови с подбородка.

— Какое расстояние?

— Шестьсот. Но скручивать стало уже на пятистах.

— Самое оно. — Подал голос Кристоф. — Я знаю, как убрать ограничение на расстояние, но тогда возрастёт чувствительность связи. Ты как?

— В самый раз. Чувствительность мы как-нибудь переживём. — Вяло отозвалась я.

— Ладно. Тогда, вы оба — на пол.

На пол так на пол, спорить было бесполезно — сами напросились. Мы с демоном растянулись на мягком ковре, подобно двум параллельным прямым.

— Амулет возьми в ладонь. — Скомандовал мне Кристоф. — А ты, демон, сожми её ладонь в своей — так, чтобы кулон оказался зажат между вашей кожей.

Ян также безропотно повиновался, не отвечая ничего на «демона», и его крепкие пальцы переплелись с моими, замыкая амулет в плену наших рук. Старый экзорцист извлёк из кармана кожаный мешочек с каким-то секретным ингредиентом бурого цвета и обошёл вокруг наших тел, насыпая ровный круг. Он начал читать что-то на латыни — такой древней, что мне были понятны одни предлоги и местоимения. Сквозь тело будто проходили короткие электрические разряды, а воздух вовсю потрескивал от напряжения. Когда старик подошёл к концу последнего абзаца, амулет в наших руках нещадно раскалился и практически в ту же секунду остыл. Грубый башмак нарушил границу круга на уровне моих глаз и энергия рассеялась.

— Подымайтесь, дети мои, — весело хохотнул обрядник, — и начинайте копить на годовой запас пива для гениального обрядника.

— От скромности ты не помрёшь, Кристоф. — Проговорила я, поднимаясь с пола. Ян подал мне руку и справиться с этой задачей оказалось гораздо легче. Но пусть не думает, что я позволю ему часто практиковать подобную помощь по отношению к моей шибко стойкой персоне. Это только сегодня. Ага.

— Это всё? — спросил Ян, явно заинтересовавшийся происходящим.

— А тебе мало, что ли? Могу ещё пенделя дать — не посмотрю, что ты демон. И вот ещё что, — голос экзорциста в раз потерял весь свой шуточный тон, став серьёзным и угрожающим, — если ты подставишь Нику или причинишь ей вред — я тебя удавлю даже одной рукой. Ясно выражаюсь?

— Да, Воин, я прекрасно тебя понял. — Так же серьёзно ответил Ян и отвесил Кристофу уважительный поклон. Честное слово, мне не померещилось. Ватиканское дерьмо..

— «Если ты подставишь Нику или причинишь ей вред...»- передразнила я экзорциста, когда Ян ушёл чуть вперёд по коридору, — Что это было, «папаша»?

— Молчать, малявка. Самому стыдно..

Он был единственным человеком, который мог безнаказанно назвать меня «малявкой». Это было... Ценно. Да, именно ценно.

Когда мы покидали квартиру Кристофа, он внезапно окликнул меня, будто вспомнил о чём-то важном. Ян остался ждать возле машины, а я подошла к экзорцисту.

— Что случилось?

— Я чуть было не забыл. Знаешь, я не поддерживаю связей ни с экзорцистами, ни с церковью, но... С простыми людьми общаюсь. Именно их мы когда-то, будучи ещё сопливыми юнцами, клялись защищать от зла. И ты тоже в этом клялась.

— Да, я тоже. — Кивнула я и он, получив моё поощрение, продолжил.

— Неподальёку отсюда, в Jasny obszar (польск., прим. автора), есть один бордель..

— А? — тупо спросила я, пытаюсь сохранить ровное выражение лица.

— Да, я говорю о Ясном районе. Не делай такого лица, я не прошу тебя снять для меня проститутку, если ты об этом подумала.

— Это хорошо. — Хмыкнула я. — Тогда на кой чёрт тебе дался какой-то там бордель?

— Вернёмся к нашей клятве. Зло — это не только демоны и диавол. Люди порой бывают также страшны, как и демоны. И разве может Воин Христа оставаться равнодушным к страданиям других людей, ссылаясь на то, что сражаться ему пристало только с порождениями преисподней? — Тяжёлый выжидательный взгляд старого экзорциста почти придавил меня к асфальту. Что я могу на это ответить? Именно так я и поступаю в большинстве случаев — просто люди стали для меня далеки, я их больше не понимала и уже давно не была частью общества.

— Ты сейчас что, стыдишь меня? — спросила я спокойным голосом, без ударений и акцентов и наградила обрядника столь же тяжёлым взглядом.

— Нет. Указываю на недочёты.

Медленно закипая, я стояла и боролась с сидящим во мне монстром, уже готовым выбросить вперёд своё отравленное яростью жало. Закрыла глаза. Сделала размеренный вдох, потом выдох. Поняла, что он прав и разжала кулаки.

— Что ты хочешь, чтобы я сделала? — спокойно произнесла я.

В глазах старика заплескалось торжество и... Гордость? За меня, что ли? Не.

— То заведение зовётся «Червона» и носит репутацию престижного клуба, но, нутром чую, там что-то нечисто. Ходят слухи, было несколько подозрительных моментов... Что, если ты сможешь помочь кому-то, а девочка?

— И как мне по-твоему сражаться с преступностью? — без доли сарказма спросила я, мне действительно было интересно это услышать. — Использовать разящий меч против людей я не стану, огнестрельного оружия у меня нет, да и убивать больше необходимого не имею ни малейшего желания. Ещё чуть больше убийств — и я сойду с ума, Кристоф. Правда. И я спрашиваю тебя: каким образом мне бороться на этом поле?

— Даже без оружия, ты сильнее большинства людей. Твои раны заживают быстро, а обучение в аббатстве и постоянные битвы сделали из тебя практически непобедимого воина. Я думаю, тебе не составит труда справиться с парочкой, а то и с десятком отмороzków, а? — сказал он, прищутив проницательные чёрные глаза.

— Нет, — медленно произнесла я, — не составит. Но что скажет полиция, если я начну

бить морды направо и налево?

Вместо ответа, он загадочно улыбнулся, достал мобильный из кармана кожаного жилета и набрал какой-то номер. Спустя четыре секунды, из динамика послышался сильный мужской голос.

— Збышек Ковалёв? Это Коменский. Да, я сообщил... Ваше предложение всё ещё в силе?.. Отлично. Да, жив буду — позвоню. — С неимоверно весёлым хохотком, Кристоф сунул телефон обратно в карман и торжествующе на меня воззрился.

— Ах ты, чёртов мудака... Ты всё продумал заранее, да? С кем ты сейчас говорил, с обер-полицмейстром?!

— Верно. Збышек приходится племянником моему старому приятелю и ещё он, в отличие от большинства власть имущих, знает о демонах и верит в наше дело. Когда-то давно ему довелось видеть тебя в деле и с тех пор он так и жаждал привлечь экзорциста к работе в своём ведомстве. Так что, могу тебя поздравить — теперь ты без пяти минут специальный детектив главного департамента полиции города Милича.

Вот же старый лис..

— Блять! — Выразила я своё мнение по этому поводу, развернулась и пошла прочь.

* * *

— Ты расстроена. — Заметил Ян, успокаивающе кладя свою руку поверх моей, нервно подрагивающей на краешке водительского сидения. — Это из-за того, что сделал Кристоф?

Я быстро глянула на него: он выглядел сильным, надёжным и уверенным. И готов был выслушать мои жалобы на жизнь. Одна беда — я никогда не жалуясь ни в чью жилетку.

— Ты всё слышал, да?

Он кивнул.

— Я не расстроена. Просто зла. — Какой-то серебристый седан имел наглость подрезать меня, в ответ на что пар едва не повалил из моих ушей. Скоро огнём или кислотой начну плевать. Нужно взять себя в руки. Дыши размеренно, плавно води руль...

— На кого? — как всегда, вопросы блондина били точно в яблочко.

— Сама не знаю. — честно ответила я.

Длинные пальцы пианиста выводили горячие круги на тыльной стороне моей кисти и вместе с их теплом в тело просачивалось спокойствие. Никому другому это не было бы позволено. Этот полуангел-полудемон ворвался в мою жизнь каких-нибудь четыре дня назад и, чувствуя себя последней идиоткой, не имея тому ни одного рационального оправдания, всё же могу сказать самой себе: «Эй, я доверяю ему». И, чёрт меня подери, я ненавидела себя за это.

— Что ты решила? — Спросил он снова, когда мы выехали с пустынной трассы на оживлённую городскую дорогу и я с некоторой долей неохоты взялась за руль обеими руками.

— А что мне остаётся? — Спросила я в ответ, двинув плечами и слегка расслабляя тем самым затёкшую спину. — Теперь, после слов Кристофа, я не смогу просто так выкинуть это из головы и жить дальше. По существу, он прав — я действительно с головой погрязла в охоте на демонов, в убийствах и экзорцизме, нисколько не заботясь об иных проявлениях зла.

— Ты многое делаешь. Очень многое. — С твёрдой уверенностью сказал он, немного повернувшись на сидении, чтобы иметь возможность смотреть мне в лицо.

— Возможно, — согласилась я, — но, как выяснилось, этого недостаточно. Таким образом, остаётся одно — нужно проверить этот притон.

Часы на приборной доске показывали пятнадцать минут седьмого — слишком рано для визита в клуб. К тому же, насколько мне было известно, жизнь в злачных заведениях Ясного района начинается самое раннее с десяти, так что мы решили поехать домой. Тучи, как это часто бывает в нашем климатическом поясе, набежали быстро и на смену жаркому зною пришла предгрозовая духота, побеждённая в последствии пахнущей озоном прохладой. Всю дорогу, занявшую минут сорок, мы с Яном слушали музыку, обсуждая особо проникновенные и насыщенные смыслом тексты. Никогда бы не подумала, но музыкальные вкусы у нас оказались идентичны. Особенно ему нравилась группа, название которой в переводе с латыни означало «свет». Мне она тоже нравится. Всю мою злость, как водой смыло и, стоило только об этом подумать, как с неба хлынули частые струи воды. Оставшийся до дома путь пришлось проделать с непрерывно включёнными дворниками. Что ж, улыбнулась я про себя, вот и помыла свой запылённый фольксваген..

Уже в откровенно приподнятом настроении, мы припарковались у неприветливого старинного особняка и вышли из машины под тугие холодные струи. И тут я заметила тёмный силуэт прямо на своём крыльце. Некто стоял под проливным дождём, даже не пытаясь укрыться. Первой моей мыслью было — «враг». Второй не было; в руке моментально оказался меч, но на середине рывка Яну удалось поймать меня за левое предплечье. Уже находясь под действием адреналина, я едва сумела подавить порыв опрокинуть его наземь, освобождаясь из захвата.

— Это не демон. — Спокойно сказал он, отпуская мою руку.

— Ясно.

И я просто убрала меч. Как я уже говорила, это была безотчётная вера, на уровне инстинктов. Всё же сохраняя состояние боевой готовности, только уже без оружия, мы направились к дому. Ян шёл справа и немного позади, прикрывая мне спину.

Каково же было моё удивление, когда на крыльце обнаружилась продрогшая и промокшая до нитки девушка, бледностью лица и залёгшими под глазами тенями, способная потягаться с трупом утопленницы.

— Здравствуй, Элис. Не знала, что ты поклонница принятия кислотного душа под открытым небом.

*Ты можешь купить моё тело:
Жар плоти, мой пот, даже стоны
Огонь развести в синих венах
Но помни — он будет холодным.
Ты можешь питать свою похоть
Скользить по мне жалом соблазнов
И ртом поглощать мои вздохи
Я помню — твой дух безобразен.
Мне б заново вырастить смелость
И заново вырасти завтра..
Ты можешь иметь моё тело
Но душу убьёшь безвозвратно.*

P.T.

Дом встретил нас тишиной и кромешным мраком — я никогда не оставляю свет включённым. Зато здесь было тепло и сухо. Если добавить ко всему две упаковки шоколадных бисквитов, припасённых в кухонном шкафу, то картинка получается совершенно замечательная. Милый дом. Щас слезу пушу от умиления.

Благо, мы с демоном сильно намокнуть не успели, а вот с провидицы вода стекала ручьями, угрожая совсем затопить выдавший виды паркет. Пока Ян зажигал свет, я достала из комода тонкий шерстяной плед и закутала в него девушку. Элис благодарно кивнула, но взгляд у неё при этом был затравленный. По-хорошему, следовало сунуть её под горячий душ, чтобы простуду не подхватила, но сейчас важнее было выяснить ситуацию.

— Ну, теперь давай поговорим. — Сказала я, когда мы уселись, а блондин без лишних слов отправился на кухню готовить горячий чай. — Во-первых, я хотела бы знать что привело тебя сюда в такую мерзкую погоду и как ты узнала мой адрес.

— Извини, я... Мне больше некуда было идти... Прости за..

— Не извиняйся. — Прервала я её, почувствовав себя последней скотиной. — Просто скажи в чём дело, ладно? Нам нужно знать.

Она кивнула и, судя по всему, собралась с духом.

— На меня напали. Прямо в доме. Когда я спустилась в гостиную, там оказались незнакомые люди. Сначала я подумала, что это гости тёти, но..

— Что было потом? Они напали на вас?

— Нет. То есть, они напали только на меня. Тётя просто поднялась в свою комнату и они её не тронули. Я спросила в чём дело, но она... даже не обернулась.

Можно легко себе представить, как на последнем слове её захлёстывают рыдания и из горла вырываются прерываемые крупной дрожью звуки бессильного отчаяния. Спорить готова, что сейчас Элис чувствует именно это, но только внутри, за надёжными стальными дверями. Промокшая темноволосая девушка сидела в кресле, сохраняя безупречную осанку и говорила, направив пустой взгляд в одну точку. Приятным и разумным голосом. Зачем-то комкая мокрую ткань своей ещё недавно пышной длинной юбки. Да уж, мисс

самообладание.

— Чай. — Ян протянул ей чашку с дымящейся ароматной жидкостью.

— Спасибо. — Ответила Элис, сжимая горячую чашку в ладонях.

— Ника. — Мне тоже принёс. Ну что за милашка, а?

Я благодарна улыбнулась демону, устроившемуся рядом на диване. Себе он чай не сделал. Видимо, демоны и правда не нуждаются в пище.

— Чего эти люди хотели от тебя? — спросила я, делая глоток согревающего напитка с лёгким ароматом жасмина. Хм, даже не знала, что такое есть на моей кухне.

— Они называли меня ведьмой, дьявольским отродьем. Сказали, что таким как я не место среди честных людей, что я должна раскаяться. Очиститься. — она горько усмехнулась. — Их было трое, у каждого на шее висело по серебряному распятию. Потом один из них схватил меня, потащил на улицу, где стоял тёмный фургон... Мне удалось вырваться лишь благодаря проходившей мимо соседке, которая заподозрила что-то неладное. Мужчина, выкручивавший мою руку, был вынужден ослабить хватку и тогда я рванулась, выбежала на дорогу и случайный водитель согласился мне помочь, довёз сюда.

По мере того, как она говорила, во мне зарождалось нехорошее подозрение. Очень нехорошее. Лучше бы это было не так, но слишком характерные признаки... Инквизиция? В двадцать первом веке?? Я молилась, чтобы это оказалось ошибкой.

— Понятно. А как ты узнала адрес? — это было важно и я собиралась получить ответ.

На лице девушки отразилась внутренняя борьба, неуверенность. Что там боролось и кто победил не знаю, но она сказала:

— Мне было видение. — Наверное что-то такое отразилось на моём лице, потому что она вся как-то сторбилась и покачала головой. — Это правда. Ещё до того, как в меня вселился демон, я видела этот дом. И в видении тоже шёл дождь. А сегодня я просто не знала куда мне бежать и ваш дом — единственное место, пришедшее на ум. Понимаю, что не имею права во так вваливаться к вам со своими проблемами... Не знаю, что происходит и..

— Ничего. Ты правильно сделала, что пришла сюда. — Наверное, слова Кристофа всё же сделали своё дело, раз я сказала это. Ещё раз обругав старого чёрта, я продолжила. — У меня есть пара мыслей на счёт случившегося, но едва ли они придутся тебе по душе. Сегодня ты останешься здесь, а с остальным разберёмся завтра. У меня ещё парочка дел запланирована.

— Спасибо вам, Ника..

— Оставь это «вам». Мы с тобой ровесницы, так что обращай ко мне на «ты», ок?

— Хорошо, Ника. — Она слегка улыбнулась. Надо сказать, что не смотря на мокрые волосы и потёкшую тушь, это выглядело мило.

— Отлично. Тогда идём наверх, тебе срочно нужно принять горячую ванну. Давай-давай, без разговоров!

Оглянувшись на Яна, я встретила одобрительный взгляд зелёных глаз. Ага, хорошая девочка Ника. Сахарок мне.

Когда мы поднялись на второй этаж, где и находилась моя ванная комната — нижняя теперь принадлежала Яну, — на часах было без десяти минут семь. До визита в злачный район оставалась ещё куча времени. Что ж, теперь у меня было чем его занять. Знакомьтесь, Ника — убийца, экзорцистка, в свободное время занимается реабилитацией жертв нападений. Ах да, ещё не забудьте о звании детектива полиции, ни за что ни про что ожидающем меня в департаменте. Не жизнь, а настоящий сериал. Бывают многосерийные

ужастики? Без понятия.

Кроме неприкосновенной спальни Виктора, в доме оставалась ещё одна свободная комната. Она как раз примыкала к ванной слева. Справа находились уже мои владения, через которые также можно было попасть в ванную. Наверное, планировка предназначалась для разбежавшихся супругов, которые больше не спали в одной постели, но продолжали получать удовольствие от утренней борьбы за право первенства в душе. И что за мысли лезут мне в голову? Да, дело плохо..

Я включила горячую воду и вставила заглушку в сточное отверстие. Минут через пять ванна окончательно наполнится. Так, шампунь и гель на месте... Полотенца.

— Пока набирается вода, я принесу тебе свежие полотенца. Подождёшь?

— Да, конечно. Спасибо. — Отозвалась всё ещё продолжающая кутаться в плед провидица.

Неужели она настолько сильно продрогла? Вот блин.

Быстро схватив в шкафу охапку полотенец, я направилась обратно и встретила в коридоре Яна.

— Что ты об этом думаешь? — спросил он.

— Честно?

— Да. — Он посмотрел на меня внимательно, ожидая ответа.

— Я думаю, что наша милая тридцатилетняя тётка решила избавиться от племянницы, мешающей ей наслаждаться жизнью. Она каким-то макаром отыскала чокнутых инквизиторов, которые с радостью приняли «вызов».

— Инквизиторов? Ты уверена?

— Надеюсь, что я ошибаюсь. Но, слишком всё похоже на правду. В любом случае, так это оставлять нельзя. Думаю, Анна с радостью уделит мне пару часиков своего времени..

— Знаешь, Кристоф ошибается. Тебе далеко не всё равно, что происходит с людьми. — Сказал он мягко, но уверенно.

— Если вздумаешь поделиться с кем-нибудь своей догадкой, я тебя убью.

Развернувшись, я пошла прочь. И едва не споткнулась, когда по моей коже мягкими вибрациями прокатился его тихий смех. Ну ничего себе, а? Он ещё надо мной смеяться будет!

— Элис, я принесла по... — Запнувшись на полуслове, я вперила взгляд в стоящую на банном коврике полуобнажённую девушку. Видимо, пока мы с демоном разговаривали, ванна успела наполниться и она решила ею воспользоваться. Провидица была со мной почти одного роста, где-то метр шестьдесят пять, стройная и изящная, с идеальной формой груди и молочно белой кожей, по которой контрастно рассыпались чёрные пряди длинных волос. Белая юбка, с забрызганным уличной грязью подолом, плотно облепила длинные ноги. Но не красота этой девушки заставила меня уставиться на неё, нет. Мой взгляд приковывали мерзкие соцветия синяков, тут и там распустившиеся на её теле.

Они и вправду скрутили ей руки — об этом свидетельствовали бурые отпечатки пальцев на тонких предплечьях. Но она забыла упомянуть о том, что эти сволочи успели её избить. Со знанием дела, не трогая лица, хорошенько прошлись по рёбрам. Элис на какое-то время испуганно замерла, позволив тем самым разглядеть эти следы, но быстро опомнилась, схватила блузку и попыталась прикрыться. Поздно. Меня едва не трясло от бешенства. Анна. Эта сука спокойно слушала крики своей племянницы. Она сама вручила им девушку.

— Ника? — слегка дрожащим голосом позвала меня провидица. — Это ерунда, я просто

упала... Совсем не больно, правда...

Медленно выдохнув, я разжала судорожно стиснутые кулаки и открыла глаза. Встретившись со мной взглядом, Элис слегка отшатнулась. Но это предназначалось не ей. В зеркале напротив отражался некто с алыми волосами, выбившимися из намокшей французской косы и красными сияющими глазами. Я моргнула, прогоняя нехороший багровый отблеск и они вновь стали просто серыми.

— Не больно, говоришь. Дай посмотрю. — Я забрала из её подрагивающих пальцев мокрую блузку и присела, оказавшись на одном уровне с багровыми следами; осторожно ощупала рёбра и убедившись, что они не сломаны, поднялась.

— Больше ты ничего не забыла мне рассказать? Что ещё они сделали? — Спросила я тихо, но голос от этого не стал звучать менее угрожающе.

— Нет. Больше ничего. — Синие глаза были чуть расширенны — то ли от страха, то ли от боли. Скорее всего, оба варианта верны.

Отвернувшись, я добавила в воду лавандовую пену и, когда Элис стянула свою юбку, помогла ей перебраться через бортик. Не знаю, были ли синяки на её ногах — не стала смотреть. Когда горячая вода коснулась тела, девушка сдавленно зашипела от боли. Тут же виноватый взгляд синих глаз метнулся ко мне. Будь проклята Анна, прибью эту суку. Достав из шкафчика обезболивающее и бутылочку с водой — они всегда у меня под рукой, так как редко бывает такой день, когда дело обходится без травм, — я протянула ей две таблетки и стакан. Она молча всё проглотила. Хорошая девочка.

У нас оказался один размер, так что моя одежда прекрасно ей подошла. Чёрные узкие джинсы, которых немерянно в моём гардеробе, чёрная водолазка — и вместо ангелочка в свободных одеждах взору предстала демонической внешности девушка, тонкая и сексуальная. Я что, тоже так выгляжу? Не, вряд ли. На меня разве что мазохист упадёт.

— Тебе идёт. — Заметила я.

— Правда? Никогда такого не носила, но... Знаешь, мне нравится. — Сказала она и улыбнулась.

— Тебе действительно всё очень к лицу. — Подтвердил Ян, незаметно возникший в дверях.

— Спасибо. — Улыбка досталась и демону.

— Ника, я зашёл сказать, что уже девять. Сегодняшний поход в Ясный район отменяется? — Блондин вопросительно изогнул светлую бровь.

На лице Элис проступило удивление, потом смущение и в конце-концов она вся залилась румянцем, уставившись в пол. Когда до меня дошло, как именно звучали его слова в контексте нашего совместного проживания, то не выдержала и заржала в голос. Ян тоже это понял и какое-то странное выражение промелькнуло на его лице, секунду спустя вновь сделавшемся нейтральным.

— Элис, — сказала я, отдышавшись после приступа смеха, — мы не развлекаться туда идём, а работать.

При моих словах её удивление возросло на несколько градусов и я фыркнула.

— Нам нужно проверить одно сомнительное заведение. — Пояснил Ян, придя мне на помощь.

— О, понятно.. — Улыбнулась было она, но вновь сделалась серьёзной. — Извините, что я нарушила ваши планы..

— Нормально. — Я поглядела на блондина, потом на провидицу и нашла выход. — Ян,

думаю, если ты останешься с Элис, я смогу наведаться туда и всё разузнать. К тому же, одинокая девушка вызовет меньше подозрений.

— Это опасно. Завтра мы пойдём вместе. — Его челюсти упрямо сжались так, что заходили желваки.

— Нет. — Мои глаза опасно сощурились. — Я иду туда сегодня. Одна.

— Ты никуда не пойдёшь. — Тихо сказал демон, сверкнув изумрудными глазами.

Я так же тихо охренела. Пришла в шок. Это Ян сейчас запретил мне куда-то идти? МНЕ?! Так, нужно успокоиться. Спокойно. Спокойно, сказала! Дыши. Вдох — выдох, вдох — выдох... В который раз уже за сегодня открыв зажмуренные для успокоения глаза, обозрела картину маслом: Элис, опасно переводящая растерянный взгляд с меня на демона и блондин, закрывший своим телом дверной проём и излучающий волны непреклонности. И в центре всего этого — бешеная собака, готовая порвать всех в клочья. Резко развернувшись, я двинула демона в живот, заставляя согнуться. Элис испуганно вскрикнула. Внутренне кипя, я вылетела из комнаты и в каждом резком движении читалась ярость. Твою мать, если он сейчас что-нибудь скажет, то будет плохо. Но он не сказал. Сзади на меня с нечеловеческой скоростью налетела размытая тень и секундой позже моя спина вжалась в стену под лестницей, а запястья оказались сжаты стальными браслетами — это руки демона сомкнулись вокруг них с железной хваткой. Глядя ему в лицо, я очень-очень тихо, почти шёпотом, сказала:

— Ты сейчас отпускаешь меня и отходишь в сторону. Я не хочу делать тебе больно. Пока не хочу.

— Ты делаешь мне больно, рискуя своей жизнью. — Сказал он так же тихо, не отводя от меня горящих глаз. Он прижался ко мне ещё теснее и жар его тела прокатился по коже.

— Никто не смеет приказывать мне и ограничивать мою волю. Никто. Люди не представляют для меня опасности.

— Да? И что ты будешь делать, если кто-то из них на тебя нападёт? Ты ведь не убьёшь его. А вот тебя вполне могут убить. Эту кожу, — горячее дыхание прошлось по моей шее, — так легко пробить пулей..

— Знаешь, Ян, — сказала я спокойно, — ты первый, кому за долгое время удалось получить моё доверие. Но теперь, когда ты ведёшь себя как засранец, я начинаю об этом жалеть.

— Ошибаешься. Ты можешь мне доверять, потому что я никогда не позволю тебе умереть. — Ответил он, отстраняясь и отпуская мои руки. Как-то само по себе, бешенство развеялось, оставив чувство непонятной тоски. Когда в последний раз кто-то беспокоился о моей безопасности? На самом деле, так, чтобы моя жизнь перевешивала выполнение задания? Давно.

— Да, я могу тебе доверять. Но если Кристоф сказал идти сегодня, значит нужно сделать именно это.

— Значит, мы пойдём сегодня. Вдвоём.

— Ты предлагаешь бросить Элис одну, после всего что ей пришлось пережить?

— Здесь ей ничего не грозит. Никто не мог предположить, что она придёт к тебе.

Я отвалилась от стены как раз в тот момент, когда взволнованная Элис спустилась вниз и заглянула в нишу под лестницей, где развернулась и свернулась обратно первая наша с демоном сцена. Надеюсь, она была последней.

— Ника, ты в порядке? — Забавно, сначала она побеспокоилась обо мне. Что это —

сексистский стереотип или нечто иное? Кто знает.

— Всё отлично. Знаешь, просто блондинчику так хотелось кого-нибудь облапать, что он не сдержался и прижал к стенке меня. Теперь понимаешь, насколько припекло парня? — Ляпнула я, наблюдая за тем, как на лицо провидицы наползает тень, а демон краснеет. «Демон краснеет»?! Ой, мать божья, да мне ж никто не поверит.

— П-простите, что помешала.. — Каким-то сдавленным голосом проговорила девушка и едва ли не бегом умчалась вверх.

— Чего это с ней? — Я перестала улыбаться и удивлённо взглянула на демона.

— «Облапать», да? — Спросил он с нечитаемым выражением на лице. Мне это выражение не понравилось. Совсем.

— Да, мне говорили, что с чувством юмора у меня неважно, но я думала они просто завидуют. И у вас двоих с этим делом тоже пло..

Я осеклась, когда увидела нечто совершенно неожиданное и маловероятное, как ананас в Арктике: блондин обвёл меня тяжёлым взглядом с ног до головы, так, будто просматривает рентгеном.

— Это было бы интересно. — Сказал гад, с тихим смешком развернулся и отправился вверх, оставив меня стоять с отвисшей челюстью и подозрением на иллюзии восприятия. Конечно, выносите маразм.

Получай, Ника, сама ведь хотела чтобы он перестал быть сломленным, стал сильнее, пришёл в себя. Ага, в следующий раз буду осторожнее в своих желаниях. Вообще не буду ничего загадывать. Никогда, чёрт меня дери.

* * *

Дождь закончился и улица дышала долгожданной свежестью.

С некоторой тоской я оглянулась на своего четырёхколёсного товарища, который ответил мне мягким блеском чёрного отполированного капота. Дальнейший путь по горящему всеми цветами неоновой радуги району предстояло проделать пешком. Но об этом нечего было беспокоиться, так как моя экипировка являла собой симбиоз комфорта и соответствующего стиля: полусапожки из тонковыделанной кожи на плоской подошве, узкие, словно вторая кожа, брюки на бёдрах и рубашка без рукавов, сжимающая меня, подобно корсету. Всё чёрного цвета. Волосы я просто занова сплела во французскую косу, доходящую мне до талии — терпеть не могу их распускать. В добавок ко всему этому безобразию, правую руку украшали кожаные браслеты, а на левом предплечье, также на кожаных ремешках, поблёскивали ножны с тонким булатным клинком. Да, явное нарушение законодательства. Но, во-первых, кто может с уверенностью сказать, что это не муляж? Во-вторых, в этих местах даже у ребёнка за пазухой припрятано что-нибудь опасное для жизни. А в-третьих, я как-никак почти детектив и грех не воспользоваться новоприобретёнными привилегиями. А что? Должна же быть хоть какая-то польза от всей этой фигни.

Кстати, я всё-таки пришла сюда одна. Хотелось бы сказать, что мой леденящий душу взгляд заставил демона отступить и сдать все позиции, но... Тому были куда более прозаичные причины: провидица, всё это время отчаянно крепившаяся, выбилась из сил и стало ясно, что без медицинской помощи ей не обойтись. Да, не у всех организм подкреплён ослиной волей и божьей благодатью. Наверное, в эту минуту Ян сидит в приёмной

городской больницы и ожидает окончания медосмотра. Нехороший червячок тревоги ворочался под ложечкой: всё ещё существовала возможность того, что на них нападут инквизиторы, очередной поисковый отряд или те же братья-экзорцисты, если вдруг кто-нибудь из них сумеет распознать в блондине демона. Тот факт, что наша связь даст мне почувствовать опасность утешал, но недостаточно — в тот момент я могу оказаться слишком далеко и вовремя не успеть на помощь. С другой стороны, смешно беспокоиться о падшем ангеле, будто он обычный смертный. Мне ведь известно, что по какой-то неведомой причине, ничто на свете, кроме разящего меча, не способно его уничтожить. А меч при мне. Ясно? Вполне. Значит, следует сосредоточиться на деле.

Сейчас мои мягкие подошвы топтали асфальт проспекта Romara, что означает «оранжевый». Ага, Оранжевый проспект — центральная улица Ясного района. Странные названия для таких мест, не правда ли? Всё дело в том, что богатые «папики»- держатели местного теневого бизнеса — из кожи вон лезли, дабы привлечь в свои липкие сети как можно более широкую аудиторию «потребителей», в том числе «благовоспитанных» граждан и наивных туристов. Название, по их мнению, играет в имидже огромную роль. Поэтому, два года назад «папики» скинулись и подали увесистое «прошение» в администрацию, в результате чего район Серых Кошек стал именоваться Ясным, а улица Рыжей Лулу превратилась в Оранжевый проспект. Не знаю, как насчёт имиджа, но суть осталась неизменной — все пороки общества, тщательно скрываемые за занавесками благопристойности и закона днём, с наступлением темноты обнажали свои мерзкие хари именно здесь. Не это ли зовётся лицемерием? Как по мне, то если ты гей, к примеру, то какого хрена заводить себе жену и троих детей, чтобы потом втихаря подкатывать на машине с замазанными грязью номерами к элитному притону и лапать там юных мальчиков? Мерзко. По-моему, гораздо честнее открыто признать свою природу и обзавестись постоянным партнёром, паспортные данные которого позволяют ему бывать на улице после десяти вечера и пить спиртное. Но кого в наше время волнует честность? Этот вопрос можно смело приписать рядом с «быть или не быть?». Вот они, прелести легализованной проституции. Наверное, наше правительство, когда принимало закон о легализации предоставления услуг сексуального характера, надеялось таким образом взять под контроль эту «тёмную отрасль экономики страны». Почему нет, всё может быть... Однако ничего существенно не изменилось, за исключением разве что потока денежных вливаний в бездонные карманы чиновников. Ну, хоть кому-то это принесло пользу, а то им-бедненьким не на что было купить десятую машинку или, там, третью яхту... Нет, я не против богатства и состоятельных людей. Чёрт возьми, я и сама, будучи единственной наследницей древнего рода Абданк со столь же древними капиталами, вполне могу быть причислена к так называемой «элите». Вот только при взгляде на её представителей плевать хочется. Деньги не должны давать права вести себя подобно скотине, но, как оказалось, очень даже дают. Наверное, закрывать на это глаза и игнорировать ситуацию, по меньшей мере трусливо, но... Что я могу сделать? Мне девятнадцать, я сирота, убийца, изгоняющая демонов и, вашу мать, просто девушка с неустойчивой психикой, пытающаяся окончательно не сойти с ума.

— Хей, киса, ты «тема»? Я могу быть и пассивом и активом — всё, что пожелаешь! — Промурлыкала внезапно возникшая на моём пути проститутка. Я внимательно оглядела её: высокая, неплохая фигура, маленькая грудь и слишком много косметики; короткие чёрные кудряшки уложены аккуратным венчиком вокруг овального лица. И, само собой, сапоги на

шпильках, чулки в сеточку, юбка, больше похожая на широкий пояс, да красный виниловый топик. На вид, если убрать всю эту бутафорию, ей можно было дать максимум лет семнадцать.

— Я девушками не интересуюсь. Ты скажи-ка мне лучше, какого чёрта делаешь на улице в такое время? Тебе уроки готовить не надо?

— Да пошла ты на ***! — презрительно бросила барышня и проковыляла к затормозившей неподалёку машине.

Видимо, не надо. Подавив желание оттащить её в ближайший отдел социальной службы, я заставила себя шагать вперёд. Насильно ты никому не поможешь: если дать им денег, то они не купят себе приличной одежды и не запишутся на какие-нибудь курсы — просто уйдут на пару дней в загул, после чего вновь вернутся на панель. Знаем, проверяли. Всё равно паршиво.

Отчего-то сегодня любая мелочь действовала на меня, как красная тряпка на быка, так что сейчас воздух вокруг буквально сгустился от поднимающегося во мне бешенства. В самый раз, чтобы дать кому-нибудь в морду. И не только. Ладно, посмотрим по обстоятельствам, а вдруг там вообще не будет ничего сверхъестественного и незаконного? Ага, тогда я идейный лидер пацифистов. Одухотворённое пение «Аве Мария» прервало моё упоение собственной злостью и, не без труда, мне всё же удалось извлечь тонкий мобильник из невозможно узкого кармана брюк. Неизвестный номер. Всё интереснее и интереснее.

— Да?

— Леяника Абданк?

— Она самая, но если вам требуется моё внимание, советую называть меня «Ника».

Хриплый мужской голос выдал добродушный смешок, которому я, впрочем, не особо поверила. Вряд ли обер-полицмейстером министерства внутренней безопасности Западной Славянской Федерации его назначили за добрый нрав.

— О, безусловно, мне желательно ваше внимание, Ника. Очень желательно.

— Я вас слушаю, господин Ковалёв.

— Мне чрезвычайно льстит тот факт, что вы сразу меня признали. Прошу вас, зовите меня Збышекком.

— Ну ладно, Збышек. Так по какому поводу вы звоните? — Я решила сразу перейти к делу, так как красные огни «Червоны» уже замаячили впереди.

— Отлично, перейдём к делу. Вам, по-видимому, уже сообщили о вашем назначении?

— О да. — Не сдержала я ехидного смешка.

— Судя по всему, вас этот факт не слишком радует? — Спросил он.

— Не сказала бы, что прыгаю от счастья. Но меня вполне устраивает перспектива расширения моих полномочий и, соответственно, возможностей. Так что, я готова принять ваше предложение. — Ответила я спокойно.

— Bravo, весьма прямо и практично. Теперь я уверен, что не ошибся на ваш счёт.

— Что ж, раз мы покончили с расшаркиваниями, давайте перейдём к сути дела? Я сейчас немного занята.

— По этому вопросу я и звоню — Нисколько не оскорбившись, откликнулся начальник всей полиции и спецподразделений. — Насколько я понимаю, вы сейчас находитесь около клуба «Червона»? — Осведомился он, как ни в чём не бывало.

— Откуда вам об этом известно? — Спросила я, с подозрением оглядываясь вокруг.

— У меня свои источники. — Ответил он загадочно. — Так вот, я хотел бы прояснить

ситуацию. Вы не просто один из детективов — я сделал вас специальным агентом учреждённого мною отдела по борьбе с теневой преступностью. Если коротко, то ОТП — Отдел Теневых Преступлений.

— А? И какого лешего вы понимаете под «теневой преступностью»? — Уточнила я, слегка сбита с толку.

— Вы задаёте правильные вопросы, Ника. В это понятие я вкладываю как преступления, которыми кишит Ясный район, так и преступления сверхъестественного порядка — область вашей деятельности.

— То есть, — спросила я, не до конца уверенная в смысле его слов, — вы говорите о демонах?

— Совершенно верно. Нам наконец-то удалось добиться получения полномочий на организованную борьбу с демоническими вмешательствами. Я сам принял командование ОТП, а вы, соответственно, мой заместитель. — Пояснил он охотно.

— И с какой это радости? Почему я? С каких пор сопливым девчонкам типа меня достаются подобные назначения?

— Избавьте меня от необходимости объяснять то, что нам обоим прекрасно известно. Едва ли вас можно назвать «сопливой девчонкой», как вы изволили выразиться. Я в курсе того, что вы самый могущественный экзорцист в истории этого ордена и с моей стороны было бы глупостью не привлечь на свою сторону такой ценный кадр. Я кажусь вам глупым, Ника?

— Нет, — медленно проговорила я, — не кажется. Я думаю, вы очень прямы и практичны.

— Хахах, полагаю, мы сработаемся. Вернёмся к клубу. Думаю, вам приятно будет узнать, что новый статус обеспечивают вам практически неограниченную свободу действий. Это уникальная практика и беспрецедентные полномочия, действительные лишь для нашего особого отдела.

— Вы говорите о вседозволенности? Разве это соответствует Конституции нашего государства?

— Понимаю ваше недоверие, но это действительно так. Едва ли при написании Конституции учитывались некоторые, скажем так, аспекты. Сейчас эти упущения ликвидируются. Более подробно мы с вами побеседуем обо всём завтра, в департаменте. Скажем, в час пополудни?

— Идёт. — Выговорила я, всё ещё не до конца осмыслив только что услышанное.

— Отлично. Удачи.

И он прервал связь. Твою ж мать, что творится, а?! Новый отдел, широчайшие полномочия — всё это слишком хорошо звучит. А когда блинчик предлагают задаром и он слишком аппетитно смотрится, у меня само собой возникает подозрение, что в этот блинчик завернут увесистый кусок дерьма. Ну да ладно, завтра со всем разберёмся. Сунув телефон обратно в карман, я повернулась лицом к «оплоту порока». Что ж, это обещает быть интересным.

В оформлении гротескного трёхэтажного здания преобладало два цвета: чёрный и красный. Судя по всему, я со своим чёрным прикидом и алыми волосами попала в дресс-код. Отлично. Вышибала на входе только лениво облапил меня взглядом сальных глаз, принял солидную плату за вход — намного больше, чем может стоить самый широкий спектр услуг подобного заведения в любом другом районе — и пропустил внутрь. И снова алое на чёрном

— кто бы сомневался? По первому этажу расплывались волны психоделической музыки, призванные вводить посетителей в транс. Судя по всему, это работало весьма успешно: огромное пространство, начиная от подсвеченного алым неоном танцпола и заканчивая местами у барной стойки в полстены было усеянно мерно двигающимися и покачивающимися в такт людьми. Добавьте ко всему свободную продажу алкогольных напитков вкупе с витающим в воздухе сладковатым ароматом нелегальных курений и получите максимально готовую к «открытиям» публику. Проследив взглядом траекторию движения особо «готовых» клиентов, я поняла, что следующим уровнем аттракциона для взрослых и не очень является второй этаж. Следуя этой логике, вполне можно предположить назначение третьего уровня. Или нельзя — всё зависит от вашей фантазии и извращённости этой же фантазии у хозяев заведения. Что ж, думаю мне ещё представится случай проверить свои догадки.

Пока что ничего особо неординарного мне заметить не удалось. Примостившись на табурете у бара, я на некоторое время погрузилась в наблюдение за происходящим. Это стало нелёгким испытанием для моих прочных как китайский презерватив нервов. Вот, пожилая пара: обоим лет по шестьдесят, и, судя по внешнему виду, за это время они сколотили достаточный капитал. У мужчины подтянутая фигура, видно было, что он частенько посещает тренажёрный зал; седые, аккуратно подстриженные волосы и колючие голубые глаза. Его жена обладала более пышными формами, которые едва ли не вываливались из безразмерного декольте — из разряда «мадам, за вашим вырезом не видно платья». Косметика наложена со вкусом, но не скрывает её возраста; в идеально завитых каштановых волосах нет ни одного проблеска седины — слава стойкой краске. И всё было бы вполне нормально — ну, вышла парочка расслабиться, освежить свои отношения чем-то остреньким — если бы не миниатюрная блондиночка нежных лет, которую они стискивали в своих объятиях отнюдь не по-родительски. Меня едва не выворачивало, но я продолжала смотреть с каким-то, почти мазохистским, усердием. Следующий кадр: парочка тридцатилетних девиц под поощрительные аплодисменты зажигает на танцполе, в то же время успевая работать руками под символическими юбками друг друга. Ладно, это ещё нормально, двое взрослых людей, вполне осознанный выбор, плюс делают они это в специально отведённом на то месте. Кажется, теперь я готова подняться наверх. Следующий круг Ада заказывали? Нет. Всё равно, придётся получить — доставка уже оплачена.

Повернувшись к бармену, я взяла себе «Чёрный баккарди», который всё равно пить не собиралась — вряд ли тут подадут мой любимый французский коньяк. К тому же, пить при исполнении... Стакан был ещё одним атрибутом здешней публики, с которой мне полагалось успешно слиться. Слегка пошатываясь и покачивая бёдрами, я направилась к заветной лестнице, призывно привлекающей клиентов алой ковровой дорожкой — ну прямо как на кинофестивале. Ага, на котором выставляется творчество режиссёров от силиконовой ветви искусства. Что-то типа «Бездонной глотки»... У подножия меня ожидало препятствие в лице трезвого как стёклышко секьюрити. Хм, а эти ребята не так беспечны, как могло показаться. Ладно.

— Чего желаете? — Осведомился он вежливо, одновременно сканируя меня пронзительным взглядом чёрных глаз.

— Подстилку. — В моём голосе была тщательно выверенная доля раздражения, в смеси с нетерпеливым ожиданием и томным предвкушением. — Свали. — Добавила я, для большего соответствия образу богатенькой девочки.

Охранник всё ещё сомневался: видимо, я выглядела недостаточно развратно или респектабельно.

— Прошу прощения леди, но на второй уровень вход только для особых клиентов. Могу я узнать, как ваше имя? — Вежливо, но настойчиво поинтересовался он.

Ну ладно, скажем мы тебе наше имя, смертный. Усмехнувшись про себя, я сделала то, чем никогда не злоупотребляла — вlepила парню промеж глаз... Своей фамилией.

— Леяника Абданк, мурак. У тя чё, какие-то проблемы? — прокаркала я, слегка заплетающимся голосом. То, как моментально прокручивался поисковик в его памяти и с какой скоростью менялось выражения лица надо было видеть! Бац! — и перед тобой мистер учтивость.

— О, прошу вас, мисс Абданк. Очень рады видеть вас в стенах нашего заведения! — Проворковал секьюрити, косясь одним глазом на свой наушник. Видимо, слушал инструкции. Вот, о чём я и говорила — всё дело в деньгах и звучности твоего имени.

Проигнорировав его дальнейшие слова, я прошла мимо, вихляя наглым задом и попутно выплеснула холодный ром на его штаны. Не только для соответствия образу, но и для собственного удовольствия. Этот парень, сейчас расшаркивающийся перед моей особой, не поведя бровью бросит несовершеннолетнюю девчонку в объятия престарелого извращенца или похитит ребёнка, угрожая его матери и вынуждая её продавать своё тело за гроши. Много чего он может сделать за деньги и ночью его совесть будет совершенно спокойна. Как мертвец. Так что, я с превеликим удовольствием могла бы сейчас сделать куда как больше, чем залить ромом его костюм. Но приходится довольствоваться малой кровью. Пока что. Обернувшись, я увидела как мужчина всё с той же учливой улыбкой на лице достаёт платок из кармана пиджака и преспокойно промокает мокрые брюки. Ничтожество.

Обстановка второго яруса была более интимной, свет приглушённым, музыка волнующей, а царящие нравы отличались куда большей грубостью и откровенностью. Сунув в рот клубничную жвачку, я почувствовала себя чуть менее нервной, а значит вероятность сломать челюсть первому встречному подонку снизилась на десять процентов. Прогресс.

Танцпола, как такового здесь не наблюдалось, но зато тут и там алели мягкие островки лежанок и диванчиков, используемых по прямому назначению. Ага, тому самому. Ладно, что такое для привыкшей к расчленению тел и сражениям с демонами охотницы наблюдение за сценами грязного секса? Что-что, угроза моментального опорожнения желудка неестественным и не самым приятным для этого образом... Клубничная жвачка отправилась к чертям и ей на смену пришла ментоловая. Так надёжнее. Если кто-то вдруг попытается сделать моё наблюдение включённым, я точно этого кого-нибудь выключу. Да, хорошо что Яна сейчас со мной нет. Повезло... Перед самым носом просвистел, рассекая задымлённый воздух, серебристый стилет — каблук танцовщицы, только что совершившей невероятный кульбит вокруг пилонa. Да, блин, порочный образ жизни вредит вашему здоровью. Иногда, совершенно неожиданным образом. Любопытный бы вышел заголовок: «Наследница старинного рода Абданк едва не лишилась глаза, пострадав от высокой шпильки стриптизёрши!». Н-да... Твою ж мать!!! Мой взгляд совершенно неожиданно упёрся прямо в не слишком симпатичную задницу, ритмичнодвигающуюся над стройным красивым телом шоколадного оттенка. Быстренько обойдя эту экспозицию, я признала в обладателе пихающегося зада главного редактора местного детского журнала. Вот же мерзость.

Во всей этой какофонии и неразберихе я выглядела до неприличия прилично одетой. То, что какая-то девица ходит здесь между очень занятыми людьми последних, казалось,

ничуть не смущало. Возможно, они приняли меня за вуайеристку. Какая-то куча-мала довольно настойчиво зазывала стать пятой в их упражнениях, но вполне доходчиво удалось объяснить им, что сделать и куда что вставить. Нет, я никого не била. Честное слово, только сила убеждения. Третья жвачка отправилась на растерзание моим зубам, когда на горизонте наконец показалась заветная охраняемая дверь, за которой предположительно находился вход на третий уровень. Здесь я уже достаточно насмотрелась и ничего незаконного (по мне так ничто из происходящего здесь законным не было, но законодательство со мной несогласно) не обнаружила: всё, по крайней мере внешне, происходило по обоюдному согласию и участники выглядели совершеннолетними. Хотя, нельзя с уверенностью сказать, пока не заглянешь в паспорт каждого. Нет в мире совершенства, пришлось довольствоваться голыми визуальными заключениями.

Кто-то задел меня плечом и, покачнувшись от неожиданности, я приготовилась отвести душу и схарчить нахала, но не тут то было: штампованная блондинка, та самая, что из окошка красной машинки глазела на Яна, стремительно промчалась мимо и остановилась у двери с охранником. Ноги сами приняли решение, потянув меня следом.

— Послушай, мне нужно поговорить с Карлом. Уверенна, что он иного мнения и если ты ещё хоть одну лишнюю минуту продержишь меня здесь, то..

При моём появлении блондинка замолкла и скорее всего не от смущения, но из-за уголовно наказуемой угрозы, которая наверняка должна была прозвучать вслед за «то». Охранник отчаянно пытался сохранить невозмутимо-профессиональное выражение на лице.

— Простите, мисс Гожек, но это невозможно и я думаю, что Карл..

— Плевать мне, что ты там думаешь, ничтожество! — прошипела блондинка, выйдя из себя. — Я желаю говорить с Карлом. Немедленно!

Охранник сдался — это читалось и в его позе и в мимике лица. Значит, заключила я, эта девица влиятельна. Гожек, так кажется он её назвал? Что-то смутно знакомое... Уж не приходится ли она родственницей криминальному авторитету Ивару Гожеку? Это многое объясняло.

— Ладно, — вымученно сказал охранник, — проходите.

Дверь с негромким щелчком открылась и блондинка, сверкнув торжествующим оскалом на миловидном личике, стремительно вошла внутрь. Мне удалось разглядеть лишь небольшую ярко освещённую комнату с белыми стенами, так как дверь сразу же захлопнулась. Охранник обратил своё внимание на меня, в то время как в моей голове проносились варианты дальнейших действий: насилие, подкуп, давление властью. Самым лёгким и, в то же время, самым неудачным вариантом был первый. Подкуп тоже вряд ли мог подействовать — эти ребята подбирались тщательно, столь же методично запугивались «руководством» и уж точно неплохо зарабатывали, что в совокупности заставляло их дорожить своим местом. Что ж, воспользоваться новоприобретённым статусом официально я пока что не могу, так что остаётся последовать славному примеру пожирательницы кошек... Ой, простите, я хотела сказать «мисс Гожек».

— Я вас слушаю, мисс Абданк.

Хм, видимо, его уже предупредили. Оперативно работают, нечего сказать.

— Здесь скучно. Лицезрение сопливых проституток и чьих-то неприглядных задниц — это всё, что может предложить ваше заведение? Надо сказать, я разочарованна... - протянула я ну очень раздражающим тоном.

— Что вы, набор наших услуг намного разнообразнее и для отдельных клиентов у нас

предусмотрен индивидуальный подбор предложений. — Расплывшись в ослепительной улыбке, сообщил мне парень с надписью «Игорь» на кармашке пиджака.

— Неужели? — мой голос звучал лениво, с лёгкой примесью безразличия. — Тогда я хочу убедиться в этом и как можно скорее.

— Разумеется. Одну секунду, я только вызову для вас помощника менеджера. — Улыбнулся охранник и что-то быстро проговорил в наушник. Минута притопывания ножкой — и передо мной возник невысокий мужчина лет тридцати, с аккуратной бородкой, собранными в хвостик на затылке каштановыми волосами и в костюме на несколько порядков дороже, чем у остального персонала.

— Иван. — Представился помощник менеджера и потянулся облобызать мою ручку. — Рад приветствовать вас, мисс Абданк, в нашем заведении.

— А вот мне не особо радостно. — Холодно произнесла я, вырывая руку и выражая своё недовольство увиденным сервисом.

— Это печально и я постараюсь сделать всё возможное для того, чтобы исправить плохие впечатления, полученные вами по нашему недосмотру. Пройдёмте со мной, прошу вас. — Произнёс Иван, галантно открывая передо мной вожделенную дверь. Отлично.

Сохраняя скучающее выражение на лице, я проследовала в указанном направлении и настоятельно посоветовала себе воздержаться от необдуманных действий. Не знаю, что там на третьем уровне, но отчего-то моему желудку стало весьма некомфортно. В белой комнате находилось ещё три бежевого оттенка двери: на одной из них висела табличка с надписью «Менеджер», другая вела в кабинет Ивана, а за третьей обнаружилась стильная винтовая лестница, сделанная из стали и выкрашенная наподобие полицейского жезла, с той лишь разницей, что чередовавшиеся полосы были красно-чёрными.

Мы поднялись наверх и моему взору предстал уставленный креслами и столиками зал, в котором вполне прилично и оживлённо беседовали одетые состоятельные люди. В нём царил уютный полумрак, позволяющий видеть лицо собеседника и одновременно добавляющий обстановке интимность. Столики изобиловали всевозможными закусками, а между ними лавировали услужливые «официанты», разнося напитки и десерты. Такие же официанты сидели на подлокотниках каждого кресла или же на коленях клиента: с дамами смазливые парни, а с джентльменами девушки столь же привлекательной наружности. На каждого приходилось максимум по одной несущественной единице одежды и это было единственной фривольностью, которую можно было наблюдать. Просто собрание состоятельных людей, обсуждающих дела за хорошим угощением и тисканием ухоженных эстетичных тел «особого предложения» меню. В дальней стене зала имелся арочный проход, выходящий в широкий коридор. Он был усеян алыми дверями, ярко выделяющимися на фоне чёрных стен. Ну уж в назначении скрывающихся за ними комнат сомневаться не приходилось: на моих глазах один из посетителей вежливо прервал деловую беседу, взял за руку своё «блюдо» и скрылся с ним за одной из дверей. Теперь мне удалось разглядеть небольшие таблички, на которых горели либо чёрные, либо красные полосы. Так как мужчина вошёл в дверь с чёрной полоской и она сменилась на красную, я заключила, что таким образом клиентам давали понять какая из комнат в данный момент свободна. Милая забота, как трогательно.

— Я смотрю, все уже выбрали себе закуску, но мне так и не показали меню. — Заметила я, награждая Ивана недовольным взглядом.

— Терпение, леди. Сейчас мы пройдем на кухню. — Радужно заверил меня помощник

менеджера и предложил следовать за собой. Что ж, ничего иного не оставалось и я последовала за ним. Мы не останавливаясь пересекли зал, прошли мимо очереди комнат и снова оказались у запертой стальной двери. На этот раз лестница вела вниз и я наконец-то начала понимать устройство этого притона: вопреки моим ожиданиям главное гнездо разврата находилось не на таинственном третьем этаже, а глубоко под землёй. Подземный этаж был исполнен в золотых и медных тонах, разительно отличаясь от официальных уровней.

— Это сердце нашего заведения, доступное лишь для особых клиентов. — Торжественно пояснил Иван. — Нам известно, что вы, будучи наследницей столь влиятельного рода, мало внимания уделяете светской жизни с её условностями. Этот факт делает ваш визит к нам ещё более ценным и мы надеемся обрести в вашем лице постоянного клиента.

— Поживём увидим. — Откликнулась я неоднозначно.

— Прошу, — изящным жестом распахнув передо мной металлическую решётку, он пригласил меня внутрь. — Здесь есть блюда на любой вкус: мальчики и девочки, чёрные и белые, брюнеты, блондины, рыжие и лысые — всё, чего душа желает. И не только душа.. — Пошло хохотнул подонок, когда перед моими глазами предстала череда зарешёченных камер, похожих на тюремные, вот только обставлены они были с манящей роскошью и сидели в них не обросшие щетиной зэки, а полуобнажённые мужчины и женщины. Хотя, если судить по возрасту, то скорее юноши и девушки.

— Это что? — Изво всех сил сдерживая порыв вцепиться ему в глотку, проговорила я сквозь зубы.

Видимо мерзавец не отличался особой проницательностью, так как с возросшим воодушевлением продолжил расхваливать свой «товар».

— Самое изысканное меню, которое только можно найти в этом городе. Да что там, во всей стране!

— Вы держите этих людей здесь против их воли? — с нехорошим оттенком в голосе спросила я.

— Нет-нет, что вы! Весь товар добровольный — наше заведение работает согласно Кодексу и закону о ПУСХ (предоставлении услуг сексуального характера, прим. автора). Эти камеры — оригинальная задумка хозяина, что-то вроде окон на улице Красных фонарей в Амстердаме. — Кажется, помощник менеджера всё-таки слегка опомнился, так как устался на меня с некоторой долей волнения и подозрения в глазах.

— Отлично, тогда я выберу себе что-нибудь. — Выдавив соответствующий тон, я премерзко оскалилась, что заставило младшего менеджера мгновенно расслабиться. Вот же гад, а? «Товар»! Он называет людей «товаром»!! Так, спокойно.

Я медленно шла мимо выставленных на обозрение людей в клетках и внутри у меня клокотал гнев вперемешку с непониманием: они что, действительно сидят здесь по своей воле? Так и подмывало спросить их об этом, но мешало присутствие Ивана, чьё зоркое око не отрывалось от меня ни на минуту. Слева сидели девушки, справа парни. Ага, мальчики в одну сторону, девочки в другую... На девушек я взглянула сугубо для того, чтобы удостовериться в отсутствии на них следов насилия и проверить нет ли зова о помощи в искусно накрашенных глазах. Ни того ни другого не обнаружилось и я вернулась на мужскую половину. Из-за спины раздалось тихое раздражённо-разочарованное шептание. Хм, глядите-ка, девчата оскорбились! Да уж, судя по их призывным выкрикам, это отнюдь не

невинные девицы-жертвы обстоятельств. В этом нет ничего удивительного, так как с принятием закона о легализации проституции многие представительницы прекрасного пола заинтересовались открывшимися перспективами: отличная медицинская страховка за счёт государства, социальные льготы, минимальные налоги и официальный статус. Кому-то это показалось неплохой альтернативой прежним обыденным должностям и они переметнулись в новую сферу занятости. К тому же, за грубое отношение к проституткам без предварительной договорённости о BDSM предусматривалась уголовная ответственность. Но всё это официально, а на деле реальность частенько грешила нарушениями законов. Однако, недостатка в свежих кадрах секс-индустрия не испытывала уж точно. Прискорбно, но факт остаётся фактом.

Прохаживаясь рядом с мужскими комнатами с написанными на золотистых табличках именами, я пристально вглядывалась в их лица, старательно избегая опускать взгляд ниже. Все они были красивы и молоды: возрастной состав колебался где-то между восемнадцатью и тридцатью годами. Вот только во взглядах каждого из них отражалось куда большее количество лет — это были глаза людей, многое повидавших на своём веку. И это многое было отнюдь не так красиво и пленительно, как шёлк и бархат, окружающие их тела. Совсем не красиво. Чаще всего мужчины становятся проститутками в раннем детстве — такова печальная статистика. Их соблазняет кто-то из взрослых или же сдают на панель собственные родители, коль таковые имеются. Сироты, бездомные, дети из неблагополучных семей — всё это группы риска. Кто-то попадает в плохую компанию, кто-то садится на иглу, одни становятся ворами и убийцами, другие погибают так и не достигнув зрелости, а иные начинают торговать своим телом. Бывает, что в судьбе одного человека совмещаются все эти ужасы сразу. Да, вот в таком мире мы живём. Пусть офисные работники, политики и образцовые домохозяйки сколь угодно долго закрывают глаза и тешат себя иллюзиями благополучия — я к их числу не принадлежу. Иногда от этого знания паршиво и мерзко на душе. Хотя нет, паршиво от этого постоянно. Но надеяться взять и одним мановением руки всё исправить — ещё глупее, чем просто закрывать глаза.

Моё внимание привлекла последняя камера, скрытая золотистой шёлковой шторой. На табличке бронзовой вязью было выведено «Златан». Интересно, это настоящее имя или псевдоним? И почему содержимое комнатки скрыто от посторонних взглядов? Только я собралась задать этот вопрос Ивану, как в помещение ворвалось разъярённое нечто с голубыми глазками и завитыми блондинистыми локонами, сейчас больше напоминающими клубок ядовитых змей.

— Мисс Гожек! Марго! Прошу вас, остановитесь!! — прокричал ворвавшийся следом менеджер. Как я узнала кто он? Очень просто — на его пиджаке была вышита серебристая надпись «менеджер».

— Где ОН?!? Покажите мне его! НЕМЕДЛЕННО!!! — визжала блондинка, едва не брызжа слюной и стреляя налитыми кровью глазами.

— Вы всё лжёте — он в порядке и вы просто хотите завысить цену! Мне плевать — я заплачу сколько угодно. ДАЙТЕ МНЕ ЕГО!!!

Разтолкав двух менеджеров и промчавшись мимо слегка опешившей меня, девица целенаправленно подлетела к занавешенной камере и просунув руку между прутьями рванула золотую ткань.

То, что я за ней увидела, законным уж точно не было.

*Этот мир мне чужой,
но и бросить его не могу.
Этот город враждебен,
но дорог мне чем-то... Как память.
Эти люди пугают,
но их отчего-то люблю...
Эти мысли — молебен,
что б веры немного оставить...
Иногда я бреду,
раскрывая пошире глаза
Улыбаюсь открыто -
Мне искры надежды не жалко.
Но навстречу глядят
безразличные чьи-то глаза
Будто в душу корыто
ОП-РО-КИ-НУ-ЛИ...
Сдохла шарманка.*

P.T.

На ложе, когда-то застеленном шёлком, сейчас беспорядочными складками собрались скомканные простыни. Подойдя поближе, я ощутила запах медикаментов, пота и крови. Менеджеры пытались оттащить неистово голосящую блондинку подальше, она вырывалась, а для меня всё это было только бессмысленным фоном. Фоном к страшной по своему контрасту с обстановкой сцене. Великолепное тело, достойное внимания скульптора древности, разметалось по влажному хлопку постели, золотистую кожу тут и там покрывали повязки, янтарные волосы длиной до плеч свалились и несколько прядей прилипло к потному лбу.

Я приникла к решётке и встретила взглядом с замутнёнными болью глазами цвета шоколада. Три удара сердца понадобилось для того, чтобы понять происходящее. С пониманием вернулась ярость. Медленно, боясь сорваться, я повернулась к компании менеджеров и буйной клиентки. Странное дело, как внезапно они затихли.

У блондинки не было шанса увернуться — прямой удар в солнечное сплетение заставил её согнуться пополам, а после точечного воздействия на нужную зону, она рухнула вниз и отключилась на ближайшие полчаса.

— Значит, эта тварь — я ткнула пальцем в сторону лежащей на полу Марго Гожек, говоря тихим, сдавленным от ярости голосом, — удовлетворяет свою извращённую страсть к боли в вашем заведении?

Застывшие было от шока менеджеры перевели внимание на меня. Иван явно струхнул, не без труда поднял свою ценную клиентку с холодного пола и поспешил ретироваться с нею наверх. Но его начальник — Карл — был не из робкого десятка.

— Ну конечно, наше заведение способно удовлетворить любые, даже самые

изопрѣнные, желания клиентов. Извольте только высказать мне свои предпочтения и вы сами в этом убедитесь, мисс Абданк. — Произнёс он с многообещающей улыбкой.

— И вы хотите сказать, что вот этот парень добровольно дал извращѣнной садистке себя искромсать? Подобные действия далеко выходят за рамки BDSM, не говоря уже об уголовном кодексе. — Улыбка, которой я его одарила, обещала намного больше. При упоминании об уголовном кодексе у менеджера слегка дѣрнулось левое веко.

Развернувшись, я резко ударила ногой по решѣтке и лёгкий замок не выдержал. Клетка Златана распахнулась. В следующий миг мой нож уже прижимался к горлу Карла. Парни и девушки в клетках зачарованно следили за разворачивающейся сценой, но никто не спешил вмешаться, хотя большинство клеток открывалось изнутри.

— Слушай меня, гадѣныш, — прошипела я ему в ухо, — сейчас ты предоставишь нам каталку и мы с этим парнем уедем нахрен из вашего гнилого притона. Понял?

Он некоторое время молчал, потом кивнул, осторожно извернулся и посмотрел на меня. Понимающее выражение, которое проступило на его лице вызвало у меня рвотный позыв: он подумал, что я возбудилась от вида изрезанного тела и хочу его арендовать вне очереди. Блядь!!! Он и вправду так решил?!! Так, спокойно... Его заблуждение мне только на руку, пусть себе ухмыляется — сейчас главное увезти отсюда парня.

— Конечно-о, я вас прекрасно понял. Позволите? — Я резко отошла от него, подавив желание отереть руки. — Одну минутку мисс, сейчас я всё устрою.

Пришлось рискнуть и отпустить — посмотрим, на что готовы местные работники ради материальной выгоды. Проститутки по-прежнему молчали, что меня устраивало. Я вошла в открытую клетку и наклонилась к лежащему на смятой постели человеку. Если верить надписи на табличке, его звали Златаном.

— Эй? — позвала я. — Ты меня слышишь?

Он открыл глаза и кивнул.

— Сейчас мы с тобой отсюда уедем. Ты сможешь сидеть в каталке?

Опять кивок. Либо ему настолько плохо, что трудно говорить, либо он думает о том же, о чём и менеджер. Скрипнув зубами от досады, я распрямилась и повернулась на звук шагов.

— Вот, прошу вас, мисс Абданк. — В дверях появился Карл с раскладным инвалидным креслом. Сам факт наличия здесь такого кресла говорил о многом. — Но сначала извольте подписать вот это.

Он протянул мне бумагу оказавшуюся контрактом на оказание услуг сексуального характера. Тут уже невозможно было сдержаться. А может, мне просто не хотелось сдерживаться. Менеджер осел на пол, как и блондинка за пять минут до него. Вкатив кресло в камеру, я огляделась в поисках какой-нибудь одежды, но так ничего и не нашла.

— Послушай, — обратилась я к парню, который в это время сел в кровати, и тем самым заставила его на меня посмотреть, — я тут не за тем, чтобы тебя мучить или покупать. Я хочу тебе помочь, ясно?

Шоколадные глаза метнулись в сторону валяющегося в дверях менеджера, потом снова обратились ко мне.

— Ясно. — Ответил он, сглотнув. У него оказался приятный баритон. — Не понимаю лишь, зачем тебе это нужно.

— Сама не понимаю. — Буркнула я. — Так ты мне поможешь?

Кивок.

В нескольких местах повязки слегка сползли и стали видны глубокие порезы, едва

начинающие затягиваться. Раны явно оставлены острым ножом. Проблема состояла в том, что внутрь попала инфекция: ткани припухли и покраснели, а из порезов сочилась сукровица пополам с гноем. Плохо дело.

С трудом мне удалось усадить его в кресло, укутав золотистой тканью-драпировкой. Судя по сжатым челюстям и судорожно стискивающим подлокотники пальцам, это было больно.

— Здесь есть лифт? — Спросила я, оглядываясь в поисках запасного выхода. Вряд ли я сумела бы подняться с креслом по лестнице.

— Да. Нужно пройти коридор до конца и повернуть направо. За поворотом, в нише, находится служебный лифт.

— Куда он ведёт? — Уточнила я, уже толкая кресло в указанном направлении.

— В комнату позади бара, там хранятся бутылки с выпивкой и запасная посуда... — он запнулся, зашипев от боли, когда кресло наткнулось на порожек.

Мы подъехали к лифту и я нажала кнопку вызова. В зеркальной стене кабины отражалась я, стоящая позади инвалидного кресла и измождённого вида молодой человек, в ожидании косящийся на ножны с булатным клинком. Его била дрожь и оставалось только надеяться, что дело не дошло до заражения крови.

— Нужно прикрыть твоё лицо, чтобы не вызывать лишних вопросов. Если тебя узнает кто-нибудь из персонала или посетителей, могут возникнуть подозрения. — Объяснив таким образом свои действия, я высвободила один конец золотистого полотна и прикрыла им лицо Златана. Теперь он напоминал рождественский подарок. Ага, надеюсь, охрана не станет совать сладости мне в чулочки.

Створки лифта раскрылись и мы оказались в небольшом слабоосвещённом помещении, уставленном стеллажами с бутылками и какими-то ящиками. Подсобка. Здесь была только одна дверь, так что выбирать не приходилось. Вот так мы и появились за барной стойкой, перед опешившим барменом: моя наглая морда да золотистый свёрток в инвалидке. Сюрприз.

— Что вы здесь делаете? — Спросил опомнившийся бармен, тряхнув собранными в хвост дредами.

— Карл завернул мне с собой. — Ответила я, скользнув по нему ленивым взглядом и как ни в чём не бывало поехала дальше. Или покатила? Один чёрт. Барная дверца распахнулась от толчка моего ботинка и вот мы уже лавируем меж весёлых посетителей. Некоторый ажиотаж всё же присутствовал — его вызвал загадочный золотистый свёрток, который я толкала впереди себя. Это могло быть чем угодно: от трупа до несовершеннолетней красотишки, а то и всем вместе взятым. В конце-концов, ряды приставучих извращенцев остались позади и на горизонте показалась мощная фигура секьюрити, не так давно принявшего у меня плату за вход. К моему удивлению, он не сказал ни слова, не проверил кто находится под драпировкой и просто нас пропустил. А мне то что? Я не жалеюсь.

Единственное, о чём пришлось пожалеть (за исключением визита в этот район вообще) это о том, что мой фольксваген припаркован за две улицы от клуба. Уже на подходе к парковке дорогу нам преградил полицейский. Высокий такой, подтянутый и с густыми каштановыми усами.

— Кого вы везёте? — спросил он, сурово скрестив руки на груди.

— Мы с другом собираемся домой, офицер. — Как можно невиннее отозвалась я.

— Откройте его лицо. — велел полицейский.

Я обошла коляску, заслонив тем самым обзор офицеру, и освободила из-под золотистого шелка голову Златана. Он тяжело поднял веки и несколько секунд потратил на то, чтобы сфокусировать на мне свой взгляд.

— Златик, — сказала я громко, чтобы офицер услышал, — господин полицейский хочет взглянуть на твоё лицо.

Золотой мальчик сделал над собой усилие, согнав гримасу боли с лица. Теперь на нём читалось будто бы лёгкое опьянение да лихорадочный блеск, присущий большинству здешних тусовщиков. Можно только подивиться его умению владеть собой в непредвиденной ситуации. Вдруг подумалось о том, сколько же раз ему, будучи сексуальной игрушкой богатых садистов, приходилось изображать покорность, удовольствие, возбуждение, согласие... Не знаю, что при этом чувствует он, но меня раздирала злость.

— Ку-ку. — Выдал парень. Казалось, что язык у него заплетается от выпивки — на самом деле от боли и колотящей тело лихорадки.

— Вы собираетесь вести машину в нетрезвом состоянии, а я не могу этого допустить. Придётся задержать вас, пройдёте в участок. — Протянул полицейский таким скучающим голосом, что стало ясно — ему это надо не больше нашего. Так и подмывало начать отстаивать свои права и прибить эту мошку её же крылышками — законом. Но, увы, это требует времени, которого сейчас в обрез. Впрочем, как и всегда. Чувство тошноты, не покидающее меня на протяжении нескольких часов, усилилось и вместе с ним ещё настойчивее зазудела кожа на кулаках. Пришлось сделать над собой ещё одно усилие, для того чтобы убраться отсюда без лишнего шума. Такого, например, как нанесение телесных повреждений стражу правопорядка при исполнении должностных обязанностей.

— Думаю, вам стоит проверить мои документы и тогда всё станет на свои места. — Выдавив из себя доброжелательный тон, я достала удостоверение, попутно вложила в него пару хрустящих купюр и протянула усатому.

Он взял документы, раскрыл, сделал вид, что внимательно изучает фотографию, сравнивая её с оригиналом, удовлетворённо хмыкнул и вернул их обратно. Конечно же, предварительно страж правопорядка аккуратно переложил хрустящие бумажки в нагрудный карман. Вот, пожалуйста, теперь на моём счету есть и дача взятки официальному лицу. Точнее, коррумпированной харе закона.

Мы преспокойно сели в машину (то есть я села сама, а вот Златана пришлось пересаживать с кресла на сидение) и мотор ликующе заурчал, будто бы выражая мою радость от расставания с гниlostным местечком и такими же гнилыми офицерами. Парень блуждал между реальностью и бредом, так что поговорить с ним и выяснить обстоятельства не представлялось возможным. Вставив в ухо наушник, я одной рукой набрала номер сотового телефона, которым предусмотрительно снабдила Яна, а другой осторожно выруливала, выезжая из парковки. Они с провидицей находились в больнице имени Николая Чудотворца. Не знаю как насчёт чудес, но в целом клиника неплохо оборудована и находится в пятнадцати минутах езды на запад от Ясного района. Это и стало решающим аргументом в её пользу.

— Ника. — Бархатный голос демона ничуть не искажался связью, а, наоборот, звучал как-то очень близко и интимно. — Всё в порядке?

— Отлично. Что говорит врач?

— Переломов нет, но ушибы довольно серьёзные. Элис прописали постельный режим

на неделю и назначили приём болеутоляющих. Где ты сейчас?

— Еду к вам. Кстати, у меня с собой ещё один пациент для доктора Руднева. Предупреди его, что мне понадобится отдельная оплачиваемая палата, хорошо?

— Предупрежу. — Ответил он, словно ничуть не удивившись. — Что за пациент?

— Парень...хм... — я покосилась на Златана и решила смягчить формулировку, — работающий в «Червоне». Клиентка перешла границы. Скоро ты сам всё поймёшь, я буду у вас через десять минут.

— Хорошо. — Согласился Ян и отключился.

Приехать получилось даже быстрее, чем ожидалось — за семь минут. Парковку перед больницей заполняло такое же количество автомобилей, как и в Ясном районе, так что пришлось три сэкономленные минуты потратить на поиски свободного места. Осторожно вписавшись между жёлтым «Пежо» и чёрной «Тойотой» я снова набрала номер блондина и он всего двадцать секунд спустя уже помог мне усадить Златана в инвалидное кресло. Где-то на задворках сознания сформулировалась и быстро исчезла мысль: здорово, когда у тебя есть напарник, готовый помочь в любую минуту. Только самой себе я призналась, что — да, это действительно хорошо. Призналась и решительным шагом направилась ко входу в клинику. Демон шёл рядом, осторожно толкая коляску и одновременно выслушивая краткую версию произошедшего в притоне. При этом его лицо приобрело хмурое выражение, весьма недвусмысленно дающее понять — в следующий раз мне будет стоить огромного труда вырваться на дело в одиночку. Ага, пусть сложно, но не невозможно.

— А у тебя как дела? Сложности возникали? — Спросила я у напарника, когда мы поднимались в лифте на второй этаж, где нас ждали Элис и доктор.

— Нет, всё прошло спокойно. Я сканировал пространство на предмет демонических излучений, но никто так и не объявился. Провидица несколько смущена, — продолжил он, глядя мне в лицо, — будь с ней мягче.

— Мягче? — я искренне недоумевала, — И почему это она «смущена»?

— Ты должна сама это понять, я не могу вмешиваться. — Ответил он с каким-то странным оттенком в голосе. Блин, терпеть не могу когда он так делает!

— Терпеть не могу, когда ты так делаешь! Опять затеял свою игру в загадки?

— Есть много вещей, которых ты бы не хотела обо мне знать. — Заметил он так спокойно и, в то же время, в зелёных глазах плясали искристые чёртики.

Я поймала себя на том, что вот-вот зарычу и крепко стиснула зубы. С губ Златана сорвался тихий-тихий стон, отбросив мелкие разбирательства на второй план.

— Хорошо, я буду мягче. — Прощешила я, выходя из лифта вслед за катящим коляску демоном. Он обернулся с полуулыбкой и стало ясно — моё обещание больше походило на угрозу. Ну и фиг с ним.

Доктор Иосиф Руднев — высокий сухощавый мужчина средних лет. Его лицо, обрамлённое белоснежной волнистой шевелюрой, выделяется волевым подбородком, классическим римским профилем и пронизательными серыми глазами, чуть светлее моих. Мы с ним уже встречались несколько раз, когда он лечил тяжело раненных воинов из обители. Он был действительно хорошим человеком, любящим свою профессию и посвящающим всего себя спасению человеческих жизней. Врач от природы. Или от Бога.

— Ника. Так, посмотрим... — Коротко кивнув в знак приветствия, доктор сразу же перевёл своё внимание на нового пациента. Тут же быстро его осмотрел, прерывисто выдохнул, что-то прошипел себе под нос и позвал санитаря. Крепкий парень в светло-

зелёной униформе выслушал указание врача и покатиł кресло со Златаном к двойным застеклѐнным дверям в конце коридора.

— Случай серьёзный, не буду вас обнадеживать. Заражение едва не перешло в критическую стадию. Этот юноша из обители? — С подозрением уточнил доктор Руднев.

— Нет. Он случайная жертва.

— Надеюсь, вы понимаете, что я вынужден буду сообщить об этом случае в полицию?

— Не беспокойтесь, Иосиф. Так как я теперь работаю с господином Ковалёвым, трудностей не возникнет. Вы главное позаботьтесь об этом человеке и определите в отдельную палату. Естественно, за мой счёт. — Уточнила я.

— Ясно. Сейчас мне нужно как можно скорее заняться молодым человеком. Приходите завтра в шесть вечера и тогда поговорим. — Сказав это, Руднев поспешил вслед за санитаром.

* * *

Я напряжѐнно всматривалась в мелькающую огнями дорогу, борясь с усталостью и свинцовой тяжестью в веках. Сегодня, а точнее уже вчера, был очень длинный и насыщенный событиями день. Оплатив содержание Златана в клинике, мы с Яном забрали Элис и наконец покинули больницу имени Николая Чудотворца. Провидица дремала на заднем сидении, а демон, как повелось, сидел справа от меня.

— Скажи уже то, что хочешь сказать. — Прошептала я слегка раздражѐнно, не выдержав изучающего взгляда блондина.

— Ты прекрасна.

Это было совсем не то, что я ожидала услышать. На какой-то миг я просто уставилась на него, тупо держа руль на автомате. Всѐ раздражение смыло силой неожиданности, заставив меня почувствовать себя сдувшимся шариком, из которого в один момент выпустили весь ядовитый газ.

— Кажется, в таких ситуациях полагается говорить спасибо. — Пробормотала я, внимательно глядя на дорогу.

— Не за что.

Когда мы подъехали к особняку, Ян взял спящую Элис на руки и занѐс в дом — мы решили не будить её, так как врач ясно выразился насчёт постельного режима. Я в это время загнала машину в давненько не используемый гараж. Уже собралась идти, когда взгляд привлѐк укрытый брезентом предмет в дальнем углу. Включив верхний свет, подошла и сдѐрнула ткань: под ней обнаружился мотоцикл. Пальцы коснулись запылѐнной чѐрной глади, потускневших металлических деталей и в памяти всплыла картина: кожаная мотоциклетная куртка, сильные руки нахлобучивают шлем на непослушную рыжую шевелюру, я крепко обнимаю Виктора за талию и мы мчимся по ночной магистрали с бешеной скоростью лавируя между автомобилями... Стоит вернуть железному коню жизнь. Да, точно. Выключив свет, я закрыла гараж и направилась к дому.

Адски хотелось спать, но перед встречей с вожделенной постелью мне предстояло уладить несколько скопившихся дел. Часы показывали половину второго ночи, что могло существенно ограничить круг доступных для звонков абонентов. Тѐтка Элис — изысканная сучка Анна — и комиссар полиции отпадали. Они подождут до завтра. Развалившись на

диване в тёмноте гостиной, я достала мобильный и набрала номер Кристофа. Старик взял трубку после второго гудка — значит, ждал моего звонка.

— Как всё прошло? — Сразу же спросил обрядник, пропуская приветствие.

— Говорила с Ковалёвым, завтра у нас назначена встреча в департаменте. Посетила «Червону», вырубил парочку сотрудников и похитила искромсанного сестрой криминального авторитета парня-проститутку. Определила его в больничку, дальше буду действовать по обстоятельствам. Ах да, получила повышение до заместителя главы Отдела Теневых Преступлений.

— Всегда восхищался твоей манерой невозмутимо излагать шокирующие факты. — Пророкотал Кристоф, одобрительно хмыкнув. — Что с клубом в целом?

— Кроме замученного парня? На первый взгляд всё шито-крыто, что позволяет заключить — дело нечисто. Буду держать притон на заметке. Сейчас забот у меня больше некуда: избитая провидица и падший ангел в моём доме, мальчик по вызову в больнице, дела в Обители и новое назначение. Добавь ко всему бога с дьяволом, легионы демонов и в полной мере ощутишь смысл фразы «моя бальная карточка забита под завязку». Кавалеры так и норовят отдавить мне ногу, по возможности раздробив кости.

— Ну-ну, девочка, не унывай. Я уверен, ты справишься. А если не выйдет, то я всегда готов наложить на твои ножки первоклассного гипса. — Ободрил меня старый экзорцист.

— Да уж, спасибо. Спокойной ночи, Кристоф.

— Бывай.

Следующим в моём воображаемом списке значился звонок в обитель. Во-первых, следовало обстоятельно поговорить с Кириллом и рассказать ему о своей новой работе. Что-то мне подсказывало, что наставник будет далеко не в восторге от подобной новости. Во-вторых, нужно узнать о самочувствии Юстаса. Пока я взвешивала в уме «за» и «против» ночного разговора с отцом-настоятелем, свечение дисплея потухло, оставив меня в тихом полумраке пустой комнаты. Нет, всё-таки не стоит обсуждать это по телефону. С Кириллом предстоит встретиться лично, хотя бы в знак уважения. Окончательно утвердившись в своём решении, я набрала номер Юстаса. Не смотря на позднее время, командир первого отряда не спал. С момента нападения на него когтистого инкубуса прошло не так уж и много времени, но чувство вины не покидало меня — стоило раньше связаться с раненым товарищем. Учитывая естественную слабость от потери крови и медикаментов, голос Юстаса звучал нормально. Как и следовало ожидать, его определили в лазарет при обители, где «надсмотрщики в белых халатах» строго следят за тем, чтобы воин получал всё необходимое и соблюдал постельный режим. Последнее, судя по недовольному ворчанию командира, стоило им немалого труда. Раны на его груди постепенно начинают затягиваться, но полный процесс выздоровления займёт не меньше полутора недель — к сожалению, не все воины Христа обладают повышенными регенеративными способностями. Временами это заставляет меня чувствовать себя ужасно: несправедливо, что другим приходится действительно ежечасно рисковать своей жизнью, в то время как на мне даже самые страшные травмы заживают в рекордные сроки. Променяла бы я свои феноменальные способности на обычную жизнь, на простую боль, на семью? «Да, да и тысячу раз ДА!» — такой ответ ещё недавно последовал бы незамедлительно. Но не теперь. Может быть, я взрослею. Возможно, последние иллюзорные надежды растаяли и мне уже просто всё равно. Сейчас я делаю своё дело и стараюсь помогать другим в ожидании кровавого конца. В том, что он будет кровавым едва ли можно сомневаться. Единственное, что вызывает

озабоченность — это новые эмоциональные связи, начинающие возникать в моей жизни. Они не приводят ни к чему хорошему — спросите у моих родных и у Виктора. Что? Не можете? Правильно, потому что они мертвы. Вряд ли нужны более веские доказательства опасности чувств и привязанностей. Нельзя становиться мягче, нельзя позволять себе слабости, иначе из бреши в моей броне хлынет кровь. Кровь тех, кто мне дорог.

...Агонизирующие призраки с изломанными телами ускользали, скрываясь от меня в клубящемся багровом тумане. Будто издеваясь, возникали вновь лишь на мгновение — одно страшное мгновение, в течение которого в сознании отпечатывалось очередное лицо, как раскалённое клеймо на незащитной плоти. Очередной кошмар. У меня их было много и они, подобно верным часовым, каждую ночь патрулировали мои сны, заставляя беспечно расслабившееся тело содрогаться в унисон с больной душой. Из зарослей сухостоя, своими причудливо вывернутыми ветвями напоминающего тянущиеся к свету обгорелые руки, доносился пронзительный детский крик. Крик моей трёхмесячной сестры более всего походил на вопль замученного животного. Этот звук был мне привычен, как извечный саундтрек к кровавому кошмару. Чуть поодаль — мои родители почему-то танцуют вальс: на лицах счастливые улыбки, они поглощены созерцанием друг друга, единением душ. В это время адские твари рвут их на куски, плоть разрывается с тяжёлым мокрым звуком, кровь плещет из повреждённых артерий, а родители всё продолжают танцевать... До тех пор, пока на их месте не останутся с трудом узнаваемые фрагменты тел.... Предплечье сжимают свежеебглоданные, влажно поблёскивающие алым кости — рука моего брата увлекает за собой в туманно-кровавую мешанину, он говорит со мной. «Лея, поспеши! Ты должна помочь мне сыграть тот ноктюрн, который мы разучивали. Давай!».. Мы с Вальди играем в четыре руки и его кисти оставляют алые разводы на белоснежных клавишах... Мой меч с хлопаньем, переходящим в хруст, входит в грудь красивого рыжеволосого мужчины... Бледное лицо с проступившими веснушками озаряет последняя улыбка — как это бывало у спартанских воинов — и в следующий миг передо мной уже другое тело... Золотистые кудряшки, полные боли карие глаза, хватающие воздух маленькие пальцы...

Новый кошмар — убитый мною мальчик, чей пепел разнесло по тоннелю городской подземки — заставил меня проснуться в холодном поту, широко распахнутыми глазами осматривая знакомый интерьер и пытаясь успокоить ставшее слишком частым дыхание. Никого не обнаружив, я позволила себе редкое проявление слабости: подобрала обтянутые чёрными брюками колени к груди и крепко обняла сама себя руками. Это было жалко, но холод, вымораживающий нутро, немного ослаб. Помню, в детстве я очень любила поспать, иногда по двенадцать часов кряду валялась в постели, нежась под тёплым одеялом. Теперь мне хватает пяти, а ночи, обходящиеся без сновидений, считаются редкостной удачей. Вот одна из причин моего пристрастия к спиртному: выпив, я забываюсь мёртвым сном без боли, без воспоминаний, без кошмаров.

Справившись с собой, я нащупала в темноте мобильник и проверила время: половина седьмого утра. Диван в гостиной удобный, так что стоило пару раз потянуться и мышцы пришли в норму. Прислушалась. Сверху не доносилось никакого шума и, заключив, что мои «домочадцы» всё ещё не перешли в стадию бодрствования, я прошла на кухню и занялась приготовлением кофе. Две вещи вызывают у меня сомнение: во-первых, трудно сказать, спит ли демон вообще, а во-вторых, качество сваренного мною кофе. Ян, будто подтверждая мои сомнения, появился минуту спустя — бодрый и собранный, как обычно. Кофе, не желая отставать, чуть не сбежал. В последний момент плиту от загрязнения спасли нечеловеческие

скорость и ловкость падшего ангела, который рванулся к турке и снял её с огня, взметнув лёгким ветерком мои выбившиеся из причёски пряди. Свои льняные волосы он собрал в свободный хвост на затылке, так что несколько прядок остались висеть, придавая внешности блондина некий неряшливый шик.

— Ты уснула на диване и я не стал тебя будить. — Сказал он улыбнувшись и разлил кофе по чашкам.

— Всё правильно, мне не привыкать. Можно задать вопрос? — Ответила я, слегка удивившись тому, что вторую чашку Ян взял себе. На моей памяти это первый раз, когда он проявил хоть какой-то интерес к человеческой пище. Я прислонилась к столу, а демон облокотился о кухонный шкаф напротив.

— Конечно, задавай. — Кивнул он, сделав первый глоток и довольно прищурившись.

— Ты когда-нибудь спишь?

Блондин, держа чашку на уровне груди, пристально на меня посмотрел, как будто раздумывая над скрытым смыслом этого простого, на первый взгляд, вопроса.

— Я не испытываю жизненной необходимости в сне, но могу уснуть. По желанию.

— Понятно. Просто было интересно узнать. А... как насчёт снов? — Этот вопрос я постаралась задать как можно более обычным тоном и в свою очередь отпила из чашки с бодрящим напитком.

— Этого не требуется — все воспоминания и кошмары всегда в моём сознании. Они не забудутся. Но, когда я засыпаю, то ничего не вижу. А ты? — Задал он ответный вопрос, будто бы прочитав мои мысли.

Я поперхнулась, но ничего на это не ответила. Просто посмотрела на него и он всё понял сам. Тут же захотелось отмотать время назад и держать рот на замке, но слишком поздно.

Стук поставленной на столешницу чашки, лёгкий перебор пальцами по ряду пуговиц и вот он уже одним гибким завораживающим движением сбрасывает с себя белую хлопковую рубашку. Демон стоит передо мной босиком и в просторных чёрных брюках из льна. Утренний свет падает на левую сторону безупречного мускулистого торса, золотит алебастровую кожу.

— Я знаю, что тебе нужно. — Говорит он разминаясь и блеск изумрудных глаз проникает глубоко в душу.

— И что же это? — Как обычно в такие моменты я невозмутимее и холоднее лезвия своего клинка.

— Драка.

Сказав так, блондин удивил меня и не успела я опомниться, как стояла напротив него в специально оборудованном для спаррингов подвале. Судя по всему, он уже давно разведal обстановку, так как теперь точно обнаружил место, где хранятся деревянные тренировочные мечи, взял их и протянул один мне. Я стянула с себя смятую ото сна чёрную блузку, оставшись в спортивного покроя майке, хищно улынулась и приняла щедрое предложение демона. Что может быть лучше свеже сваренного кофе и хорошей утренней драки?

Буду откровенна — я быстра, но если быть к тому же справедливой — демон намного быстрее. О да, он двигается с молниеносной скоростью и движения его невероятно точны. Сражайся я с человеком, у того не было бы шансов на победу — он просто не смог бы уследить за моими ударами. Сущность ангела, демоническая сила и великолепная физическая форма сделали Яна совершенным бойцом, что вызвало у меня животный азарт.

Несколько раз я ловила себя на том, что торжествуяюще смеюсь, отражая какой-нибудь особо коварный выпад. После ужасных сновидений это стало прекрасным средством для поднятия тонуса и настроения, мой дух буквально воспрянул! Раньше, ещё будучи послушницей в обители, я тренировалась таким образом три раза в неделю с опытными воинами, потом моим постоянным партнёром стал Виктор, который, не взирая на столь располагающую внешность и добрый нрав, являлся прирождённым бойцом. Когда два года назад Виктора не стало, я забросила регулярные тренировки — они напоминали мне о потере, а новый партнёр казался чем-то кощунственным. К тому же, в моей жизни схваток и физических нагрузок хватало без того, их с дьявольской стабильностью обеспечивали демоны, одержимые ими люди, а также послушники, которых мне от случая к случаю доводилось тренировать. Поединок с блондином после долгого перерыва стал для меня глотком свежего воздуха и я поняла, чего на самом деле мне не хватало: не смертельной схватки, но именно товарищеской борьбы, в которой ты просто получаешь удовольствие от точности исполнения приёмов и скорости отражения атак.

— Ты отлично сражаешься. — похвалил меня демон, приземлившись после прыжка и завершая рубящий удар по моим ногам.

— Я не говорила этого с пятнадцати лет, но теперь случай представился, — подпрыгнув вверх и уйдя от удара, я направила тупой конец деревянного меча ему в шею, — В скорости и ловкости ты меня превосходишь.

— Благодарю. — Одним лёгким движением блондин ушёл от моего меча и перехватил его своим, поймав в замок. — Просто у меня было в сотни раз больше времени на оттачивание мастерства, так что по сути мы равны.

Последний приём был проведён им так мастерски, что я поняла это только когда мои лопатки прижались к полу. Демон нависал надо мною, но наши мечи всё ещё были скрещены. Льняная прядь выбилась из хвоста и обоняние защекотал ставший уже привычным горьковатый запах полыни, только вот в этот раз к нему примешалась тёплая ванильная нотка. Хм, интересное сочетание... На какую-то секунду Ян утратил концентрацию и я незамедлительно воспользовалась представившимся шансом: скользящим движением прошла вдоль блокирующего меня меча, подняла свой под особым углом и одним быстрым движением упёрла освобождённый меч в грудь противника.

— Ты расслабился и я тебя сделала. — Хмыкнула я торжествуяюще.

— О да, ты меня сделала. — Подтвердил блондин и в его устах эта фраза прозвучала несколько иначе.

Сверху, со стороны кухни, послышался какой-то шум и мы поспешили встать с матов, чтобы подняться наверх.

— Спасибо тебе. — Всё-таки сказала я, крепко пожав руку своего нового и очень необычного напарника.

— Мне это было в радость. — Ответил он, сжав мою руку.

В растрёпанном после сна и тренировки виде мы вошли в кухню и обнаружили там нарушительницу режима. Провидица стояла у мойки со стаканом воды в руке и как раз принимала своё лекарство. Кухонные часы показывали без четверти восемь — самое время для завтрака. Не знаю как Ян, а я наконец-то дьявольски проголодалась. Но сперва следовало дать девушке нагоняй — если так это оставить, она будет продолжать скакать на своих двоих, злостно нарушая предписанный режим.

— Элис! Ты какого чёрта вылезла из постели? Если тебе была нужна вода, следовало

позвать кого-нибудь из нас. — Эх, видел бы меня сейчас Кирилл, сама строгость и добродетель.

— Не хотела вас беспокоить. К тому же, я вполне свободно могу передвигаться сама, мне уже гораздо лучше.

Не знаю, кого именно пыталась убедить подобными аргументами бледная тень, синяки под глазами которой были размером с пятак. Известный прокуратор драматургии сказал бы своё убийственное «не верю!».

— Я сейчас соберусь и пожалуй поеду домой, хватит уже прятаться неизвестно от чего. — Упрямо продолжала провидица, не смотря на отсутствие положительной реакции на наших с демоном лицах.

— Ты совсем рехнулась, да? «Я пожалуй поеду домой», — издевательски протянула я, посылая к чертям мину доброй подружки, ибо таковую не являюсь. — Может, тебя ещё и головой приложить успели? Даже думать не смей и шагу ступить за порог этого дома, пока мы не уладим вопрос с избившими тебя гадами и не обломаем коготки одной похотливой суке, пригревшейся на твоём наследстве.

С каждым словом гримаса боли всё явственнее проступала на бледном лице, боль плескалась в синих как море глазах. Я ощутила предостерегающее прикосновение демона к своему плечу, но притормаживать не собиралась: если сейчас не раскрыть ей глаза и не заставить посмотреть в мерзкую харю правды, она так и останется жертвой. Тогда никто не сможет помочь этой девушке.

— Вы. ты говоришь о тёте? — её голос предательски надломился на последнем слове.

— Можешь называть как угодно — суть от этого не изменится. Ей плевать на тебя, так что прекращай её выгораживать и начни жить своей жизнью, не оглядываясь на паразитирующего на тебе тирана, не считая себя уродцем и изгоем, как внушала тебе она.

Возможно, это было жестоко, но если постоянно сыпать на пилюлю сахар, она в конце-концов утратит своё целебное действие. Видно, я попала в точку: из глаз провидицы покатались две тяжёлые слезы, потом она зажмурилась, помотала головой и вновь посмотрела на меня. Теперь её глаза были сухи и излучали горечь пополам с решимостью.

— Ты права. Но я не хочу отвечать злом на зло, перееду подальше от неё, уйду из её жизни..

— Отлично. В таком случае, будь добра ещё трое суток побудь недвижимой немощью, как и велел доктор. Потом мы вместе отправимся за твоими вещами. Ян?

— Я полностью согласен с Никой, Элис. Тебе нужно отдыхать и восстанавливать силы. — Мягче чем я, но не менее уверенно высказался блондин.

— Но..- девушка упрямо мотнула головой, не желая сдаваться.

— Кровать и диван, если пожелаешь, в твоём распоряжении. Я сейчас закажу еды и будем завтракать. — Отрезала я, набирая номер ближайшего супермаркета с сервисом доставки.

— Ника..

— Да? — Обернулась я, приподняв бровь в ожидании новых возражений. Но их не последовало.

— Спасибо. — Прошептала провидица и совершенно неожиданно меня обняла. Это напомнило мне не самый любимый мною эпизод нашего с нею знакомства, когда она находилась во власти суккуба. В замешательстве покосившись на Яна, я приобняла её в ответ, после чего демон проводил девушку в гостиную. Покончив с заказом, который был

довольно внушителен — в доме закончились все припасы и если раньше я обходилась чем и когда придётся, то теперь возникла явственная необходимость в нормальном питании — я поднялась на второй этаж, наконец-то сбросила вчерашние шмотки и влезла под душ.

Отец Кирилл любит повторять, что «блажен тот, кто верует». Думаю, стоит добавить к этому ещё и «тот, кто имеет горячую воду, товарищей и чьи враги канули в кровавую Лету». Оказывается, для полного блаженства мне не хватает самой малости — кровавой реки.

*По не пройденным тропам не прожитых дней
Одиноко блуждает остывшее пламя.
Я смертельно жива и живучих смертей
Мне бояться велит коллективная память.*

*Для чего и к чему? В сигаретном тумане
Всё сложнее найти долгожданную дверь,
За которой не властна завеса обмана,
Тот порог, что найдём лишь ценою потерь.*

*Так светла и темна, так покорна и властна,
Так понятна и так невозможно сложна -
Наша жизнь столь красива, что, право, ужасна
Так бесценна, не стоя порой и гроша..*

*Наша память не знает границ забывания,
Наша радость не скоро просохнет от слёз.
Мы так рьяно спешим опоздать на свидание
Со счастливой и самой несчастной из звёзд..*

*Мне так страшно... Поищите глаза открываю.
Одиноко... И тесно среди тучи людей.
Я не склонна грешить, но не грежу о Рае -
Просто что-то ищу среди чувств и смертей..*

Р.Т.

Стоя под тугими струями, льющимися из душа, я будто смывала с себя грязь вчерашнего дня. В моей жизни понятие грязь не ограничивается потом и микробами, увы: сюда входят сцены извращений, кровь, зловоние вспоротых внутренностей и разлагающихся личностей, гибель морали, загаженность душ. Вот только интересно, хватит ли всей воды и щёлочи мира, чтобы вымыть с моей частной свалки всю скопившуюся в ней гадость? Да, пошло всё! Какая к чёрту разница? Просто помойся, оденься, поешь и вали по своим делам! Всё просто. Главное не думать слишком много.

Энергичные движения мочалкой в конце-концов придали бледной коже розоватый оттенок, активизировалось кровообращение.

Кровь... Как же она многогранна: в ней жизнь и смерть, соль и сладость, она дорога и при этом ужасающе мало стоит. В моей жизни ей досталась главная партия, роль примы.

В какой-то момент горячие струи показались едва ли тёплыми, по сравнению с температурой моей кожи; будто кто-то забрался внутрь и не переводя дыхания раздувает мехами спящее пламя. Но это не ярость... Нет, её я ни с чем не спутаю, здесь другое... Что-то происходило и я никак не могла понять что именно: в одно мгновение я стою под душем

и смываю с почти ободранной от излишних усилий кожи ванильную пену, а в другое уже прижимаюсь к прохладному кафелю стены, в надежде хоть немного остудить пылающую кожу. Что же... Что это?.. Вспомнила. Чёрт меня дери, если при встрече с Зепаром и когтистым инкубусом я не испытывала нечто подобное! Но почему сейчас?

С трудом сфокусировав замутнённый взгляд, я внимательно оглядела ванную комнату — никого и ничего. Секунду спустя в низу живота будто что-то натянулось, нервные окончания сошли с ума и я рухнула вниз во власти неконтролируемого жара и судорог. О нет... Нет, нет, нет... Что за тварь со мной это вытворяет?!

Происходящее могло доставить невероятное наслаждение, если бы не одно «но»- я никому не позволяла пичкать себя ментальными афродизиаками. А сейчас какая-то сволочь именно этим и занималась. В борьбе с собственным телом победить гораздо сложнее, чем в сражении с внешним противником. Но я поклялась себе никогда больше не быть беспомощной, не быть в чьей-то власти. Никогда больше. Проглотив проклятый стон, рвущийся из горла, я скрипнула зубами и прошипела так громко, как только позволяло участвовавшее прерывистое дыхание.

— Что. Ты. За. Тварь?!!

В голове сотней ползучих гадов рассыпался чей-то омерзительный смех. Омерзительный, потому что этот голос вызвал в моём теле очередной спазм удовольствия. **НЕНАВИЖУ.**

«Я тот, на чью собственность ты покусилась, маленькая экзорцистка. Ты бросила вызов моей власти, так ощути же её на собственной шкурке! Как тебе это?» — За его вопросом последовал ещё один оргазм, настолько сильный, что я распласталась на холодном кафельном полу и билась, как выброшенная на сушу рыба.

— Вы демоны — все поголовно извращенцы, — просипела я, когда дыхание немного пришло в норму. — Кто ты, мать твою, такой и как проник в моё сознание?!

«Мм, мы ещё огрызаемся, а? Неужели ты думала, что так называемая «благодать» может защитить тебя от собственного тела? Наивная девочка... - цокнул он языком, пока я судорожно заглатывала влажный от пара воздух. — Я Эрос, мне подчиняется всё страстное в человеческой натуре. Вчера ты проявила жалость к моему зверёнку, а жалость — лазейка к симпатии. Симпатия и страсть ещё ближе друг к другу — таким образом, я пробил твою защиту, сладенькая. Пока я ласков, но если ты ещё хоть раз сунешься на мою территорию — я сломя тебя.»

Жар плавил меня изнутри, грудь болела, а нервы будто током било. Из глаз лились слёзы, но я не плакала — просто ещё одна реакция предательского организма. Во сто крат жарче вызванного демоном возбуждения во мне горело холодное пламя ярости. Кто бы ни был этот демон, насколько бы он не был силён, я знаю точно: он не жилец.

— Я тебя... Уничтожу... Урод. — Эти слова — всё, что мне удалось выбить у завладевшей мной силы. Потом, под успевший стать ненавистным смех, пришла темнота....

Стук вторгся в вязкую черноту, в который дрейфовало сознание. Громкий, требовательный стук, грозящий скорыми разрушениями. Веки с некоторым усилием разлепились и моя воля заставила расслабленные, ставшие похожими на желе, мышцы исполнять указания мозга. Жалость к себе, сетования на несправедливость и обвинения детей дьявола в сексуальных домогательствах — на всё это у меня нет времени. Это для тех, кому не приходится решать вопросы жизни и смерти, для тех девушек, которые стонут о

сломанном ногте. Не для меня. Ян был близок к тому, чтобы проломить дверь своим телом и я, прочистив пересохшее горло, наконец отозвалась:

— Выбьешь дверь — чинить будешь сам.

— Я готов рискнуть, если ты не покажешься мне на глаза через пятнадцать секунд. — Голос у него был напряжённый. Неужели почувствовал вторжение демонической силы? Сейчас узнаем... Вот только соскребем себя с пола... Ага. Я поднялась с холодных плиток и, обернувшись большим банным полотенцем, открыла дверь. Полотенца у меня были чёрными и произошедшее напомнило почему: чтобы не расслабляться даже в ванной комнате. Я нарушила правила, совершила промах. И отвечать за это будет говнюк по имени Эрос!

Блондин вломился в комнату, вихрем промчавшись мимо, и первым делом просканировал помещение на предмет посторонних агрессоров. Затем столь же внимательно осмотрел меня. На данный момент, единственным агрессором здесь был он сам: от него тёмными волнами исходила сила, неприятно задевая мои, всё ещё слишком чувствительные, рецепторы.

— Что случилось? Я не засёк демонического присутствия, но чую чей-то ментальный след. Тёмный след. — зелёные глаза метали молнии.

— Ничего особого не случилось. Так, один озабоченный мудак заскочил по-соседски в мой мозг и мы мило поговорили. — Ответила я, криво оскалившись. Не собираюсь показывать, что внутри поселился противный червячок страха.

— Демон. Что он с тобой сделал? — Гневный выброс демонской энергии заставил меня вздрогнуть и сорваться на рык.

— А ну прекращай нахрен разбрасывать свою энергию!!! Только этого мне сейчас не хватает!

Блондин всё ещё был зол, но моё явно взвинченное состояние заставило его заглушить свои эмоции. Молодчина. Адски хочется кого-нибудь зарубить, ощутить запах горящей в священном пламени демонической сущности... Нет, Ника. Стой! Спокойно, иначе в следующий миг ты набросишься на Яна... Я сделала пару длинных выдохов, несколько глубоких вдохов и взяла себя в руки.

— Всё в порядке, я справлюсь. — На этот раз мой голос звучал ровно и спокойно, никаких эмоций, ни следа истерики. Умница.

— Я должен знать, что тебе угрожает. Напомню, если ты забыла, что мы с тобой напарники. — Понятно, что сталь в словах демона предназначалась не мне, но желание взбрыкнуть и напасть в ответ от этого меньше не становилось.

— Хорошо. Ты прав. Расскажу как только оденусь, идёт? — Пришлось сделать над собой усилие, чтобы подавить свою не терпящую уступок сущность. Но, в конце-концов, он действительно теперь мой напарник.

— Идёт. — На губах блондина читалось лёгкое подобие улыбки.

— Чего это ты ухмыляешься?

— Просто удивлён, что ты до сих пор не набросилась на меня, учитывая то, как крепко сжаты твои кулаки. — Тихо, без тени издёвки, заметил падший.

Теперь и я обратила на это внимание. Стоило разжать пальцы, как на внутренней стороне ладони проявились заполненные кровью полумесяцы.

— Сама удивляюсь. Но если ты в течение пяти секунд не окажешься за дверью, всё ещё может измениться. — Огрызнулась я, хотя от присутствия блондина стало гораздо лучше. Ненавижу себя за это, но рядом с ним было спокойнее.

— Уже ухожу. — Кивнул он, развернулся, вышел и закрыл за собой дверь.

Оставшись в одиночестве, я от души саданула кулаком по стене. На мраморно-зелёной поверхности кафеля расплзлась сеточка трещин. Стало легче. Снова встала под душ, — на этот раз ледяной — смыла с тела призрачный след случившегося и почувствовала себя опять в своей тарелке, а не на вертеле. Отлично.

Ян вышел через дверь, ведущую в спальню для гостей — ту, в которой временно обитала провидица, — так что я спокойно прошла через дверь напротив в свою комнату прямо в полотенце, не беспокоясь о том, что кто-то меня увидит. Как раз во время моего рытья в шкафу снизу раздался раскатистый звон. Не знаю почему, но все инстинкты возопили об опасности. Может от того, что мой порог слишком давно никто не посещал. Не прошло и двух минут, как я уже одетая в чёрную майку и широкие штаны цвета хаки спустилась вниз. Перед моими глазами развернулась вполне обычная (правда, не для этого дома) мирная сцена: Элис расставляет столовые приборы на широкой поверхности журнального столика, а Блондин принимает пакеты из рук служащего доставки. Ничего особенного: коренастый паренёк среднего роста, кепка, форменная одежда с эмблемой супермаркета; на вид лет двадцать — двадцать пять. Кивнув парню в знак приветствия, я направилась к стоящему у входа старинному комоду. В левом выдвижном ящике лежали наличные, как раз на такие случаи.

— Можешь отнести продукты на кухню?

Блондин согласно кивнул, поудобнее перехватил пакеты и сделал шаг в сторону арочного прохода. Отсчитав нужную сумму, я почувствовала неприятный зуд на коже. Всё ясно.

— Элис, быстро на кухню!!! — Крикнула я провидице, но та замерла на месте.

Стук. Пакеты выпали из рук Яна, когда он резко развернулся. Взгляд привлёк крупный апельсин, оранжевым коlobком подкатившийся к ногам провидицы.

Лицо разносчика моментально преобразилось, его исказила мерзкая гримаса. Им завладел демон. Доли секунды хватило на то, чтобы разум совместно с инстинктами обработал данные и вывел решение. Издав радостный клич, я рванулась вправо, вцепилась в горло противнику и прижала его спиной к стене. Одновременно с этим моя нога пнула тяжёлую дверь, скрыв нас от взглядов случайных свидетелей. Ну вот и представился повод оторваться, выплеснуть свою злость!

Ян уже приближался к нам со спины, собираясь мне помочь.

— Не надо, — прорычала я сквозь зубы, — этот гадёныш мой. Уведи Элис.

— Ладно. — в голосе блондина чувствовалась доля разочарования.

— Нет. Я хочу остаться. — Это подала голос провидица.

Ну всех на фиг, я жажду мести! Всё своё внимание обратив на хрипящего и бешено вырывающегося демона, я вовремя успела увернуться от мощного удара ногой в живот. Жаль, что нельзя поджарить... Двинув его в ответ, сорвала с головы металлический зажим и полоснула острым концом по запястью. Мокрые волосы рассыпались по спине и плечам, а из пореза выступила кровь. Ткнув пальцами в рану, я перехватила несущегося на меня одержимого и мы вместе рухнули на ковёр. Эх, ведь можно было бы разрубить... Несколько быстрых движений для того, чтобы размазать свою кровь по лбу и коже на запястьях парня, пара ударов, чтобы сломать ребро и осталась самая малость.

— Vasculum! Сковываю тебя своей кровью и властью Божьей! Amen.

Всё. Сосуд обездвижен и демон некоторое время не сможет контролировать тело, он

слишком слаб.

— Сука! Ты. хрр.. — Стальная хватка моих пальцев, сжавших трахею, не дала ему договорить. В синих демонских глазах блеснуло торжество. Странно.

— Кто тебя послал сюда, тварь?! — прорычала я, еле сдерживаясь.

Пришлось ослабить нажим, чтобы демон смог использовать человеческий голос.

— У меня сообщение от Эроса. Если ты ещё раз вторгнешься на территорию хозяина, он уничтожит тебя. И с лёгким паром! Надеюсь, тебе понравилось.. — Сказав так, а точнее прохрипев — при напоминании о случившемся в душе, мои пальцы едва не раздавили его горло — демон покинул сосуд.

Помню как тело трясло от ярости и неудовлетворённой жажды мести, как две пары рук оттаскивают меня от потерявшего сознание служащего... Взгляда на ни в чём не повинного человека, валяющегося на полу, было достаточно для того, чтобы привести меня в чувство.

— Пустите, — я говорила спокойно, — всё нормально. Я себя контролирую.

Первыми разжались пальцы Элис; Ян задержал свои руки на моих плечах, неувлимо успокаивающе их погладив.

— О чём говорил этот демон? На тебя кто-то напал, пока ты была в душе? — Взмолвлено спросила провидица.

— Ерунда, забудь. Я тебя напугала, да? — Тонкие пальцы заметно дрожали, только вот трудно сказать по какой причине.

— Не ты. Всё нормально, я не такая уж хрупкая, чтобы прятать меня от каждого слабого демона. — В её голосе звучала обида. Нет, ну надо же, котёнок считает себя тигром? Или это просто сила характера?

— Хорошо, — медленно проговорила я, стряхивая кровь с заживающего запястья и с новым интересом разглядывая девушку, — Когда ты поправишься, можешь хоть за ручку с демонами гулять. А пока давай обойдёмся без новых травм, договорились?

— Договорились. — Ответила она и гордо расправила плечи, несмотря на боль в рёбрах. Мне показалось или в синих глазах мелькнул вызов? Что ж, интересно.

Провидица вышла и я было подумала, что обидела её, но как бы не так: она вернулась с мокрым полотенцем и, не говоря ни слова, склонилась над парнем из службы доставки. Несколько энергичными, но осторожными движениями, она отёрла мою кровь с его кожи, поправила одежду и нацепила слетевшую во время борьбы кепку на тёмную вихрастую макушку. Хм, очень предусмотрительно. Кажется, я её недооценила.

Закончив приводить его в порядок, девушка обернулась и встретила с моим слегка удивлённым взглядом.

— Трудно было бы объяснить этому человеку, почему он находится в таком растрепанном виде и откуда взялась кровь. — Она пожала плечами. — Я просто хочу быть полезной.

— Хорошая работа. — Поймав её лёгкую улыбку, я повернулась к странно молчаливому демону. — Ян? Ты здесь?

Он поднял опущенную голову и посмотрел на меня потемневшими глазами. Ч-чёрт! Так, у нас мало времени.

Элис тоже заметила состояние падшего и судорожно сглотнула, бросив в мою сторону вопросительный взгляд. Я покачала головой и одними губами сказала: «Не подходи к нему». Она неуверенно кивнула, а я наклонилась к бессознательному разносчику и вlepила ему пощёчину. Сработало. Парень широко распахнул серо-зелёные глаза и стал непонимающе

оглядываться.

— Эй, парень? Ты в порядке? — Понадобилось усилие, чтобы изобразить удивление, а обеспокоенность итак присутствовала.

— Не знаю. Как я оказался на полу?

— Ты отдал мне пакеты и неожиданно вырубился. Тебе стоит показаться врачу. Сам идти сможешь или вызвать такси?

— Ага. Нет, я в норме... У меня ещё два заказа. Вы только товар оплатите и я пойду. — Он поднялся на ноги, протёр глаза и кажется окончательно пришёл в себя. Повреждения, которые я нанесла одержимому, почти сразу же залечил владевший им демон — никаких вещественных доказательств.

— Конечно. Вот, держи. — Я протянула требуемую сумму и положила сверху двойные чаевые — всё же парень пострадал из-за меня, пусть и косвенно.

— О, спасибо.

— Пока-пока! — Выпроводив постороннего свидетеля как можно скорее, я почувствовала небольшое облегчение.

Яна била крупная дрожь; кулаки сжимались и разжимались. Он был на грани.

— Надеюсь, сейчас ты не будешь со мной спорить, — я обращалась к провидице, — это опасно.

— Но ты..

— Для тебя. Я сталкиваюсь с демонами ежедневно, не волнуйся. И не спорь, мы теряем время. Пока мы с Яном разговариваем, ты не могла бы разогреть содержимое вон той коробочки? — я указала на выглядывающую из пакета красную упаковку.

— Конечно. Сейчас... - она взяла себя в руки, подняла нужный пакет и, в последний раз опасливо оглянувшись на нас, удалилась на кухню.

Вздыхнув, я повернулась к блондину. Что ж, была у меня парочка мыслей о том, что делать со взбесившимися демонами, но... Но передо мной не просто демон и причинять ему боль в то время, когда он дошёл до такого состояния из-за меня — последнее дело. Что же так вывело его из себя?

— Ян? Ты слышишь меня? — С каждым шагом беспокойная демоническая энергия ощущалась всё более остро. Падший обладает огромным резервом и это было болезненно. Обычная моя реакция при столкновении с такой ситуацией — убить. Мы оба сдерживались, с той лишь разницей, что мне не приходилось бороться с двумя своими сущностями, а вот Ян был в меньшинстве.

— Бб... Беги... - прошептал он и зелёные глаза заволокла тьма.

Сила буквально распирала его, подогреваемая сильными эмоциями, рвущаяся на свободу; та его часть, что является демонической. Дикая и необузданная.

Я подходила ближе, игнорируя предупреждающий рык. Чёрный дым — признак потушенного адского пламени — струился с кончиков его пальцев.

— Всё хорошо. Скажи мне, что с тобой? — я остановилась напротив него, на расстоянии вытянутой руки.

— Эррросс... Он хоччет... подчинить тебя.. — Поза демона выдавала страшное напряжение, как перед прыжком. С губ срывались слова пополам с рычанием.

— Тихо. Успокойся. Он может хотеть чего угодно, но меня не получит.

— Н-не могу..

Ян запрокинул голову и яростно закричал. От этого звука у меня внутри всё сжалось, по

кожѐ пошли мурашки. Будь это кто-то другой — он уже был бы мѐртв. Но я ничего своего не отдаю. Больше не отдаю.

Я прикинула расстояние от узкой двери, ведущей в подвал, до потерявшего контроль напарника. Два метра вправо и ещё метр назад. Думаю, выйдет. Начнѐм. Разогнавшись с места, я бросилась на блондина и ухватила за него, всем своим телом регулируя направление нашего движения. Четыре удара сердца и вот, мы уже врезаемся в нужную дверь; она распаивается внутрь, ступени деревянной лесенки отбивают ритм на наших спинах. Тренировочные маты смягчают падение. Демон тут же вскакивает и я одновременно с ним. Он разъярѐн и больше себя не контролирует. Последний миг на раздумья и решение: если возникнет необходимость, я смогу его убить.

А дальше только неистовая схватка — совсем не то, что наш недавний спарринг. Здесь нет правил. И Яна тоже нет. Но даже так он старался не нападать на меня; большинство атак было спровоцировано мною, иные стали следствием потери контроля — потоки демонических энергий совершенно хаотично срывались с его ладоней. Моей целью было дать ему выпустить пар. Ничего, если меня при этом немножко помнут — он ведь принял за меня клинок, закрыв своим телом. Терять ещё одного напарника я не собираюсь.

Мы колошматили друг друга уже с четверть часа, но толку почти ноль; глаза демона по-прежнему были черны. В какой-то миг меня с нечеловеческой силой прижали к матам, железная хватка на предплечьях не позволяла шевелить руками. Подтянув ноги, я подогнула их в коленях и со всей силы впечатала демону в живот. Хватка на мгновение ослабла и это дало мне возможность поменять позицию. Оказавшись сверху, я использовала слабое подчинение, сковав демона буквально на несколько мгновений. Но и этих мгновений хватило для того, чтобы вгрызться зубами в свежий порез на запястье и заново пустить кровь. Это не было безболезненно, но что такое для меня боль? Привычное явление. Разжав блондину рот, я удерживала рану над его губами таким образом, чтобы кровь попала внутрь. Когда натекло достаточно, специальный приём помог заставить падшего проглотить. Не знаю, что навело меня на мысль сделать именно так — просто интуиция, инсайт. Тем не менее, моя кровь возымело действие. Ян резко дѐрнулся подо мной, судорожно вздохнул и тьма в его глазах рассеялась.

Вот только ей на смену пришла боль. Страшная боль, вызывающая всё повторяющиеся конвульсии. Блондин метался на грани между сознанием и беспамятством; его руки рефлекторно вцепились в мои волосы, сжали влажные после душа пряди, притягивая к себе. Ещё миг и горячие губы прижались к моим. Слишком горячие. Я могла бы вырваться и оставить его с этой болью, а могла бы остаться и помочь. Погрузив пальцы в рассыпавшиеся по мату льняные волосы, я ответила на поцелуй. Это не было чем-то романтическим или возбуждающим, просто помощь товарищу: как сдать кровь, если твоя группа подходит. В конце-концов, если ты готов убить за кого-то, то можешь позволить и такую малость как поцелуй. Но бывают и случаи, когда за такую малость как поцелуй можно убить.

Наконец, Ян пришѐл в себя. Мертвенная бледность разлилась по его лицу, когда он понял, что только что сделал. В изумрудных глазах отчѐтливо виден страх. Вина. Раскаяние. Кажется, физически блондин был в полном порядке, так как с молниеносной скоростью поднялся вместе со мной, поставил меня на ноги и тут же опустился на колени, с болью заглядывая в глаза.

— Прости, Ника. Ты была вправе меня убить, когда...- в голосе читалось то же, что и в глазах.

— Знаешь, за что я сейчас готова убить?— прервала я его излияния, сохраняя пустое выражение на лице.

— За что же?

— Я убью любого, кто ещё хотя бы на пять минут отдалит меня от возжеленной расправы... Над завтраком. — От реакции демона на мои слова я не выдержала и расхохоталась. Наверное, тут была и доля истерики. В любом случае, мы прошли через это и остались живы. Чем не хороший результат?

* * *

Конечно, моя мина «а-ничего-собственно-не-случилось» не могла полностью прогнать неловкость, вдруг возникшую между нами, но достаточно разрядила опасно накалившуюся атмосферу. Пока что этого было достаточно. Достаточно для того, чтобы мы с блондином спокойно покинули разгромленный совместными силами подвал и помогли Элис с сервировкой завтрака. Вот же блин, уже половина десятого! Полтора часа задержки не пришлось по вкусу моему пустому, вот уже на протяжении восемнадцати часов, желудку. Так недолго и в голодный обморок упасть. Провидица искоса рассматривала нас; наверное, хотела убедиться, что мы друг друга не покалечили. Что ж, физически каждый из нас, за исключением самой девушки, находился в прекрасной форме — разминка пошла только на пользу.

И вот этот миг настал: трое людей (а точнее, трое не совсем людей) сидели за сервированным журнальным столиком в гостиной дома, больше двух лет не видевшего такого скопища народа. Не знаю как дому, а мне было странно. Но, как бы там ни было, в данный момент я собираюсь получить наиболее полный кайф от уничтожения ароматных, золотистых блинчиков с творогом и большой кружки горячего шоколада. Ммм... Видит Бог, я готова позволять колошматить себя каждое утро, если потом меня будут так кормить... Ха-ха, ну это шутка, влияние блинчиков.

Даже Яну не удалось отвертеться, я заставила его слопать всю порцию. Судя по едва различимым мимическим реакциям, ему это доставляло не меньшее удовольствие, чем нам с провидицей.

— Знаете, — прервала девушка наше молчаливое хрумканье, — это самое насыщенное событиями утро в моей жизни. И самый вкусный завтрак! — Добавила она, слизнув с пальца капельку творожной начинки.

— Мне тоже понравилось, — отозвался падший и мгновение спустя улыбнулся, тут же спрятав поблёскивающие глаза за льняной завесой волос, — кхм, всё.

Я поперхнулась, подавив злостное шипение, вызванное воспоминаниями об этом «всём». Пришлось спешно погасить свою бесполезную злость шоколадом, всё равно она ничем не поможет. Мне кажется или я становлюсь умнее? Хотелось бы думать.

— Да, — кивнула я провидице, перетаскивая на свою тарелку ещё один блинный рулетик, — ничего так утречко.

* * *

Общими усилиями посуда была убрана и вымыта. Потом мы сидели в гостиной и разговаривали. Обсудили сегодняшнее нападение, если можно так выразиться. Я в общих чертах рассказала Яну о сути претензий Эроса, естественно, опустив сцену в душе. Ян разделял мою догадку о том, что Эрос и есть таинственный владелец «Червоны», а причиной агрессии стало «похищение» Златана у него из-под носа и нападение на его сотрудников. Что-то в том, как блондин говорил об этом демоне наталкивало на мысль о могуществе последнего. Я прямо спросила у Яна, что он знает об этом засранце, но падший ушёл от ответа, не пожелав обсуждать вопрос при провидице. Прямо он этого конечно не сказал, но суть я уловила, так что разговор был отложен до моего возвращения из департамента.

Потом в беседу включилась Элис, устроившаяся с книжкой на диване. Она рассказала о своей семье, о проявлении дара видения и жизни с Анной. Оказалось, что её родители были довольно преуспевающими бизнесменами и после их гибели в автокатастрофе всё имущество было продано, а деньги вложены в банк. Сумма являлась достаточной для того, чтобы проценты от неё обеспечивали Элис с тётей безбедное существование. Дом тоже принадлежал девушке, что окончательно укрепило меня во мнении о корыстной природе Анны.

Мне было интересно послушать о том, как появился и развивался дар провидицы. Судя по всему, ей эта сила также не принесла счастья: с двенадцати лет Элис перевели на домашнее обучение, а после досрочного окончания школы, она получила диплом по мифологии и религиоведению. Тут сыграл роль тот факт, что в своих видениях девушка часто наблюдала непонятных существ, сверхъестественные явления, не поддающиеся логическому объяснению. Мне подумалось, что у нас, на самом деле, много общего.

Где-то в половину двенадцатого я оставила Элис и Яна, углубившихся в беседу о классификации демонов, в гостиной и поднялась к себе, чтобы выбрать более подходящий наряд для визита в департамент Министерства внутренней безопасности Западной Славянской Федерации. Признаться, предстоящая встреча вызывала некоторое волнение. Я спешно прокручивала в голове всё, что знаю о нашей политической системе и о полицейском департаменте, в частности. Ещё двадцать лет назад ни о какой Славянской Федерации и речи не было, но правительства Польши, Чехии и Словакии решили вдруг создать альянс. Существование в составе Евросоюза перестало их устраивать, не радовало и слегка пренебрежительное отношение со стороны более «развитых» европейских стран. Население проголосовало и предложение было одобрено.

В несколько раз дольше решался вопрос названия будущего объединенного государства, вариантов представляли массу. В конце-концов решили остановиться на Западной Славянской Федерации. Почему именно так? Всё очень просто: как словаки с поляками, так и чехи относятся к западным славянам. Таким образом, население и земли трёх современных стран объединились, памятуя об общих предках.

«Сквозь века и распри к совместному светлому будущему!» — так любили говаривать наши политики. Не знаю, насколько посветлело грядущее, но экономическая выгода и политический вес нового государства значительно возросли. Территориальное деление переняли у соседней Германии, разделив всю федерацию на четыре федеральные земли: Польскую, Словацкую, Чешскую и округ Милич. Во главе каждой административно-территориальной единицы стоял премьер-министр, а правительство страны возглавлял президент. В соответствии с этим делением существовало также четыре полицейских округа, каждым из которых управлял свой полицмейстер — начальник полиции, которому

подчиняются все полицейские части и ведомства федеральной земли.

Самые жаркие споры разгорелись по поводу расположения столицы. Варшава, Прага и Братислава остались центрами федеральных округов, а новую столицу решили воздвигнуть на месте маленького городка Милич, площадью всего тринадцать с половиной квадратных километров и численностью населения двенадцать тысяч человек. Смехотворно для столицы? Это на первый взгляд. На самом деле, уже через год на месте небольшого приграничного городка начали угадываться очертания современного мегаполиса: к Миличу были присоединены соседние населённые пункты и «наращивание» продолжалось до тех пор, пока не набралось достаточно пространства для приведения в действительность генерального плана нового сердца Славянской Федерации.

Теперь, двадцать лет спустя, крохотный городок вырос до огромной столицы с численностью населения более полутора миллионов человек и площадью, равной пятистам квадратным километрам. Постепенно Милич разросся, обзавёлся собственной инфраструктурой, самобытной экономикой и было принято решение о возведении его в ранг ещё одной, четвёртой федеральной земли. Именно здесь находился центральный офис Министерства безопасности.

Господин Збышек Ковалёв является первым заместителем министра внутренней безопасности, а также обер-полицмейстером, что означает следующее: под его началом находятся полицмейстеры всех четырёх федеральных округов, все специальные отряды и подразделения. Исключение составляют лишь ведомства Министерства военных дел, чья задача контроль и отражение внешних угроз, а также осуществление миротворческих миссий. Хочу подчеркнуть слова «миротворческие миссии», так они действительно носили преимущественно мирный характер. Наше государство, прошедшее через бурное сопротивление некоторых стран его образованию и с большим трудом добившееся признания мировым сообществом, категорически не поддерживало силового вмешательства в политическую, социальную и экономическую жизнь других государств. Результаты общественного голосования по этому вопросу были крайне категоричны, что не может не радовать. Лично я с презрением отношусь к политикам, бросающим своих граждан на убийства и гибель, наращивающим темпы вооружения в погоне за мировым господством и экономической выгодой. Я считаю, что правительство должно ставить человеческую жизнь выше всего прочего, государство должно ориентироваться на людей, а не наоборот. Назовите меня идеалисткой, если посмеете.

С каждой минутой я всё больше хмурилась, перебирая свой гардероб в поисках подходящих вещей. Одежды было полно, вот только большую часть гардероба представляли брюки, джинсы, футболки — в них удобно сражаться и они не требуют особого ухода. Хотя, какого чёрта? Я ведь не на торжественный приём собираюсь, а вступаю в должность! Если департаменту полиции охота иметь в своём составе экзорцистку — пусть получают. В конце-концов, им ведь нужен воин, а не светская леди. Злорадно усмехнувшись, я надела облегающие штаны из тонкой кожи, а к ним шёлковую майку без рукавов. Надо ли говорить о том, какого цвета были эти вещи? Как сказал один из рок-кумиров: если вся ваша одежда чёрного цвета, то проблем с её сочетанием между собой не возникнет. Конечно, стилисты могли бы с этим поспорить... Но кого волнует их мнение? Точно не меня.

Мой любимый булатный клинок пристроился в кожаных ножнах на левом предплечье, а клепаный пояс прекрасно подошёл к брюкам на бёдрах. Волосы, как обычно, были собраны в косу и скреплены атласной резинкой.

В сумку-почтальонку из прочной кожи отправился паспорт, бумажник с наличностью и кредиткой, бутылёк святой воды и пакетик облаток. Задумчиво постояла у туалетного столика и всё таки воспользовалась парфюмом, с наслаждением ощутив лёгкий ванильный аромат. Шнурованные ботинки и мотоциклетная куртка стали последним штрихом и ровно к полудню я была готова.

Что ж, пора. Стоило мне спуститься вниз, как демон и провидица прервали свой разговор и молча уставились.

— Чего это вы на меня пялитесь? — знаю, мой голос звучал недовольно.

— Ты прекрасно выглядишь! — сказала провидица, с интересом меня разглядывая.

— Ну, спасибо.

— Ты куда-то собираешься? — спросил демон, слегка удивлённо приподняв бровь.

— Да, обер-полицмейстер назначил мне встречу в департаменте. Это по поводу моего поступления на службу в новый отдел.

— Я тебе нужен?

— Встреча конфиденциальная, думаю, я справлюсь сама. А вы пока можете расслабиться и отдохнуть, если что понадобится — наличные в ящике комода. Я буду на связи.

— Удачи! — Элис послала мне ободряющую улыбку.

— И будь осторожна. — Это уже Ян.

Я помахала им на прощание рукой и вышла, заперев за собой дверь — запасные ключи лежали на комод.

Поездка освежила голову, причём буквально: я с сумасшедшей скоростью неслась навстречу ветру и чёрный Харлей Дэвидсон чутко реагировал на мои движения, ловко лавируя в потоке машин. Почему я выбрала мотоцикл? Во-первых, ему давно пора было вернуть «жизнь», а во-вторых, мне нужна была скорость. На машине в это время суток особо не разгонишься — пробки не позволят. Это настоящий кайф!

Добравшись до офиса МВБ^[12] я оставила своего коня на прилежащей парковке и уверенным шагом подошла к охраннику у входа.

— Добрый день. Простите, но приёмные часы окончены. Приходите завтра. — Вежливо сообщил он мне. Я криво улыбнулась.

— Добрый. Почему-то мне кажется, что господин Ковалёв всё же сделает исключение.

— Как ваше имя? — Осведомился охранник, будто что-то припомнив.

— Леяника Абданк.

— А, что же вы сразу не сказали! Прошу, господин Ковалёв ожидает вас. Поднимитесь на третий этаж и через приёмную сможете пройти в его кабинет. — Мужчина пропустил меня, улыбаясь одному ему известной шутке. Ладно, чёрт с ним.

Добравшись до кабинета обер-полицмейстера я поняла, что шутка известна всем: каждый встречный либо косился на меня, либо нагло рассматривал и практически все подозрительно ухмылялись. Это нервировало. А когда меня нервируют, моя реакция может быть весьма неоднозначной. К счастью, в последний момент я напомнила себе, что нахожусь в офисе МВБ и здесь не стоит реагировать слишком...м, радикально. Стиснув зубы, я проигнорировала чересчур глазастых, любопытных и улыбчивых и прошла прямо к столу секретаря.

Это была девушка лет двадцати пяти, с собранными в необычный пучок тёмно-русыми волосами и ужасно скучным цветом неимоверно скучного костюма: что-то среднее между

песочным и горчичным. Да, весело.

— Здравствуйте... - начала я, но девушка меня перебила.

— Добрый день, капитан Абданк! Обер-полицмейстер Ковалёв ждёт вас. — Сказала она хорошо поставленным голосом.

— Что значит «капитан»? — Слегка обалдело уточнила я. Может, ослышалась?

— Прошу, вас. — Секретарша уже открыла передо мной дверь.

На бронзовой табличке значилось: Обер-полицмейстер, зам. министра МВБ, З. Ковалёв Н-да. Ничего не оставалось, кроме как проследовать за её приглашающим жестом. Стоило мне войти, как дверь за спиной с едва уловимым щелчком закрылась.

Збышек Ковалёв сидел за массивным письменным столом из красного дерева, на поверхности которого лежали папки с бумагами, довольно представительский набор письменных принадлежностей, чёрный ноутбук и прямоугольный ящичек, перевязанный красной лентой. У него что, день рождения?

— Здравствуй, Ника, — пророкотал высокий, атлетически сложенный мужчина, поднимаясь мне навстречу, — рад тебя видеть!

— Взаимно. — ответила я, пожимая протянутую мне руку, большую и крепкую. — Не так я вас себе представляла.

— Неужели? — спросил он с улыбкой, — Каким же рисовало меня твоё воображение? Мне было бы весьма любопытно узнать. Давай присядем.

Он придвинул мне кресло, поставив его напротив своего, и только тогда сел сам. Хм, джентльмен, да?

— Ну, — протянула я, изучающе разглядывая его каштановые, слегка волнистые, волосы и холодные серые глаза, — старше. Ниже. Грубее.

— Что ж, откровенно. Прошу прощения, что разочаровал тебя. — усмехнулся он, — Открой, пожалуйста эту коробку.

Его рука указывала на примеченный мною ящик с лентой.

— Я? Что в нём? — мне не пришлось изображать удивления, оно было натуральным.

— Это ты мне скажи. Давай, открой! — повторил он.

Что ж. Я подтянула к себе ящик, развязала ленту и нажала на металлическую кнопку. Замочек щёлкнул, крышка легко открылась и рассмотрев содержимое ящика я вопросительно взглянула на Ковалёва.

— Что это значит?

— Ты мне расскажи. Как ты думаешь, что это за вещица? — Повторил он свой вопрос и выжидательно на меня посмотрел. Проверяет? Хм..

— Ой, неужели вы не знаете что это? — воскликнула я в притворном изумлении и тоном музейного экскурсовода продолжила — Перед вами полуавтоматический пистолет Beretta 92, модифицированный. Страна-производитель — Италия. Вес 950 грамм, калибр 9 миллиметров. Двухзарядный магазин, патроны размещаются в шахматном порядке. Ёмкость магазина 15 патронов, используются снаряды Парабеллум 9*19мм, дульная энергия 500 Дж. Имеет сцепленный со стволом затвор, самовзводный ударно-спусковой механизм с открытым расположением курка. Предохранитель механический. Ах да, при стрельбе его можно держать как в правой, так и в левой руке. Представляете? — Я состроила восторженную рожицу.

— Великолепно! Так я и думал. — Серые глаза обер-полицмейстера торжествующе поблёскивали, он едва в ладоши не хлопал и я чувствовала, что меня обманули. — Кто учил

тебя разбираться в оружии?

..Мой отец. Он коллекционировал оружие, оно было его страстью. Поэтому уже с семи лет я умела держать в руках пистолет, в восемь метко стрелять — разумеется, не боевыми патронами, — а к тринадцати годам прекрасно разбиралась во всех основных моделях огнестрельного оружия. После смерти родителей я ни разу не держала в руках пистолета, но отцовская коллекция так и хранится в нашем поместье, закрытом и необитаемом вот уже пять лет. Моим же оружием стал меч, иногда ножи...

— Ника, ты всё ещё здесь? — Голос Ковалёва вырвал меня из тумана воспоминаний.

— Да. Меня учили, в детстве. — Ответила я пустым голосом, без эмоций. — Зачем вам понадобилось устраивать эту проверку?

— Затем, чтобы знать уровень твоей компетентности в этой сфере. Капитан отряда быстрого реагирования при ОТП не может обойтись без личного оружия. Посмотри внимательнее. — Сказал он, подталкивая ящик ещё ближе ко мне.

Я достала пистолет из-под алого бархата и чёрный хромированный ствол с приятно-знакомой тяжестью лёг в руку. Только теперь я хорошенько его рассмотрела: на накладке из матового чёрного дерева был выгравирован образ Ники — греческой богини победы, а на шее у неё поблёскивал крест, выполненный из ярко-красных рубинов.

— Не то чтобы я не оценила символизм, но... Вы всем служащим департамента делает такие подарки?

— Нет, не всем. Это мой подарок тебе в честь назначения и присвоения звания капитана. Поздравляю. И предупреждаю — назад не принимается. — Он выглядел серьёзным, но в глазах читалась улыбка. Ладно, посмотрим.

— Кстати, о пресловутом «капитане». Уж не поэтому ли я удостоилась всеобщего внимания? Вы действительно ни за что ни про что взяли и присвоили столь высокое звание девочке с улицы? Да весь офицерский состав теперь на меня озлобится: обычному полицейскому приходится горбатиться как минимум пять лет, чтобы дослужиться хотя бы до сержанта! Вы шутите? — Я не могла сдержать недоверия и возмущения в своём голосе. Зато, выпустив пар, сразу успокоилась.

Всё время моей тирады обер-полицмейстер внимательно за мной наблюдал. Кажется, моя вспышка была им вполне ожидаема, так как он в конце-концов растянул губы в насмешливой улыбке.

— Нет, я не шучу, капитан. — Последнее слово он выделил, будто нарочно. — И ты не девочка с улицы и не обычный полицейский. Ты — руководитель специального отряда «АнтиТень» и данный случай не имеет прецедентов. Подобное назначение в моих полномочиях, так что всё законно. А вот насчёт отношения офицеров и полицейских — в самую точку. Но неужели ты испугалась недоброжелательных взглядов и спасуешь перед сложностями? — Спросил он жёстко, в его словах звучал вызов.

— Я ничего не боюсь. — Проговорила я, чеканя каждое слово. — И никогда не пасую перед трудностями, господин обер-полицмейстер. Пусть будет капитан, если вам так угодно. Чёрт возьми, ну вы и манипулятор! — Усмехнулась я, когда осознала его игру на своих эмоциях. Злость сразу схлынула и её на смену пришло уважение. — Что ж, господин Ковалёв, работать под вашим начальством будет весьма... мм... интересно.

— Будьте в этом уверены, капитан Леяника Абданк. — Оскалился он.

Глава 10. Игры власть имущих.

Власть над собой — высшая власть.

Л.А. Сенека

Всякая власть есть непрерывный заговор.

Оноре Бальзак

Мы с обер-полицмейстером как раз обсуждали особенности организации вверяемого мне специального подразделения и предполагаемое место расположения штаба, когда в дверь негромко постучали.

— Что там такое, Хельга? — Хозяин кабинета говорил так, чтобы услышали в приёмной.

Понятия не имею, почему они просто не воспользовались коммутатором. В приоткрывшемся дверном проёме тут же появилась русоволосая секретарша.

— К вам посетитель, господин обер-полицмейстер. — Это звучало как утверждение, но на лице Хельги явно читался вопрос.

— Как он представился?

— Посетитель сообщил лишь своё имя. Он назвался Кириллом.

— Пригласите его, Хельга. Я ждал этого человека.

— Прошу вас, проходите. — сказала она, обращаясь к таинственному визитёру.

И почему я несколько не удивилась, когда в кабинет широким шагом вошёл отец-настоятель? Сегодня он надел синюю хлопковую рубашку, застёгнутую на все пуговицы, и тёмные классические брюки.

— Приветствую вас, святой отец! — Ковалёв поднялся и довольно приветливо встретил настоятеля. Я также встала, так как привычка и уважение не позволяли мне сидеть, когда входит наставник.

— Прошу вас, господин Ковалёв, обращайтесь ко мне по имени. Святым меня после стольких сражений вряд ли можно назвать. — Знакомую ироничную полуулыбку сопровождал заинтересованный прищур серо-голубых глаз.

— Что ж, воля ваша. Но тогда и вы зовите меня Збышеком. К тебе это тоже относится, Ника. — Кривая ухмылка полицмейстера предназначалась мне.

Кирилл занял соседнее с моим кресло и мы последовали его примеру.

— Ну, раз вы покончили с обменом любезностями, может кто-нибудь объяснит что здесь происходит? — спокойно поинтересовалась я. Меня действительно интересовало, откуда Кириллу стало известно о моей новой службе. Неужели Кристоф изменил своим принципам и решил ввести настоятеля экзорцистов в курс дела? Не то чтобы я собиралась это скрывать от Кирилла, просто рассчитывала сообщить позднее и лично, когда всё окончательно прояснится. Видимо, у них было своё мнение на сей счёт.

— Конечно, дочка. Здесь нет никакой тайны, господин обер-полицмейстер сегодня утром сообщил мне о намерении привлечь лучшего воина обители к деятельности министерства безопасности. Также он уточнил специфику предстоящей тебе работы и мы согласовали некоторые моменты. Разумеется, окончательное решение остаётся за тобой. —

Пояснил настоятель, заметив моё недовольство — он знает, что я терпеть не могу, когда за меня что-то решают.

— И почему я чувствую себя лошадьёю на торгах? Не важно, можете не отвечать. По здоровом размышлении у меня возник другой вопрос: почему бы вам просто официально не привлечь воинов из обители к работе ОТП? Ведь эти люди представляют собой уже сформированные и слаженно функционирующие отряды. Зачем понадобилось подключать сюда именно меня? — Я выжидательно переводила взгляд со Збышека на Кирилла и намеревалась получить ответ.

Первым заговорил Збышек, предварительно взглянув на экзорциста. Кирилл просто кивнул, выражая таким образом своё согласие и приготовился слушать.

— Сейчас объясню. — Он поудобнее устроился в кресле и положил ладони на полированную поверхность стола. — Я довольно много времени потратил на изучение деятельности экзорцистов вообще и обители, в частности. Как удалось выяснить, пять лет назад по неизвестным нашему министерству причинам — что уже странно, но пока опустим этот момент — все экзорцисты страны, прекратили контакты с Ватиканом, общепризнанной штаб-квартирой изгоняющих дьявола. Все, за исключением обители в Братиславе.

При упоминании о словацком корпусе экзорцистов глаза настоятеля резко сузились, в них сверкнуло холодное презрение. Это не укрылось от внимательного взора полицмейстера, но он промолчал и лишь понимающе кивнул, продолжая.

— Нам также известно, что число пропавших без вести на две тысячи шестой год существенно увеличилось за счёт братии экзорцистов: неопознанные трупы, внезапные исчезновения, полное «неведение» близких и сослуживцев. Я занял свой пост как раз пять лет назад и потому имел возможность лично столкнуться со всей этой мистикой. Разумеется, это заставило крепко задуматься и начать кропотливую работу по внедрению в структуры экзорцистов — кои в то время казались мне лишь церковными фанатиками — специальных агентов разведки. Данные, полученные таким образом, кардинально перевернули всю мою картину мира, — полицмейстер криво усмехнулся, — до того момента я не верил в существование демонов. С помощью агентов разведки удалось получить шокирующие кадры: съёмки одержимых, обрядов экзорцизма, проявления сверхъестественных способностей, убийства. Первой моей реакцией стало намерение устроить широкомасштабную операцию по задержанию всех воинов Христа и уже потом разбираться, кто прав и кто виноват. С этой целью был начат сбор компрометирующих и документальных материалов, способствующих выдвижению законодательно аргументируемых обвинений в сторону определённых лиц. Вас, Кирилл, в первую очередь. Однако..

— Что же помешало вам осуществить свой план, Збышек? — спросила я, когда он замолчал. Настоятель никак не отреагировал на последнюю фразу. На лице полицмейстера сейчас появилось очень сложное для понимания выражение, по крайней мере мне не удавалось его расшифровать.

— В тот вечер я сумел выкроить пару свободных часов и повёз младшую сестру в кино, она давно просилась на какой-то новомодный фильм ужасов. Кто же знал, что ужас экранный поблекнет по сравнению с реальностью? Это было нападение демона, точнее, одержимого демоном человека. Внезапно он просто вышел из себя и стал крушить всё вокруг, калечить людей, разрывать голыми руками. Я к началу событий как раз вернулся в зал — ходил за соком для сестры. Рыжий вихрастый подросток бесстрашно подбежал к

монстру в человеческом обличье и попытался его остановить. Разумеется он тут же был отброшен мощным ударом последнего и только чудом ничего себе не сломал. Наши места находились в том же ряду и, крикнув предупреждение всем пригнуться, я выстрелил. Стрелял на поражение. Потом разрядил в него всю обойму — никакого эффекта, все ранения тут же затягивались, а пули оставляли после себя лишь окровавленные дыры на одежде. Я искал взглядом сестру, но никак не находил. Свет погас. Ещё не привыкнув к повисшему мраку, я сумел различить смазанное движение, но не успел ничего предпринять... Одержимый рванулся в сторону и схватил Марту; он держал её за горло и смеялся... В проходе появилась девушка и тут же, полоснув себя ножом по предплечью, бросилась на него. Послышался хруст и, следом за ним, хриплый вскрик сестры. Он отбросил безжизненное тело Марты к моим ногам — я наконец сумел пробраться через поддающуюся панике толпу — и в тот же миг девушка прижала демона к полу всем своим весом. Что-то чертя кровью, она яростно выкрикивала текст на латыни.

Я помнила тот случай. Чуть больше двух лет назад. Одержимый был братом Всеслава. Вот только я понятия не имела, что в зале присутствовал обер-полицмейстер. Как же тогда удалось замять дело?

— Та девушка... Значит, ваша сестра погибла? — Парень тогда, кажется, успел сломать ей позвоночник. Надо отдать должное Збышеку — он держался великолепно, максимально контролируя свои эмоции.

— Нет. Повреждения позвонков были достаточно серьёзными, но не смертельными. В пятнадцать лет Марта оказалась прикована к инвалидной коляске. — Он снова будто сковал все эмоции, отбросив их прочь. — Ты тогда сразу исчезла, я успел разглядеть лишь твои кроваво-алые волосы. Прямо из больничной комнаты ожидания я начал работу по твоему поиску, разработку версий. Пострадало восемнадцать человек, а «преступник» совершенно ничего не помнил о своих действиях. Павел Новак, восемнадцатилетний парень, занимавшийся плаванием и имевший второй юношеский разряд, ранее никогда не привлекался ни к уголовной, ни к административной ответственности. Он на полгода попал в психиатрическую клинику. Я дал ориентировку на тебя во все подвластные мне структуры, а нашёл благодаря случайности: Кристоф — старый товарищ моего дяди — как-то упомянул о тебе в разговоре с ним. Тогда лишь я понял, кто ты такая — хотя мог бы догадаться и раньше, глупец. Остальное время ушло на продвижение законопроекта и легализации специальной службы. Не буду даже упоминать каких только эпитетов мне пришлось наслушаться от своих коллег и членов правительства, но, в конце-концов, высшее разрешение было получено. Остальное ты знаешь.

— Знаю, кроме одного момента — из вашего рассказа всё-таки не ясно, почему вы не желаете привлечь опытное войско, а собрались набирать офицеров в новый отряд из спецназа? — Не отступалась я. Что было, то прошло — меня больше волнует настоящее.

— Кирилл, может, лучше вы ей это объясните? — Обратился полицмейстер к молчавшему всё это время настоятелю.

— Конечно. — согласился тот и его взгляд стал ещё на йоту серьёзнее. — Как ты знаешь, Ника, мы обособлены от Ватикана и иностранных корпусов, подчиняющихся воле последнего. Это, разумеется, совершенно не устраивает католическую церковь. Духовенство стремится централизовать всю власть и ресурсы в своих руках, ведь ничто человеческое им не чуждо. Твой феномен мы храним, как государственную тайну, потому что стоит Ватикану узнать о твоей силе, они никогда не оставят тебя в покое. Именно поэтому я так и не

включил тебя в состав отрядов и не возражал против твоего проживания вне обители. Да не кривись так, я понимаю твоё удивление, но у нас просто не было другого выхода.

— Допустим. — сказала я сквозь зубы. — Что ещё вы от меня утаиваете?

Наставник поморщился, но не стал оправдываться и продолжил.

— Штаб-квартира каким-то образом прознала о планах нашего министерства безопасности в лице господина Ковалёва и поставило ультиматум: если корпус экзорцистов будет привлечён к работе на правительство и каким-то образом рассекретится информация о нашей деятельности вкупе с фактом существования демонов, став доступной широким массам, Ватикан спровоцирует политическую катастрофу.

— То есть?

— Наша страна только-только укрепилась в мировом сообществе, правительства многих экономически развитых стран всё ещё не одобряют возникновение Славянской Федерации, им это совершенно не выгодно. — Ответил за Кирилла полицмейстер. — Католическая церковь имеет достаточный вес и влияние, чтобы бросить наше государство на растерзание лвам политической арены, как кусок мяса. Гиганты мировой экономики будут рады любому поводу. Мы не можем этого допустить, но и отказываться от своих планов не собираемся. Таким образом, был найден компромисс.

— И этот компромисс..? — хмуро осведомилась я.

— Ты. — подтвердил Збышек мою догадку. — Официально ты не принадлежишь ни к какой религиозной организации, о тебе мало что известно и, что самое главное, ты — сильнейший экзорцист поколения. Под твоим началом мы сформируем новую элитную бригаду из тщательно отобранных офицеров спецназа. Это на первом этапе. Если эксперимент пройдёт успешно, начнёт набор новобранцев из числа послушников обители. В результате мы получим универсальный отряд, способный противостоять как обычным преступникам, так и сверхъестественной угрозе. Так обстоят дела. Что скажешь?

— А если ваш «эксперимент» пройдёт НЕудачно? Вы понимаете, что даже опытные и прирождённые экзорцисты постоянно гибнут в борьбе с демонами? Как бы хорошо не были подготовлены ваши бойцы из спецподразделений, они практически не имеют шансов на выживание. — Мой голос был холоден, хотя внутри всё кипело.

— А ты испытай их. — спокойно ответил Ковалёв. — Поверь, они прекрасно осведомлены обо всех опасностях и смертельном риске. Отбор вёлся очень тщательно и на добровольных началах.

— То есть... Команда уже отобрана, я правильно понимаю? — я резко выпрямилась в кресле так, что оно скрипнуло.

— Ника, держи себя в руках. — Осадил меня настоятель, положив руку мне на плечо.

— Я себя контролирую. — прошипела я, сбрасывая его руку. — Так что, господин первый заместитель министра МВБ, всё уже решено? Вы настолько уверены в моём согласии? Уж не те самые ли «компрометирующие» материалы, что вы собирали на экзорцистов столь упорно, вселяют в вас подобную уверенность?! — это я почти что выплюнула, прямо глядя в холодные серые глаза. Почти такие же холодные, как мои собственные.

— Нет, Ника. Эту уверенность в меня вселил один старый обрядник, который готов отдать за тебя единственную оставшуюся у него руку. Он сказал мне: «В этом дерьме, только Ника сможет пройти с гордо поднятой головой и не увязнуть по уши. А если увязнет и нахлебается, то всё равно выплывет и плюнет им в лицо врагу.»- всё это было сказано

уверенным и спокойным тоном. Да, этот человек умеет держать себя.

— Старый обрядник всегда отличался цветистостью речи. — В голосе настоятеля сквозило недовольство. Между ними с Кристофом чувствовался давний холод.

— Ладно. — Выдохнула я, чем заслужила одобрительный взгляд отца-настоятеля. — Но сначала я сама хочу поговорить с командой и всё прояснить.

Вся эта беседа слегка потрепала мне нервы и я позволила себе немного расслабиться, облокотившись на спинку кресла.

— Отлично. Хельга подготовит официальные бумаги, указ о твоём назначении уже подписан. Вот, это тоже твоё. — Обер-полицмейстер протянул мне небольшую чёрную коробочку. Я приняла её и открыла. Там оказался значок. Именной. Отлично, вот теперь ты увязла окончательно, Ника. Кристоф верно заметил про дерьмо, старый лис.

*В кольце огня,
Во свете дня
Мой Грех, прошу, оставь меня!
Дай силы, Господи, сразить
Ту часть меня, что стала гнить.
Ту сущность, что сидит внутри,
Тот смрад, что отравляет мир,
Ту червоточину во мне,
По чьей вине
Горю в огне...*

Я вышла из здания министерства безопасности под палящее июньское солнце и несколько нервным жестом поправила сумку-почтальонку. Она прибавила в весе и объёме за счёт «беретты», а также чёрной коробочки с именным жетоном. Седовласый настоятель и импозантный тридцатипятилетний заместитель министра безопасности остались в кабинете последнего и продолжают что-то обсуждать. Мне не то, чтобы безразлично о чём они разговаривают — просто я ужасно выдохлась, так что думать ещё и о их паршивых недомолвках банально лень. Странное состояние... Даже когда приходилось изгонять ежедневно по несколько демонов, семь дней в неделю без выходных, я не чувствовала себя настолько измотанной. Нет, здесь дело не в физической усталости — я устала морально, мой мозг пухнет и разрывается на части от обилия рухнувших на голову проблем, требующих скорейшего разрешения.

Изгнать демона? Не вопрос. Убить? Да пожалуйста! Но играть роль сестры милосердия и постоянно заботиться о других, думать о их чувствах, налаживать отношения, поддерживать баланс? Это худшее для меня. Я могу притворяться, могу даже убедить себя в том, что ничто человеческое мне не чуждо, что сердце в груди всё ещё способно испытывать светлую радость, дружескую привязанность — всё это лишь иллюзии. Только тени, отголоски истинных чувств, которые не доступны в настоящем: вместо светлой радости — мрачное удовлетворение и злорадство, дружба и забота — только лишь рациональное знание, что-то вроде «они рядом и моя задача не дать им умереть». Вот и всё. Я больше не испытываю ничего настоящего, кроме ярости и боли — осталась всего лишь память о том, что должно ощущаться и при каких обстоятельствах.

Дверь в прошлое закрыта, её завалило трупами и чувствительная златовласая девчонка с наивными идеалами осталась по ту сторону. Лея Абданк — беззаботный и мечтательный подросток, любящий весь мир и окружённый обожанием близких — не сможет разгрести своими тонкими ручонками стену из останков, ей не одолеть этот рубеж.

Пусть там и сдохнет.

Ника Абданк просто перешагнёт через тела и гора трупов за её спиной будет расти, всё надёжнее закрывая путь в прошлое. Поэтому я ненавижу, когда меня называют полным именем «Леяника» — будто две половины приближаются друг к другу, грозясь прорвать укрепления и смести всё сокрушительной лавиной безумия. Баланс слишком хрупок. Но я уже выбрала сторону.

Подойдя к нагревшемуся под солнцем железному коню, я сняла куртку и закрепила её на сидении — плевать, что теперь стали видны ножны с клинком. Телефонный звонок застал меня врасплох, оторвав от самокопания. Совсем недавно заевшую мозг «Аве Мария» сменила мощная роковая композиция с ёмким названием «Monster», чьи бешеные биты заставили меня слегка вздрогнуть. Усмехнувшись, я нажала «приём», чтобы тут же услышать голос Юстаса, в котором отчётливо звучало возбуждение пополам с мрачной напряжённостью. Так обычно бывает перед заданием или когда заваривается крутая сверхъестественная каша. Вот только храбрый командир сейчас вынужденно пребывает в госпитале при обители и ближайшая перспектива битвы для него ой как далека.

— В районе Уяздовского парка, на улице Мязовецкого горит двухэтажное здание жилого кондоминиума. Я не могу покинуть обитель, — прорычал командир первого отряда, — сколько времени займёт у тебя дорога туда?

— Юстас, может ты объяснишь зачем я должна присутствовать на пожаре? — спросила я, устало вздохнув. — Для полного счастья мне не хватает только работы в пожарной бригаде, блин!

— Рамон.

Этого короткого ответа оказалось достаточно. Рамон — самая странная личность в корпусе экзорцистов, он Чувствующий. Или «наблюдатель». Так мы называем редких людей, способных ощущать колебания пространства, возникновение воронок и демоническую энергию. Они что-то вроде спутника слежения, разведчиков и сигнализации. Я видела Рамона всего дважды и не имею ни малейшего желания сталкиваться с ним снова. Мне совсем не понравилось как он на меня смотрел.

— Ясно. Буду там через пять минут, я как раз в центре. Рамон давал какие-то конкретные рекомендации?

— Нет. Только место назвал. Потом мы подключились к полицейской волне и узнали про пожар. Туда уже отправился кто-то из пятого отряда. Я решил, что ты должна это видеть.

— Понятно. Ладно, потом созвонимся. Выздоровливай.

Подумав, я подключила гарнитуру и сунула мобильный в карман брюк. Последний раз бросила хмурый взгляд в сторону департамента, запрыгнула на сидение и нажала на газ. Мотоцикл утробно взревел и уже через минуту удалось выехать из застывшего в пробке центра на более свободную объездную дорогу.

На улице Мязовецкого я оказалась минут через пять-семь, как и рассчитывала. Столпотворение зевак и служебных машин тоже не стало сюрпризом. Кое-кому медики оказывали помощь, носилки расположились прямо на асфальте и склонившийся над ними врач с помощью ингалятора приводил в чувство растрёпанную женщину. На правой половине её лица пузырились ожоги, что наверняка было адски болезненно.

Хм, кажется, до этого момента мне ни разу не приходилось иметь дело с пожарами, в обители мы только знакомились с теорией — большее количество времени отводилось штудированию экзорцизмов и боевой подготовке. Что ж, всё когда-то бывает впервые. Хмыкнув, я остановила мотоцикл неподалёку от полицейского авто, надела куртку и прицепила к лацкану новоприобретённый значок. Признаться, его наличие заставляло чувствовать себя глупо.

Толпящиеся местные жители, несколько полицейских, машина скорой помощи и, наконец, мне удалось подойти ближе к пожарной бригаде. Одного взгляда на выражения их

лиц хватило чтобы понять — дело дрянь. Хмурые, напряжённые, даже злобные взгляды. Вывод напрашивался сам собой и он мне совершенно не нравился..

— В здании остались люди?

Молоденький медбрат удостоил мою персону раздражённым взглядом и с некоторой долей превосходства всё же соизволил ответить на вопрос.

— Да. Какой-то псих поджёг квартиру. Полэтажа выгорело, огонь успел перекинуться в коридор и на подход к лестничной площадке. Из-за таких вот придурков меня срывают с выходного, чтоб его... - сплюнул он, скрестив руки на шуплой груди.

Ха, вот он, гуманизм медицинских работников. Н-да... Как это может быть связано с демонами? Понятия не имею, но нужно действовать. В самом деле, не стоять же здесь в ожидании барбекю из жильцов кондоминиума?

Тем временем на гидрант навинтили пожарную колонку и подсоединили рукава к выходным патрубкам. Одновременно с этим подняли выдвижную лестницу и приблизили её к окну второго этажа. Видимо, собирались разбить стёкла, мешающие потоку воды из шлангов. Четверо пожарных заняли установленные позиции перед зданием и из направленных рукавов хлынула вода.

Я огляделась в поисках других экзорцистов — Юстас ведь сказал, что сюда направились воины из пятого отряда. Отряда Демьяна. Так никого и не заметила; либо они ещё не прибыли, либо уже внутри. Скорее последнее. Пора и мне присоединиться.

Стоило лишь сделать несколько шагов в сторону входа, как в следующий миг вызванная взрывом газопровода ударная волна выбила стёкла из закопчённых окон, осыпая меня и находящихся внизу пожарных дождём из осколков. На мгновение я прикрыла глаза рукой, но тут же снова посмотрела на дымящиеся провалы окон. Всего на несколько секунд в одном из проёмов показался алый язык всепожирающего пламени, лизнул нагретый июньской жарой воздух и вновь исчез.

Со стороны людей, толпящихся на расстоянии слишком близком, чтобы оно было безопасным, послышались вскрики и испуганные возгласы. Кто-то даже сказал «Вау!». Н-да. Некоторые идиоты совершенно не ценят свою жизнь — и их следует спасать? А, чёрт бы всё побрал..

Я шла к главному входу, ожидая, что вот-вот меня кто-нибудь да остановит. Ожидания оправдались, когда мои стопы уже находились на расстоянии метра от ступеней.

— Эй, вы! Куда это вы направились, сумасшедшая?! — Один из пожарных схватил меня за локоть, резко дёрнув назад. Зря.

Я не стала ничего ему ломать, просто использовала его же силу, заломив руку назад и прижав к спине. Он оказался на коленях.

— Чтоб тебя... Ты что, мать твою, вытворяешь?! — прорычал мужчина, безуспешно пытаясь освободиться из захвата и посыпая меня отборным матом. И что теперь с ним делать? Мне нужно внутрь, а я тут время теряю, чёрт побери! Вся сцена длилась не больше тридцати секунд, когда перед нами возникла фигура полицейского. Я очень обрадовалась его появлению и тут же с улыбкой отпустила пожарного. Естественно, тот сразу рванулся ко мне, но второй офицер вовремя его остановил.

— Мисс, что происходит? В здание входить нельзя. Вы мешаете этому человеку делать свою работу. — Первый полицейский, среднего роста, с трёхдневной щетиной на лице и морщинками вокруг тёмно-карих глаз, обратился ко мне с изрядной долей нравоучения и суровости в голосе. Второй в это время оттащил пожарного подальше, что-то быстро ему

сказал и тот, кивнув, побежал помогать своей бригаде. Технично работают, молодцы.

— Капитан Абданк, второй руководитель ОТП, отряд «АнтиТень», — представилась я быстро, одновременно показывая полицейскому значок. — Я тоже делаю свою работу. Надеюсь, теперь я могу идти?

Честно говоря, я не знала наверняка оповестили ли уже полицию города о начале функционирования моего отдела, но, судя по выражению лица офицера, волновалась зря. Его брови лишь недоумённо взлетели вверх, когда он быстро оглядел меня с головы до ног. Потом взгляд задержался на моём значке и вновь стал профессионально-невозмутимым.

— Так вот значит как. Вы собираетесь войти в горящее здание? — в его голосе сквозило неверие, а в глазах стоял вопрос «Ты сумасшедшая?».

— Как видите. Извините, но мне пора. — Развернувшись, я шагнула под холодные брызги воды, падающие вниз от поднятых ко второму этажу рукавов. Вода из них была с невероятным напором. Разумеется, я тут же промокла, но в данном случае это пришлось очень кстати — некая отсрочка моему превращению в уголёк. Под возгласы толпы и окрики пожарных я вбежала на мокрое, усыпанное осколками крыльцо и, последний раз набрав в лёгкие относительно прохладного воздуха, нырнула внутрь. Полицейский не дал меня остановить, что хорошо. Горячая волна обожгла лицо и проникла в носоглотку, стремясь достигнуть лёгких. Это похуже.

Проморгавшись, смогла наконец различить в дымном полумраке парадного лестницу. Двери квартир были распахнуты, значит их владельцам удалось покинуть дом и спастись. Дым валил сверху, от лестничной площадки... Однако, у меня не оставалось иного выхода, кроме как попытаться пройти наверх. Я сняла куртку и набросила её на голову, прикрыв тем самым волосы и лицо; закрыла нос и рот рукой, чтобы хоть немного ограничить объёмы поступающего в дыхательные пути дыма и не задохнуться раньше времени. Вот идиотка! Стоило хотя бы маску у медиков одолжить. Попыталась ощутить демоническую энергию, но в стоящем гомоне, под сигналы пожарных сирен, треск горящего дерева и шум водного напора сложно вычленить какой-то отдельный раздражитель.

Покончив с обматыванием себя в куртку, я начала подниматься вверх по ступеням; глаза заслезились, ухудшая и без того мизерную видимость. Перила всюду полыхали, так что стена, примыкающая к лестнице, почернела от гари. Я шла боком, перешагивая через две ступеньки и прижимаясь спиной к нагретой стене. Куртка пока что надёжно защищала оголённые участки кожи от ожогов. Пока что. Уши слегка заложило. Хорошо ещё, что лестница не деревянная, как в элитных домах классического стиля. И на том спасибо.

Сзади послышались громкие звуки, голоса — выходит, пожарные продвигаются по первому этажу. Следовательно, мне стоит поспешить — ещё немного и кто-нибудь из них проберётся через окно на второй этаж и лучше, если я буду там, когда спасатель вдруг столкнётся с демонической сущностью. А она должна здесь присутствовать, иначе Рамон не стал бы даже упоминать об этом пожаре.

Я оказалась на площадке, вышла наконец из зоны задымления. Проблема состояла в том, что теперь появилась реальная угроза испечься в зоне теплового воздействия. Если мне не изменяет память, температура здесь не меньше 60 — 80 градусов по Цельсию... Закашлялась, от чего лёгкие наполнились жарким воздухом; предусмотрительно намоченная одежда почти совсем высохла и кожаные брюки липли к телу. Тонкие волоски подпалились, а кожа стала красного оттенка. Одни лишь волосы, собранные в тугую косу, всё ещё хранили влагу и только это спасало их от немедленного возгорания.

Осмотревшись, насколько было возможно в дыму, я насчитала пять квартир. Но только две привлекли внимание. Из дверного проёма крайней слева квартиры тянулись цепочки пламени, слизывая всё на своём пути; в тёмной глубине ревел и полыхал голодный огонь. От самой входной двери остались лишь ало-чёрные угольки. Судя по всему, это и есть эпицентр возгорания. Ближайшая дверь была приоткрыта, но не это тянуло меня к ней. Внутреннее чутьё наконец-то проснулось, перестав сбиваться, и мой «радар» буквально завопил от колоссальной мощи демонической энергии. Этот вопль отдался режущей головной болью: как будто десяток тупых лезвий протыкает мозг. Хотелось только одного — упасть прямо здесь и сейчас, умереть, сгореть дотла.

Огромная, ревущая стена огня возникла словно из ниоткуда, становясь непреодолимой преградой на пути к энергетически активным квартирам. Вот значит, что имели в виду спасатели, когда говорили об «отрезанном пути» вниз. Пламя воняло серой, в нём то и дело мелькали чёрные пульсирующие сгустки. Адская мгла. Демонское пламя. В горле запершило так, будто с него содрали слизистую и опалили. Скорее всего, это сравнение близко к истине. Чёрт. За огненной завесой мелькнул силуэт. Я шагнула в огонь... И вышла по другую сторону. Практически невредимая. Благодать, чтоб её... Выдохнула — потому что уже мысленно попрощалась с жизнью — и нырнула в соседнюю с эпицентром квартиру. Ту самую, из которой так и тянуло демоническими излучениями. На несколько секунд ужасный приступ кашля выдернул меня из реальности. Наконец, справившись с этим, сплюнула — в моей слюне копоть смешалась с кровью. Но это сейчас не важно, Ника, думай о цели! Остальное не имеет значения. Только ты и горящее здание. Только ты и демон. И человек, которого нужно спасти.

За порогом злосчастной квартиры меня ожидал... Шок. Да, это было ненормально: совершенно чистый воздух, стопроцентная видимость, комнатная температура и никаких очагов возгорания. Невозможно? Но факт. Быстро обвела слезящимся взглядом прихожую: сознание зацепилось за одиноко висящее пальто — довольно поношенное, классического покроя — и учебник философии, брошенный на столике рядом с ключами. Хм. Сбросив куртку, я поморщилась от боли: кожа на руках и плечах покраснела, шелушилась и кое-где уже появились наполняющиеся влагой волдыри — ожоги первой и второй степени тяжести. Мило, блин.

Очередной приступ скрутил тело, прошёлся по нервным окончаниям, прошиб мозг. Держаться. Ноги сами понесли меня к дальней комнате. Один... Два... Три, четыре... Восемь шагов. Порог. Схватиться рукой за косяк, на мгновение перенести вес тела с дрожащих и подкашивающихся ног, сделать осторожный вдох и удержать крик, вызванный обжёгшей горло и лёгкие болью. Говорить мучительно невозможно. Надо.

— Что ты делаешь? — чужой, хриплый голос. Мужчина, стоящий на коленях в центре пентаграммы, не шелохнулся. Шагнув внутрь и чуть влево, я обозрела центр комнаты с немного другого ракурса и стало ясно, что насыпанный на ламинированном полу символ не является пятиконечной звездой. Лучей было шесть — сатанинский знак призыва. Головоломка начала складываться в моём сознании, приобретая кошмарную ясность. Скорее всего, этот человек с помощью чёрного обряда вызвал демоническую сущность большой силы. Если судить по остаточным энергиям, свербящим мозг, это существо по силе сравнимо с Эросом. О том же говорит и пламя; теперь понятно, что пожар явно сверхъестественного происхождения — отсюда запах серы и мощная ударная волна, которую мы приняли за последствие взрыва газопровода. Остаётся лишь несколько вопросов: для чего этому

мужчине понадобилось поджигать здание, кого он призвал и как нам, мать его, теперь отсюда выбираться?

Медленно, больше из-за боли во всём теле, чем ввиду осторожности, я обошла печать призыва и остановилась напротив коленопреклонённой фигуры мужчины. Он всё ещё находился в неподвижности транса, но теперь можно рассмотреть его лицо: тонкие черты, острые скулы, опущенные вниз уголки рта, носогубные складки, карие глаза за аккуратными, безупречно чистыми линзами очков. Ничего примечательного, мужчина средних лет со среднестатистической внешностью среднестатистического преподавателя университета. Учебник философии и пальто говорили в поддержку этой версии. Глаза его лихорадочно блестели, взгляд направлен в никуда, губы запеклись и почти беззвучно что-то шептали. Но это не было стандартной одержимостью — я чувствовала тьму совсем иначе, чем при вселении демонской сущности.

Неожиданно человек будто вышел из плена наваждения и уставился на меня широко распахнутыми глазами. В них металась паника.

— Ч-что... О Господи...

— Что, вспомнил дело рук своих, а тварь? — говорить становилось всё труднее, но презрение и злость пересилили боль.

— Я... Я не хотел их смерти!.. Войцех Ходецкий имел всё, а я вынужден каждый день просыпаться и идти на ненавистную работу! Преподавать философию безмозглым отпрыскам богатеньких родителей! Знаете как они на меня смотрели? Как относились ко мне? С высока, будто я какое-то ничтожество!!! А Я И ЕСТЬ НИЧТОЖЕСТВО!...

Лавина эмоций обрушилась на меня, мелкой дрожью пронеслась по телу. Они сменялись, одна за другой проступая на лице мужчины и становясь всё более интенсивными, необузданными. На смену чувству вины и раскаянию пришли зависть, злоба, ненависть и... чёрное удовлетворение. Он упивался содеянным. И зависть к упомянутому Войцеху всё ещё съедала его изнутри, едким металлическим блеском отражалась в глазах.

— У него была прекрасная молодая жена, ребёнок, престижная работа и высокий достаток! Этому ублюдку всё было мало — он завёл любовницу! Спутался с одной из моих студенток, а ей ещё и восемнадцати не исполнилось! — всё не унимался он. Казалось, что внутри него разрушилась какая-то плотина и поток желчных, гневных речей не иссякал.

Подобно молнии меня ослепила мысль, одна фраза приобрела пульсирующе-багровый окрас: «Я не хотел их смерти!» Их смерти... Иисусе, неужели в той квартире находились люди?!..молодая жена, ребёнок... Господи, нет... Нет...» Плюнув на боль, я рванулась вперёд и обожжённые пальцы вцепились в серый твид пиджака.

— Что. Ты. Сделал? — я встряхнула его, — Отвечай, мразь! Кто-то был в соседней квартире, когда ты вызвал демона?!

Он трясся в моих руках, но не предпринимал попытки вырваться или подняться. И хранил молчание. Я зарычала от досады, но в следующее мгновение глаза преподавателя-чернокнижника закатились и в ноздри мне ударил мерзкий змеиный запах. Я не могла оторвать от него рук, всё внимание было приковано к человеку, поднимающемуся с неестественной гибкостью и плавностью в движениях... Хотя, вряд ли сейчас передо мной человек. Уже нет. Он поднялся с колен и мы оказались примерно одного роста; мои пальцы всё ещё сжимали ткань его одежды, расстояние между нами сократилось до нескольких дюймов. Алеющие прожилками сосудов белки без зрачков смотрели прямо на меня, завораживали... В голове зашептали сотни голосов, влекущих, сулящих избавление от

Маленькая девочка бежит по влажному гравию подъездной дорожки навстречу блестящему чёрному авто. Машина остановилась, водитель открыл заднюю дверцу и высокий жилистый мужчина ступил на гравий. Его тяжёлые армейские ботинки вдавили камушки в размокишую от недавнего дождя почву; светло-русые волосы, собранные в низкий хвост на затылке, блеснули на солнце.

«— Дядя Анастас! Дядя Анастас, ты привёз нам котёнка?» — мужчина развёл руки в стороны и девочка бросилась ему на шею, потряхнув золотистыми косичками.

«— Лея, златовласка моя, как ты считаешь, лгать грешно?»

«— Да, это грех перед людьми и Господом! — радостно ответила девочка, задумчиво пожевав губу. — Значит привёз! Привёз!!»

«— Ну конечно привёз, взгляни на заднее сидение. — мужчина отпустил девочку на землю, потрепав по золотистой макушке. Его холодные серые глаза на мгновение оттаяли и сощурились, будто в улыбке. Малышка заглянула в салон и секунду спустя раздался ни с чем не сравнимый визг чистого детского восторга. В руках она держала маленький пушистый комочек, такого же дымчато-серого цвета, как и её глаза, сейчас широко распахнутые и глядящие на дядю с чувством неопишуемой благодарности и обожания.

Восьмилетний мальчишка с разбитыми коленками встретил их у порога. Видно было, что ему также хотелось рвануться навстречу и броситься на шею дяде, но мужчине не пристало так себя вести. Он всего на год старше своей сестры, но всё же он старший. Значит, она должна видеть в нём опору, старшего брата, а не вздорного мальчишку.

— Вальди! Дядя Анастас привёз нам котёнка! Смотри, какой миленький! На, поглади его, — девочка подбежала к брату и протянула ему котёнка, улыбаясь до ушей.

— Здравствуй, дядя! — первым делом поздоровался мальчик, пожал дяде руку и только потом сдержанно приласкал пушистый комочек, елозящий в ручках сестры. Он старался казаться взрослым и серьёзным, но на лице его читался такой же дикий восторг, как и у младшей сестрёнки.

Анастас лишь тихо усмехнулся — он ведь знал, как страстно дети мечтали о домашнем питомце. Сильные, привыкшие к оружию пальцы невольно сжали висящий на груди медальон — родовой герб Абданк. Первая печать. Первый ключ к Апокалипсису. Всё существо второго ключа сейчас было поглощено созерцанием маленького мяукающего создания. Он поклялся себе сделать всё возможное, чтобы этот ребёнок никогда не узнал правды.

Никогда. Даже если ему придется ради этого умереть....

...

— Заткни пасть и не лезь ко мне! Уйди с дороги!

В тишине холла звук пощёчины показался оглушительным.

— Я старше тебя и по возрасту и в звании. И когда я говорю, что ты не идёшь на задание, это значит, что ТЫ НИКУДА НЕ ПОЙДЁШЬ!

Два взгляда — зелёные глаза, окружённые сетью морщинок и сурово прищуренные, против холодных и жестоких серых глаз — сошлись в извечном поединке. В поединке воли. Первый принадлежал Вачеку — командиру четвёртого отряда экзорцистов. Второй — четырнадцатилетней девушке-подростку, с короткими, криво обрезанными алыми волосами. Левая сторона её лица покраснела, но она ничем не выдавала своей боли. Эта боль ничтожна по сравнению с чёрной дырой, выедающей её изнутри; с яростью, сносящей любые внутренние барьеры; с жаждой мести, сжигающей кровь в жилах. Всё это открыто горело, полыхало в глазах Ники и бывалому капитану большого труда стоило выдержать этот взгляд. Не взгляд — открытая гнойная рана.

— В чём дело? — готовую взорваться дракой, напряжённую тишину нарушил бархатный баритон отца-настоятеля.

— Отец Кирилл, Ника не подчинилась прямому приказу и попыталась самовольно отправиться на задание с группой «2». - хорошо поставленным голосом военного доложил Вачек, воин Христа.

— Ника, объяснись. — голос настоятеля звучал спокойно, его взгляд был зорек и внимателен. Он наблюдал.

— Я уже полгода обучаюсь наравне со всеми. У меня есть силы, а у них нет. Я смогу изгнать этого демона. Я уничтожу его. — девушка прямо и решительно встретила взгляд настоятеля. В её глазах читалась жажда. Жажда крови. Мести.

— Иди. — коротко бросил Кирилл, вмахом руки заставив ошеломлённого командира отряда замолчать.

Отрывисто кивнув, девушка стремительно покинула зал.

— Почему ты позволил ей это?! — Вачек с трудом контролировал эмоции, он был удивлён и возмущён решением настоятеля. — Она же ещё девчонка! Ты отпустил её на

верную смерть — либо она погибнет сама, либо из-за неё пострадают мои люди..

— Знаю. — холодно и жёстко ответил настоятель, отсекая дальнейший спор. — Она либо выживет, либо нет. Она — наше оружие, а оружие нужно использовать. Я думаю, что Ника справится. Но на всё воля Господа.

Развернувшись и тем самым окончив разговор, Кирилл быстрым шагом направился в свой кабинет.

Вачек ещё некоторое время стоял в опустевшем зале и обдумывал происшедшее. Да, настоятель был жёсток. Порой, даже жесток. Они звались «воинами Христа», но по сути были большие воинами — готовыми жертвовать, готовыми убить. Такова их судьба, больше некому делать эту работу. Зло не победить бдением и постами, только сильнодействующие экзорцизмы и освящённые лезвия клинков могут одолеть демонов. Так тому и быть. Но эта девчонка... Он не испытывал к ней каких-то тёплых чувств, даже слабой симпатии. Его целью было сделать из неё воина, научить сражаться и изгонять демонов. Но сейчас, глядя на эту хрупкую фигурку, на едва ли зажившую руку, которая была почти вырвана с мясом меньше полугода тому назад, на горящие жаждой мести глаза... Сейчас он жалел её.

...

— Не надо, не убивай меня!! — слезящиеся глаза смотрят с мольбой, из бешено вздымающейся и опадающей груди доносятся хрипы, светлые волосы слиплись от крови. Но девушка всё ещё пытается спастись, медленно отползая, подтягивая к себе перебитые ноги. На чистом белом полу остается кровавый след. Другая девушка медленно, но неумолимо приближается к своей жертве, поудобнее перехватывает сверкающий багровым лезвием меч.

— Ты, создание дьвола, дитя Сатаны. Не думай обмануть меня, я чую твою вонь даже через тело этой невинной девушки. Будь ты проклят!! — молниеносный рывок, выпад и меч выходит ровно между лопатками одержимой. Мерзкое кровожадное выражение проступает на юном личике — истинный облик демона-константы проявляется в последний раз.

Меч выпал из рук красноволосой девушки, тут же рассеявшись. На белый кафель упала пара кровавых капель, брызнувших из леденящих душу серых глаз. И тихий, полный муки шёпот:

— Будьте вы прокляты..

...

— Элис! Приди в себя! Давай, ты можешь..- смутно знакомый голос проник в сознание и разорвал бесконечный круг видений из прошлого. Прошлого Ники Абданк. С трудом

открыв готовые взорваться от напряжения глаза, провидица встретила с горящим изумрудным взглядом.

— Что ты видела? — руки Яна крепко сжимали предплечья провидицы, почти до боли, но она этого не замечала. Из её глаз не переставая лились слёзы, а тело била дрожь.

— Сцены из жизни Ники. Это были сцены из её прошлого. Одна за другой, одна за другой... Как она только это выдерживала, как не сошла с ума... Боже, боже... Н-не могу..

Пальцы демона легли на её виски и спустя мгновение девушка прекратила дрожать и заикаться. В глазах её по-прежнему был ужас от увиденного, но теперь она могла себя контролировать.

— Так лучше? — спросил он, внимательно следя за реакцией девушки.

— Да. Спасибо... О ГОСПОДИ!!! — в следующий момент из глаза Элис закатились, а в уголках выступила кровь. Голос стал низким, вибрирующим от боли и ужаса. — СПАСИ ЕЁ ОСТАНОВИ ИХ!!! НИКА...

С нечеловеческой скоростью подхватив девушку, падший ангел осторожно опустил её на диван и, едва окончив движение, исчез.

Глава 12. Меж небесами и адом

*Потяни мои нервы на себя,
Время вспять
Поверни и забудь все тревожные лица.
Шебуришит пустота.
Так устала играть...
Пусть искристая заводь болоту приснится.
Разорви моё сердце на три-ноль,
Выпей боль
И она потечёт по иссушенным венам.
Пылью бьёт антресоль,
Краны топят водой,
Исцели мою душу — она заболела.
Подними меня вверх-
От спиртов и утех,
От клинков широчайших улыбок и взглядов.
Как червивый орех,
Горько-чёрен мой грех...
Ты убей меня.
Меж небесами и адом.*

Сколько людей, живущих бесценной «обычной» жизнью и бездумно транжирящих это богатство. Ни на что. Просто так. Всё принимая как должное.

Почему у меня не так? Почему у меня не может быть так? Отчего одним семейный уют, мир и рутина, а другим суровое сиротство и вечная кровавая резня? Какого дьявола я всё это терплю?! К чёрту!

Спасать мир? Помогать людям? А они мне помогали?! Где были эти тепличные создания, когда мою семью рвали демоны? Когда умирал мой друг? Когда я убивала? Где?! Я скажу вам где: дома, в тепле и уюте, в безопасности. Они трясутся за свои жалкие жизни и не ведают, какие ужасы подстерегают их на каждом шагу. Зато я знаю. Это я встречаю кошмары лицом к лицу, это я стою между ними и созданиями ада. И чем они мне платят? Презрением. Косыми взглядами. Гнусными перешёптываниями за спиной. Даже в обители, среди остальных воинов, я — изгой. Лишь оружие, которое с радостью используют, когда становится жарко, а после брезгливо прячут в чулан за семью стальными замками. Они боятся меня.

Пусть боятся. Я могу сделать их страх оправданным, я могу стать их самым страшным кошмаром. Они пренебрегают мной? Считают уродцем, ошибкой природы, дьявольским исчадием? Что ж, я могу с лихвой оправдать их ожидания.

Почему капитаном пятого отряда стал Демьян? Я в сотню раз сильнее его, у меня дар. Мои сверхъестественные способности не сравнимы ни с какими другими. Однако же, он на коне, а я исполняю жалкую роль химического оружия, водородной бомбы, булатного клинка в неумелых и недостойных руках тщеславных бездарностей! Его почитают, к его мнению прислушиваются, его приказы исполняют. Я же изгнанна даже из стен обители и

вынужденна слушать чьи-то дурацкие распоряжения! Мне ничего не стоит их уничтожить. Показать им, кто на самом деле является силой, королевой в этой игре. Да, уничтожь их...

Нет. Это не я... Прочь! Ааа... Моя голова... Я должна их убить. Всех. Убей их всех. Своим мечом. Мечом... Нет. Уйди. Пошли вон из моего сознания! УБИРАЙТЕСЬ!!! ПРОЧЬ!!

Красные сосуды в его белых глазах — первое, что я увидела. Они вздувались и, казалось, кровь кипела внутри них. На лице начали проступать выжженные дыры-узоры, как на бумаге, которую поднесли слишком близко к горящей свече. Через пару мгновений передо мной был уже пузырящийся труп, средней степени прожарки. Единственный запах привлёкший моё внимание — запах жжённых костей. Мои ногти горят. Это заставило оторваться от наблюдения за чудовищным возгоранием и отдёргнуть руки, сжимающие ткань пиджака. В тот же миг плоть профессора истлела, а чёрные обугленные кости с глухим звуком упали прямо в центр гексаграммы. Я перевела взгляд с потемневших кончиков пальцев на ноги — каким-то образом меня занесло внутрь знака призыва. Что бы это могло значить? Что-то... А какая разница?

— Ника? — окликнул сиплый от дыма голос. В комнату ворвались двое экзорцистов и, узнав меня, замерли в нескольких метрах от символа. Пятый отряд. Отряд Демьяна.

— Нет, милый. Смерть.

В тот момент, когда я бросилась в атаку, на краю зрения мелькнул клочок зеленоватого тумана. И тут же рассеялся. Показалось. Даниил, один из лучших воинов пятого отряда, едва успел уклониться от молниеносного удара моей правой ноги. Не растрчивая инерции, я тут же направила левую руку ему в челюсть. Голова противника запрокинулась, светло-русые прямые волосы на секунду разметались причудливым веером. Как раз в этот момент его напарник пришёл в себя и напал на меня из-за спины. Пока светловолосый заваливался назад, второй врезался в меня всей своей немалой массой и направил наше движение вправо, намереваясь уложить на лопатки. Перед самым падением, моя нога крепко обвилась вокруг его бедра и крутанувшись всем телом, я изменила позицию. Мы рухнули на пол и его спина впечаталась в натёртый до блеска ламинат. Тут же мой кулак влетел ему в живот. Нещадно захотелось ударить ещё — так, чтобы пальцы прошили плоть с костями насквозь и вышли с другой стороны, сжимая скользкие внутренности... Картина заполонила моё сознание и это стало ошибкой.

Брюнет — Лука, кажется, — захватил обе мои руки и его колено врезалось мне в висок. Но, вопреки ожиданиям, я не потеряла сознание и даже не почувствовала боли. Что-то лопнуло в голове, какая-то туго натянутая нить и всё стало предельно ясно. Убить. Всех. Это осознание пришло одновременно с ощущением жёсткого пола под спиной. Противник оказался сверху и теперь мой торс был крепко прижат мужским телом. Под чёрной кожей его перчаток лопались водянистые пузыри на моих руках, взрываясь адской болью обожжённой плоти.

Яростный, звериный рык сорвался с пересохших губ и я ударила его головой в лицо. Он удивлённо охнул и из сломанного носа на меня брызнула горячая кровь. Освободившуюся руку я со всей силы вбила в левую часть его туловища. Раздался треск ломающегося ребра; брюнет с глухим стоном повалился на бок. Вскочив на ноги одним гибким движением, я лицом к лицу столкнулась со светловолосым. На его лице читалась борьба, сомнения.

— Сестра Евангелина... Ника, приди в себя! Это же мы. Я не стану делать тебе больно если... — Он замолчал, увидев как я слизываю с губ кровь его напарника.

Узнать, что же последует за «если» теперь не суждено — один за другим на меня обрушилась череда мощных и быстрых ударов. Я уклонялась. И хохотала. Неистово. «Человечишка! Что ты можешь мне сделать? Ничтожество. Как и все вы!»

Очередной замах длинной мужской ноги заставил отступить к стене. Тут же железный кулак ударил меня под дых. Дыхание споткнулось и живот взвился острой болью. Согнувшись пополам, я сквозь упавшие занавесом алые пряди наблюдала за двумя мужчинами, наступающими на меня. Лица экзорцистов лишились последних признаков сомнений; теперь их задача была ясна — обезвредить и победить врага. Меня. Я засмеялась, давясь болью.

— Она..?

— Всё может быть..

Напарники переглянулись и, кажется, приняли какое-то решение. Что ж, посмотрим..

Они напали синхронно — как два хорошо отстроенных, слаженно работающих механизма. Мне пока что удавалось уходить от сокрушительных ударов, принимая не особо опасные. Два внушительных кулака едва не разбили мне лицо. Пара витков, полтора танцующих шага... и вот, я уже за спиной светловолосого, а его рука с хрустом выворачивается под неестественным углом. Глухой вскрик светленького и яростный рёв его напарника. Ага, значит, они дороги друг другу... Мне знакомо это чувство. Были люди, которыми я дорожила и которые дорожили мною. Все они мертвы. Это больно.

— Тебе больно, да? — спросила я у брюнета, перехватывая его кулак перед своим лицом. — Ты беспокоишься о светленьком? — Моя рука, со сложенными «копьем» пальцами бьёт точно и сильно — прямо в сломанное ребро. Брюнет взвыл.

— Тв-варь... - прошипел он сквозь зубы.

— Так и знала, что беспокоишься..

Ещё один резкий выпад по коленной чашечке. Щелчок. И тёмненький сломанной куклой оседает на пол. Мощный удар ногой попадает мне прямо меж лопаток и я лечу в стену. Выброшенные вперёд руки гасят удар, останавливая моё лицо перед самой встречей с шершавой поверхностью. Второй молниеносный удар в незащищённую спину. Боль разливается по позвоночнику, а ярость по венам. Разворачиваюсь к противнику и чувствую, как лицо моё перекосила кровожадная гримаса: одна рука светловолосого повисла бесполезной плетью, но каждое движение тревожит не зафиксированный перелом, причиняя адскую боль.

— Больно-о-о? — шепчу я, облизываясь. Приседаю, подныривая под следующий удар; поднимаюсь, но тут же оказываюсь прижата спиной с стене. Плотно. Так плотно, что стук сердца светленького отдаётся у меня в рёбрах.

— Что ты творишь?! Приди в себя, иначе... - он в бешенстве, но всё ещё пытается достучаться до меня. Наивныййй..

— Светленький, а ты... - прижимающее меня тело напряглось в ожидании; я сделала паузу, оценивая расстояние до брюнета, поднявшегося на ноги и сейчас направляющегося к нам с обнажённым клинком. Светлый не мог его видеть, так как стоял спиной к комнате. Крестообразная рукоять блеснула серебром. Брюнет, в отличие от напарника, не сомневался. — ... дорожишь своим напарником? Я приподнялась на цыпочки, резко прижалась к светловолосому ещё теснее, готовясь вырвать левую руку из слабеющего захвата и послать в брюнета мощный заряд кровавого света..

— Даниил. Не «светленький». Даниил. Ты меня не узнаёшь? — неожиданно тихо и

мягко проговорил схвативший меня экзорцист. Приподнявшись, я как раз находилась на уровне его шеи и внезапно моего обоняния коснулся такой знакомый запах... Запах ладана. Освященного благовония. Слова «Cruentus subluceo!» замерли на губах, так и не пронзие пространство кровавым пламенем. Господи, что я делаю?.. Что я, чёрт побери, сейчас чуть не сделала?!.. Багровая пелена вновь заволакивала глаза. Сердце ужалила зависть; гнев вскипал внутри, поднимаясь вверх, как лава по жерлу вулкана. Тревожно шепчущие голоса возвращались...

А Даниил тем временем ослабил натиск, чуть отстраняясь и заглядывая мне в лицо. Лука тоже замер, остановившись в паре шагов от нас, но всё ещё крепко сжимая клинок. Я чувствовала, что скоро потеряю себя — этот неизвестный противник мне не по силам. Как бороться с собственной тьмой? Я знала, что максимум через минуту, двое воинов будут мертвы. Они не выживут. Я убью их. И мне этого хочется. Очень...

Я рванулась вперёд, сокращая расстояние между собой и светл... Даниилом. Обхватив его одной рукой за талию, другой зарылась в светлые волосы, судорожно сжав. Я ощутила как Лука метнулся на помощь к напарнику, но Даниил остановил его движением руки. Уткнувшись носом ему в шею, я со свистом втянула в себя запах ладана. Это помогло, но только временно.

— Даниил..- сквозь стиснутые зубы удавалось извлечь только нечто среднее между рычанием и шипением, но он меня услышал. Его здоровая рука легла мне на спину, между лопатками — прямо на место удара. Но боль тоже помогала.

— Ника?

— Уходите...в окно... Быстро.

Его рука усилила нажим, в попытке удержать меня, но тщетно. Извернувшись из захвата, я призвала меч и резко полоснула себя по предплечью, рассекая кожу и мясо. Миг — и я вновь в центре дьявольского знака; моя кровь упала на обугленные останки профессора и тут же задымилась. Я рухнула на колени, уперевшись в меч и теряя над собой контроль. Краем глаза заметила, как Лука бросается к напарнику и тянет его прочь, к окнам. Правильно... Голоса прорвались, моя ярость выплеснулась наружу с истошным криком. Всё, чего я была лишена в этой жизни, лица родных и близких, мои убийства и жертвы — всё это багряной вереницей закрутилось перед глазами, находя выход в диком крике и неодолимом желании... Желании убивать... «Ты убьёшь. Ты запятнаешь свой меч, даааа... «Не моё. Не мои слова. Не мои желания. ПРОЧЬ!

— Et ne nos inducas in tentationem, sed libera nos a malo!!!!* — прокричала я, каждое слово исторгая с кровью, и вонзила кровоточащее лезвие в центр знака призыва. Раздался рёв огня и гул тысячи голосов. В следующую секунду вокруг дьявольского знака взметнулась огненное кольцо. Последнее, что я помню — звук разбивающегося под напором тел оконного стекла и чей-то голос, выкрикивающий моё имя... Миг — и чёрное пламя сомкнулась надо мной, прожигая до костей.

Всеслав.

В Обители царит полный бедлам. Утро начиналось, вроде бы, вполне нормально. Ну, как нормально... То есть, не для всех пятнадцатилетних подростков является нормой принятие ледяного душа в огромной душевой с кучей кабинок и толпой качков-воинов, затем

построение на плацу (да, на «заднем дворе» обители есть настоящий плац, а ещё полоса препятствий, беговые дорожки, турники — всё как в армии), следом двухкилометровая пробежка, получасовой спарринг с использованием трёх видов оружия, а потом ещё четыре часа нудных лекций по истории ордена экзорцистов, церкви, религиоведению, лабораторная по «Изгнанию бесов», практикум по православной «Отчитке» и далее, далее, далее...

Но я не жалею, нет. Этот путь я выбрал для себя сам и только идя этим путём я смогу отомстить за брата. И спасти десятки, а может и сотни невинных душ. Ради этого я готов хоть пять раз в день гулять по раскалённым углям, не говоря уж о зубрении языкодробительных экзорцизмов!

Так вот, я отвлёкся. Всё началось с того, что около двух пополудни этот жуткий тип в чёрной сутане — это я о Рамоне — вышел из своей кельи и сразу же направился в кабинет к отцу Кириллу. Ничего хорошего такое событие не предвещало — ясно и ежу и мне. После нескольких месяцев обучения, наряду со многими правилами и тучей информации, я усвоил одно — появление Рамона в кабинете настоятеля сулит неприятности. Только вот сегодня каша заварилась та ещё!

Больше книг на сайте - Knigoed.net

notes

Примечания

кровавый свет, прим. автора

Слава Отцу (лат.)

и Сыну и Святому Духу (лат.)

Во имя Бога!!! Истинно! (лат.)

Святой Михаил Архангел (лат.)

оборони нас в битве, против бесчинств и козней диавола будь нам защитой.

Да обуздает его Бог, смиренно молим. Ты же, князь воинства небесного, сатану и прочих духов злых, что на погибель душам в мире рыщут, силою Божией низвергни в преисподнюю. Истинно (лат.)

Обратить вспять демонов (лат.)

Заклинаю тебя духом! (лат)

Бог Всемогуций

Обратить вспять демонов (лат.)

министерство внутренней безопасности, прим. автора